БК
40
О-52

АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ

Ленинградский Государственный Университет
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БК
40
052

С. Б. ОКУНЬ

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА

Государственное Социально-экономическое издательство
Москва — Ленинград
1939

12 экз

9(47)
О—52

Настоящая книга посвящена истории русских поселений на северо-американском материке и прилежащих островах.

Хронологически работа охватывает время с середины XVIII до 60-х годов XIX века, т. е. с момента появления первых русских мореплавателей в северной части Тихого океана до продажи Аляски Соединенным Штатам Америки. В основу ее положены новые архивные материалы.

Книга рассчитана на преподавателей высшей и средней школы, студентов исторических факультетов и всех интересующихся историческим прошлым.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
588072

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Российско-американской компании — это один из очень заметных моментов в процессе проникновения России к берегам Тихого океана.

Между тем, эта интересная и важная тема в истории нашей страны оставалась до сих пор не исследованной: в то время как тихоокеанский узел противоречий периода империализма неоднократно являлся предметом изучения наших историков, тихоокеанская политика предшествовавшего времени оставалась вне поля их зрения.

Единственная капитальная работа, посвященная деятельности Российско-американской компании, П. Тихменева[1] освещает историю Российско-американской компании лишь с точки зрения ее коммерческой деятельности, обходя весь комплекс проблем, связанных с царской экспансией на Тихоокеанское побережье.

Без учета политики царизма на Тихом океане, однако, многое не может быть разрешено и в общем ходе внешней политики царской России.

Подобно тому как английское правительство двести лет вело войну за обладание Индией, прикрываясь именем Ост-индской компании, так и царское правительство почти сто лет интенсивно боролось за берега Тихого океана, прикрываясь именем Российско-американской компании.

Но эта политика царской России не была прямым подражанием английской. Подобная форма экспансии имела широкое распространение в период, когда борьба за раздел мира еще не вступила в свою кульминационную фазу. Но в период империализма, когда идет откровенная борьба за передел мира, в подобной маскировке уже нет надобности. И не случайно, что три аналогичных монопольных объединения — английские Ост-индская и Гудзонбайская и Российско-американская компании были ликвидированы почти одновременно,

[1] *П. Тихменев,* Историческое обозрение образования Российско-американской компании, СПб., 1861—1862.

в 60-х годах прошлого столетия, так как они стали в это время уже не нужными.

История Российско-американской компании — это в то же время эпопея великих географических открытий, совершенных русскими мореплавателями. Беринг, Чириков, Шелихов, Крузенштерн и многие другие русские мореплаватели проложили новые пути, открыли и изучили новые, до сего времени никем не посещавшиеся земли и воды.

История этой компании в то же время важна и как страница из жизни тех народов, которые были объектом колониальной эксплоатации царской России, которые при посредстве Российско-американской компании попадали в число зависимых от русского капитала со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Таким образом, изучение истории Российско-американской компании — задача большая и очень важная. Автор для своей цели использовал новый архивный материал, до сих пор в научный оборот не поступавший, чем несомненно придал своей книге характер новизны и убедительности.

Б. Греков.

ОТ АВТОРА

В основу настоящего исследования положены архивные материалы, хранящиеся в московских и ленинградских государственных архивах.

Работа над историей Российско-американской компании затруднялась, однако, тем обстоятельством, что большую часть архива главного правления компании приходится считать утраченной.

По положению, после ликвидации компании ее архив должен был быть передан в министерство финансов. Но эта передача по каким-то причинам не состоялась. [1]

Незначительная часть документов из архива главного правления в виде отдельных, выделенных из дел документов попала в руки историка флота Ф. Ф. Веселаго, а затем вместе с его архивом перешла в архив Государственного Географического общества, где хранится и поныне.

Так называемый фонд главного правления Российско-американской компании по управлению в России, хранящийся в Архиве народного хозяйства (Ленинград), содержит лишь... 10 единиц хранения, которые попали в архив после революции.

Что же касается другой части фонда Российско-американской компании — материалов «по колониальному управлению», находившихся в Новоархангельске, то, согласно конвенции 1867 года о продаже русских поселений, они подлежали передаче Соединенным Штатам Америки.

Неблагополучно обстоит дело и в отношении личных архивов отдельных деятелей компании, материалы которых могли хотя бы частично компенсировать отсутствие архива Российско-американской компании. Эти архивы оказались распыленными и в значительной части, очевидно, утрачены. Часть архива, наименее на наш взгляд ценная — основателя компании Шелихова и первого ее директора Булдакова — пере-

[1] По некоторым сведениям, в смете министерства финансов не были предусмотрены средства для перевоза архива компании, и материалы были оставлены без всякого присмотра.

везена была из Вологды, где она была обнаружена, в Государственный архив феодально-крепостной эпохи (Москва). Другая небольшая часть этого же фонда, наиболее содержательная, была случайно приобретена Академией наук СССР и передана в архив Института истории.

При собирании материалов для настоящей работы пришлось поэтому сконцентрировать внимание на фондах тех учреждений, которым компания была подведомственна (департамент мануфактур и внутренней торговли) или с которыми она находилась в переписке (Сенат, Государственный совет, министерство иностранных дел, морское министерство и др.). Иногда ценные материалы удавалось обнаруживать и в фондах учреждений, с которыми компания по роду своей деятельности не имела никакой связи. Так, материалы, характеризующие экономическое положение компании в 40-х годах, оказались в фонде министерства народного просвещения, куда они попали, видимо, потому, что вопрос о компании обсуждался в комитете министров и копии материалов рассылались по всем министерствам.

Очень большую помощь в розысках архивных материалов оказывает исследователю указатель материалов по истории Америки, хранящихся в русских архивах, составленный выдающимся американским исследователем Ф. Гольдером.[1] Хотя он не является исчерпывающим, но во многом облегчает изучение истории русско-американских отношений и истории поселений на американском материке.

Литературные источники, использованные в настоящей работе, распадаются на две группы. Первая группа, наиболее обширная, охватывает мемуарную литературу о многочисленных кругосветных экспедициях русских мореплавателей. Записки о путешествии И. Крузенштерна, О. Коцебу, В. Головнина и других содержат ценный материал также и по истории русских поселений в Америке, хотя касаются преимущественно организационной стороны деятельности компании и положения русского и туземного населения в колониях.

Вторая группа источников — работы исследовательского характера, посвященные деятельности Российско-американской компании, — чрезвычайно ограничена. Помимо ряда мелких заметок, разбросанных в периодической литературе, мы имеем лишь одну исследовательскую работу П. Тихменева.[2] Хотя эта работа была чисто «ведомственной» историей и призвана была безоговорочно прославлять деятельность компании, она представляет для нас значительный интерес, так

[1] *F. A. Golder,* Guide to Materials for American History in Russian Archives, Washington, 1917.

[2] *П. Тихменев,* Историческое обозрение образования Российско-американской компании, ч. I—II, СПб., 1861—1863.

как Тихменев использовал утраченные ныне материалы архива главного правления компании. Правда, им были привлечены лишь материалы, касающиеся экономической стороны деятельности компании, и фонды правительственных учреждений совсем не были обследованы.

К работе Тихменева несколько приближается полуисследовательская, полумемуарная работа директора компании К. Хлебникова. Часть его работы под заглавием «Записки о Америке» напечатана в «Материалах для истории русских заселений по берегам Восточного океана», приложение к «Морскому сборнику», СПб., 1861, вып. 3, но большая часть ее в рукописных копиях хранится в архиве Государственного Географического общества и архиве Института истории Академии наук СССР.

Одной из наиболее ценных статей, посвященных Российско-американской компании, является этюд С. С. Шашкова.[1] Не внося ничего нового в смысле использования источников и ограничиваясь по преимуществу записками путешественников, в различное время посещавших русские поселения в Америке, Шашков впервые поставил по-новому целый ряд вопросов, связанных с деятельностью компании, в том числе вопрос о тех методах, при помощи которых компания хозяйничала в колониях. Характеризуя коммерческую деятельность компании, Шашков отмечает, что именно монополия, которая создала благосостояние компании, в итоге привела ее к застою, а затем и к полному экономическому краху.

Содержательный материал по истории главным образом последнего периода компании дают ведомственные издания как самой Российско-американской компании, так и министерства финансов.

Печатные отчеты Российско-американской компании содержат сведения не только о состоянии ее финансов, но и о численности как русского, так и туземного населения, состоянии сельского хозяйства, промыслов в колониях и пр.

Из изданий министерства финансов следует особо выделить «Отчет по обозрению русских американских колоний в 1860 и 1861 гг. действительного статского советника Костливцова», напечатанный в «Приложениях к докладу комитета об устройстве русских американских колоний» (СПб., 1863) и вышедший также самостоятельным изданием. Отправленный в 1860 году для ревизии колониального управления Костливцов описывает не только все отрасли деятельности компании, но и положение зависимого туземного населения. Дополнением к материалам, сообщаемым Костливцовым, служат напечатанные в тех же «Приложениях к докладу комитета» отчет

[1] *С. С. Шашков*, Российско-американская компания, Собр. соч., т. II, СПб., 1898, стр. 632—652.

капитана Головина и разнообразная переписка, связанная с последним периодом деятельности компании.

Рассмотрение экономической стороны деятельности Российско-американской компании, которая хотя и несколько тенденциозно, но все же полно была обследована П. Тихменевым, не является основной задачей настоящей работы. Наибольшее внимание мы уделяем экспансии царской России в Северном бассейне Тихого океана в первой половине XIX века, которая велась под прикрытием компании.

Вторая задача настоящей работы — исследовать ту специфическую форму экономической зависимости русских промысловых рабочих и коренного населения, которая была создана Российско-американской компанией на занятой ею территории.

История блестящих географических открытий, связанных с кругосветными экспедициями, организованными Российско-американской компанией, и вопросы этнографии туземных племен района заселений ее, поскольку они являются предметом рассмотрения в специальной литературе, в настоящей работе не нашли отражения.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ «ПРОМЫШЛЕННИКИ» НА СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОМ МАТЕРИКЕ

«Россия, как и Западная Европа, имела свою эпоху великих открытий. Ее ареной, — как правильно отмечает выдающийся советский этнограф Л. Я. Штернберг, — была вся северная Азия от Урала до Тихого океана. Как Америка до Колумба, вся эта громадная часть азиатского материка, до появления там в XVI столетии русских, была полной terra incognita для европейского мира». [1]

С XVI века, с того момента, как русские казаки в поисках наживы появились у северных берегов Тихого океана, ведет свое начало ознакомление с этим почти совершенно неведомым краем.

Активное же продвижение русских в северном направлении бассейна Тихого океана начинается с первых десятилетий XVIII века.

Уже в 1716 году полковнику Ельчину было поручено исследование островов, расположенных против Чукотского носа и Большой земли. Однако экспедиция эта не была осуществлена.

В 1719 году геодезистам Евреинову и Лужину, посланным для исследования и описания Курильских островов, предлагалось определить, «сошлася ли Америка с Азией».

Этот же вопрос был поставлен и перед первой экспедицией Беринга, указ об отправке которой относится к 1725 году. Во время первого плавания в 1728 году Беринг, однако, не разрешил этого вопроса. В указе 1732 года о снаряжении второй экспедиции под начальством Беринга ему было предписано итти «для проведывания» земли, которая, по предположениям, является американским материком, узнать, «какие на них народы, и как то место называют, и подлинно ль те берега американские».

[1] *Л. Я. Штернберг*, Этнография, сб. «Тихий океан», изд. Академии наук СССР, 1926, стр. 147.

Но еще до того, как вторая экспедиция Беринга отправилась в путь, геодезист Михаил Гвоздев, в июне 1732 года вышедший из устья р. Камчатки к Анадырскому устью, в августе подошел к Большой земле (около мыса Принца Валлийского) и стал на якорь. Это было первое посещение берегов Америки русскими мореходами.

Однако окончательно путь из Камчатки в Америку вдоль гряды Алеутских островов был проложен двумя выдающимися русскими путешественниками Берингом и Чириковым.

Экспедиция Беринга в составе двух судов вышла в путь в июне 1741 года, но приблизительно под широтой 49°50′ вследствие густого тумана и жестоких ветров судно «Св. Петр» под командой Беринга и судно «Св. Павел» под командой Чирикова потеряли друг друга.

Беринг доходил вплоть до американского материка и видел невдалеке снежные горы, впоследствии названные именем «св. Илии», а также о. Кадьяк, открыл группы неизвестных до того времени островов, первый из русских наблюдал у о. Нагай алеут, был вблизи ряда островов Алеутской гряды и закончил свою жизнь на одном из Командорских островов, названном его именем.

Хребет св. Илии видел и Чириков; он был, повидимому, вблизи не то о. Умнак, не то Уналашки. В следующем, 1742 году, во время вторичного плавания, он подошел к о. Атта.

А за ними, привлеченные слухами о богатых пушных промыслах, пошли десятки смельчаков, превративших путь из Камчатки в Америку в один из оживленных морских трактов того времени. Вначале они ограничивались лишь Командорскими и Алеутскими островами. Первым решился отправиться на поиски бобров сержант нижнекамчатской команды Емельян Басов. Вступив в товарищество с московским купцом А. Серебренниковым, он построил маленький шитик и летом 1743 года отплыл к о. Беринга. Там Басов провел зиму и в 1744 году возвратился на Камчатку. В следующем году Басов, субсидируемый купцом Н. Трапезниковым, вновь отправился на о. Беринга. Купцы охотно поддерживали эти экспедиции, надеясь на большие прибыли.

В том же 1745 году на судне, построенном группой купцов, отправился к Алеутским островам участвовавший во второй экспедиции Беринга тобольский крестьянин Михаил Неводчиков. Неводчикову не повезло, судно его на обратном пути разбилось, и он вернулся на Камчатку, потеряв 32 человека из своей команды, в июле 1746 года.

В 1746 году группа купцов вновь построила судно и под командой морехода, селенгинского купца Адриана Толстых, отправила его на поиски новых источников пушнины.

Так из года в год многочисленные искатели наживы совершали плавания на Алеутские острова, смело преодолевая все препятствия, лежавшие на этом трудном пути.

На Алеутских островах промышленники обычно оставались по нескольку лет. Бóльшую часть пушнины они получали, выменивая и грабя ее у туземного населения. Небольшое количество пушнины они добывали сами, занимаясь промыслом. На купеческих же судах отправлялись сюда для сбора пушнины и правительственные агенты.

В конце 50-х годов, когда Алеутские острова были весьма основательно обобраны, начинаются поиски новых, еще никем не посещавшихся мест.

В 1759 году промышленник С. Глотов впервые после Чирикова посетил о.о. Умнак и Уналашку. В 1761 году судно иркутского купца Бечевина уже достигло п/о Аляски, найдя в Иссинахском проливе так называемую Протасовскую бухту, очень удобную для стоянки.

После того как в Петербурге были получены известия об успехах русских промышленников и об их продвижении на «новые земли», Екатерина II в 1764 году секретным указом предписывает адмиралтейств-коллегии немедленно снарядить секретную экспедицию, не объявляя об этом даже Сенату, для описания «до ныне неизвестных разных островов, дабы оттуда можно было получить всю могущую пользу».

Секретная экспедиция, начальником которой был назначен капитан-лейтенант П. К. Креницын, была наименована с целью маскировки «комиссией для описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в них рекам». К Алеутским островам участникам экспедиции предлагалось ехать на промысловом или торговом судне и не иначе как в качестве пассажиров. Лишь в крайнем случае при отсутствии промысловых судов разрешалось строить новые. В инструкции адмиралтейств-коллегии Креницыну предлагалось плыть к о. Умнаку, собрать сведения об Алеутских островах, особенно об о. Кадьяке, и определить его расстояние «от матерой американской земли».

Экспедиция Креницына в составе четырех судов в 1768 году посетила Алеутские острова. Одно судно под командой Левашева зимовало на о. Уналашке, другое под командой Креницына на о. Унимаке. Это были крайние точки, достигнутые экспедицией Креницына.

Еще раньше, в 1764 году, по предписанию адмиралтейств-коллегии, отправился из Охотска для описания американского берега лейтенант Синд. Синд зашел далеко на север, до 64°50′, но американского берега не видел.

Между тем, одержимые жаждою наживы купцы осваивали трудный путь к американскому материку, и правитель-

ство всячески поощряло их предприимчивость. Купцов награждали медалями, прощали им долги казне.

Это внимание царского правительства к продвижению в северо-восточном направлении не было случайным.

Ясак, в натуральной его форме, ко второй половине XVIII века, т. е. к периоду активного продвижения русских купцов к северо-американскому материку, потерял свое былое значение, а к тому же расходы, связанные с организационными мероприятиями по его взиманию, немногим были бы меньше получаемых доходов.

Однако пушные богатства края и малочисленность его населения при соответствующей организации промыслов открывали широкие возможности для закрепления России на азиатских рынках. В первую очередь это относится и к китайскому рынку, где очень скоро котиковые меха — основной вид пушнины, промышляемой на северо-американском побережьи, — нашли широкий сбыт. Между тем китайские товары — чай, шелка и пр. — имели огромное значение для русского рынка, и заинтересованность китайцев в торговле с Россией была весьма велика. Это уже хорошо понимали в XVIII веке. «Открытие новых и неведомых земель во всегдашнее время имело влияние на всеобщую торговлю и производило во всех тех государствах, кои взаимностью польз между собою связаны, великие перемены в отношении их, промыслах рукоделий, богатств и изобилий», — писал Екатерине II ее статс-секретарь П. А. Соймонов в записке «О торге и звериных промыслах в Восточном море».[1] Но стремясь закрепиться на Аляске и прилежащих островах, царизм не рассчитывал этим ограничиться. Аляска должна была явиться лишь плацдармом для дальнейшей экспансии.

Это стремление царской России к широкой экспансии нашло яркое отражение и в появлявшейся в этот период на книжном рынке литературе.

«Открытие Америки» царской Россией во второй половине XVIII века совпадает с распространением в России идей меркантилистов, рассматривавших внешнюю торговлю как первенствующий источник обогащения государства.

Работы меркантилистов и главным образом популяризаторов идей меркантилизма переводятся в это время на русский язык и издаются в России.

Одним из наиболее характерных произведений, посвященных актуальному для того времени вопросу, являлся вышедший в 1766 году трактат французского меркантилиста И. Юсти «Торгующее дворянство, противу положенное дво-

[1] Архив внутренней политики, культуры и быта (АВПК и Б), Ленинград, фонд Непременного совета, д. № 103.

рянству военному, или два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество». Перевод этой работы принадлежал будущему автору «Недоросля» Денису Фонвизину.

Трактат Юсти представляет собою весьма образный пересказ идей виднейших представителей экономической мысли XVIII века, в частности, классического ее представителя — В. Петти. Еще за сто лет до появления «рассуждений», характеризуя купцов, занимающихся внутреннею торговлей, В. Петти отмечал, что «они, собственно говоря, самостоятельно ничего не доставляют государству... они представляют собой не что иное, как вены и артерии для распределения крови и питательных соков государственного организма». [1]

Но для российского дворянина компилятивные творения французского меркантилиста были по ряду соображений более приемлемы, чем труды его английских предшественников. Русского дворянина, равно как и французскую знать, особенно подкупало то, что Юсти занятие внешней торговлей рассматривал как одну из форм государственной деятельности. Торгуя теми же мехами и тем же дегтем, российский дворянин, однако, не желал уподобляться «купчине». Внутренняя торговля — дело «аршинников», внешняя — дело «мужей государственных», ибо, как отмечает Юсти, — «полновесие коммерции и государственной силы — есть единое». Юсти прибегает к весьма образному доказательству своей мысли: «Что нам делать шпагою, отвечают дети отцу, вручающему им дворянский меч, — когда кроме голода не имеем мы других неприятелей?» Задав от имени детей оскудевающего дворянского рода этот вопрос, автор заключает: «Отец их, может быть, разумнее бы зделал — есть ли бы при изъяснении им своего родословия, сказал им: Любезные дети, многие пути отверсты вам к щастию, война, суды, церковь — есть ли принимать в уважение одно только щастие, то имеем мы еще купечество, в котором малыми вещами великие приобретаются. Оно доставляет нам великие богатства, в коих никто нас упрекнуть не может». [2] Причем под «купечеством» подразумевается внешняя торговля.

В этот период, когда царская Россия вступала на путь широкой колониальной экспансии, некоторые фразы трактата звучали как боевой призыв. «Отворяет Европа нам свои при-

[1] *В. Петти,* Трактат о налогах и податях, сб. «Меркантилизм», Л., 1935, стр. 213.

[2] Торгующее дворянство, противу положенное дворянству военному, или два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество, СПб., 1766, стр. 10.

стани, зовет нас Азия, ожидает Африка, и Америка на нас полагается».[1]

Упоминание наряду с прочими частями света и Америки уже в 60—80-х годах XVIII века для российского дворянина не было лишено определенного значения.

Помещичье хозяйство все сильнее связывалось с рынком, вступая в неразрешимое противоречие со своею натуральной основою. Эта тяга к торговле со стороны дворянства в последние десятилетия XVIII века проявлялась с особой настойчивостью в условиях благоприятной экономической конъюнктуры, которая имела место в это время как на внутреннем, так и на внешнем рынке, и кризиса, который уже весьма ощутительно сказывался в барщинном хозяйстве.

Благодаря своим привилегиям, дворянство имело во второй половине XVIII века целый ряд преимуществ перед «купеческим сословием» как во внутренней, так и во внешней торговле. Об этом недвусмысленно говорит ряд докладов в екатерининских комиссиях, где отмечалось, что «вместо ожидаемого поправления русскому купечеству готовится большое отягощение», поскольку дворянству будет предоставлена возможность «пользоваться купеческим правом, отчего купечество неминуемо придет в разорение».

Купечеству, конечно, не удалось добиться каких-либо ограничений для дворянской торговли.

Но были отрасли торговли, где дворянская конкуренция вначале не ощущалась. Таковой была и широкая торговля пушниной, вывозимой с северо-западного побережья Америки и прилежащих островов. Огромные богатства, притекавшие в виде бесчисленного количества меховых шкурок из американских поселений, однако, не могли не привлечь внимания предприимчивых представителей дворянства. Следя за возможностью дальнейших захватов как в Европе, так и в Азии, царское правительство и «торгующее дворянство» весьма пристально присматривались к этому новому рынку, где уже подвизались русские купцы. Вице-президент адмиралтейств-коллегии граф И. Г. Чернышев выстроил даже на казенных верфях судно, которое собирался в 1781 году, нагрузив собственными товарами, отправить в Америку.[2]

Но деятели екатерининского времени прекрасно понимали, что американские, — по существу первые русские «заморские» владения, — могли втянуть Россию в открытую борьбу из-за колоний с другими крупными державами, в частности с Англией.

«Находясь на краю Европы, — писал П. А. Соймонов Ека-

[1] Торгующее дворянство, стр. 58.

[2] Морской исторический архив (МИА), Ленинград, фонд гр. И. Г. Чернышева, д. № 44.

терине, — могла она [Россия. — *С. О.*] остаться при своей торговле с азиатскими народами без вредного от других в том совместия. И по настоящим обстоятельствам судя, может и впредь на долгое время льститься по сей части безопасностью. Но промыслы ее на Восточном море, до ныне в единых ее руках бывшие, из сего положения изъемлемы быть должны. Новейшие открытия Куковы к заключению такому подают причину». [1]

Неизменно стремясь к овладению проливами и Константинополем и постоянно наталкиваясь здесь на противодействие со стороны могущественной на море Англии, царская Россия не раз пыталась использовать в целях ослабления своего соперника его затруднительное положение в Тихоокеанском бассейне. Отсюда и вооруженный нейтралитет России в 1780 году, в период освободительной борьбы Соединенных Штатов против Англии, всецело направленный к подрыву морского могущества последней. Потеря Англией значительной части ее колоний на североамериканском материке и в связи с этим усиление ее экспансии в северо-западном направлении привели к тому, что Тихоокеанский бассейн, наряду с Ближним Востоком и азиатскими рынками, стал новым источником англо-русских противоречий.

Путешествие Кука к берегам Америки сильно обеспокоило русское правительство, и не ради любопытства Екатерина сразу же предписала Л. И. Голенищеву-Кутузову перевести на русский язык только что вышедшие из печати записки великого мореплавателя. Джемс Кук, отправившийся по инициативе Ост-индской компании в 1776 году к берегам Америки, наносил на карту все посещенные им места под новыми английскими наименованиями, тем самым претендуя на «первородство» Англии в деле их открытия, хотя, как он сам отмечает в описании своих путешествий, в ряде мест Кук находил уже русских промышленников. Так, «Нутка» была им переименована в мыс короля Георга, Чукотский мыс — в Кукс-Тавн и т. д.

В свою очередь русские также старались доказать свое первенство в деле завоевания Аляски и островов. В секретном наставлении приказчикам купца Шелихова, отправлявшимся в 1787 году на Аляску, иркутский губернатор И. Якобий предписывал устанавливать на тех местах, «где 784-го года было аглицкое судно и обогатилось великим промыслом», гербы Российской империи и одновременно зарывать в землю железные доски «со изображением на оных медного креста и медными литерами сказанных слов — земля российского владения». Доски эти предписывалось зарывать таким образом,

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 103.

«чтоб не только не видали оных тамошние жители, но скрыть и от всего числа наших из русских работников, чтоб чрез сохранение сей тайны избежать было можно догадки жителей, что они положены в нынешнее время».[1]

Несколько позже, в 1800 году, уже при Павле, русскому послу в Лондоне графу С. Р. Воронцову был переслан рескрипт царя с приложением записки «О замашках аглицких промышленников на берегах Северной Америки, чинимых ко вреду заведений российских подданных в первоначально оными занятых местах». Объяснение С. Р. Воронцова с лордом Гренвиллем, возглавлявшим министерство иностранных дел, по этому вопросу ни к чему не привело. Гренвилль всячески отрицал то обстоятельство, что английские суда с ведома правительства отправлялись в места, занятые русскими. Возражения Гренвилля, однако, были лишь дипломатической увертюрой. Известно, что помимо Кука берегов Северной Америки в течение 1787—1789 годов достигли капитан Мирес на судне «Нотке», Диксон — на «Шарлотте», Портлок — на «Короле Георге», в 1791—1794 годах капитан Ванкувер — на «Дискавери» и лейтенант Пужет — на «Чатаме».

О задачах этих экспедиций красноречиво говорят их описания, сделанные самими мореплавателями. Диксон в описании своей экспедиции, изданном в 1789 году в Париже, сообщая о недостаточном использовании богатств края со стороны русских, писал: «После сделанных уже мною о сем роде торговли описаний, можно судить, какие б могли быть знатные выгоды, ежели б поставлена она была на добрую ногу. Средство к достижению сего есть, по моему мнению, учреждение на берегах факторий, и северная конечность островов Шарлотиных кажется мне приличнейшим для сего местом».[2]

Капитан Мирес считал полезным для Англии утвердиться на одном из Курильских островов (у Мареса, очевидно, ошибочно указано: «корейских»): «Произведение сего в действо не сделает большого затруднения, да и не будет требовать великих усилий... Кроме вывоза английских товаров, каковою выгодою беспрестанно мы пользуемся, доставили б мы чрез то и торгу рухлядью лучшую твердость. Мы были бы тогда в силах знатно понизить барыши россиянам, от сей отрасли торговли получаемые».[3]

[1] *П. Тихменев.* Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени, ч. II, СПб., 1863, приложение, стр. 22. Цитируя документы, напечатанные Тихменевым, я опускаю для удобства чтения некоторые орфографические особенности текста, отделяю союзы и предлоги от глаголов и там, где необходимо, проставляю свою пунктуацию. — *С. О.*

[2] Цитирую по отрывкам рукописного перевода, приведенного корреспондентом Российско-американской компании (АВПК и Б), фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1800 г., д. № 2402, на лл. 13—24.

[3] Там же.

Конкуренция России с Англией выражалась также в столкновениях на китайском рынке, который был одним из главных рынков сбыта американской пушнины. И если на американском материке между Россией и Англией шла борьба за овладение источниками добычи пушнины и ее монопольную скупку у туземного населения, то в Китае велась борьба за то, чтобы ее сбыть. Закрытие во второй половине XVIII века кяхтинской торговли затруднило приток в Китай русской пушнины. Однако конкуренция с английскими купцами не ослабела, ибо проникавшая на судах «под каким способнее флагом» русская пушнина все же продавалась значительно дешевле английской.

Посольство лорда Макартнея, отправленное английским правительством в 1792 году в Пекин для заключения торгового соглашения и получения монополии на меховую торговлю, окончилось неудачно. Монополии англичане не получили, и в 1794 году русская торговля с Китаем была официально возобновлена, что еще более способствовало обострению здесь англо-русских взаимоотношений. «Успехи россиян в открытиях по Северо-восточному морю всегда обращали зависть всех торгующих в Америке европейских держав, — писал немного позднее, в 1800 году, корреспондент Российско-американской компании Н. П. Резанов, — а тем более великобританского двора, ныне имеющего ближайшие к российским приобретениям заведения, и по одинаковой с китайцами торговле и род некоторого соперничества». [1]

Во второй половине XVIII века Екатерина сделала попытку разрешить англо-русское соперничество на американском материке посредством легкого бряцания оружием. 22 декабря 1786 года Екатерина, «по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на восточном море», приказала осуществить мероприятия, предложенные в записке президента коммерц-коллегии А. Р. Воронцова и гофмейстера А. А. Безбородко. В своем представлении Воронцов и Безбородко исходили из того, что «неоспоримо должны принадлежать России: 1) берег американский от 55°21′ широты на север простирающийся, обойденный капитаном Берингом, Чириковым и другими российскими мореходцами; 2) все острова, около сея материе земли и полуострова Аляска находящиеся, как то найденный Берингом и Куком, названный Монтагю, св. Стефана, св. Далматия, Евдокейские, Шумагины и другие, заключаю-

[1] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1800 г., д. № 2402, письмо корреспондента Российско-американской компании Н. П. Резанова генерал-прокурору Сената П. Х. Обольянинову от 1 октября 1800 г., на лл. 13—24.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

щиеся между курсом сих мореходцов и материю землею; 3) все острова оттуда к западу, грядою лежащие, под названием Лисьих и Алеутских, и другие, к северу простирающиеся, ежегодно российскими промышленниками посещаемые; 4) гряда Курильских островов Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Валтоном». [1]

Считая, что открытия Кука не имеют поэтому «основательности», Воронцов и Безбородко настаивали на необходимости известить все морские державы о том, что указанная территория принадлежит России. Одновременно они считали необходимым заявить им, что Россия не может допустить захода в перечисленные гавани иностранных судов. Но так как подобное заявление без существенного подкрепления «едваль достаточным будет, а может еще некоторым образом подвергнуть и достоинство двора», то авторы записки признавали необходимым содержание в тихоокеанских водах русской военной эскадры.

Намеченная согласно этому проекту к отправке из Балтийского моря эскадра капитана Муловского в составе четырех военных судов должна была по прибытии в Восточный океан разделиться на два отряда: два судна направлялись к берегам Америки, остальные — к Курильским островам. Но начавшаяся война с Турцией, а затем и со Швецией заставила Екатерину отказаться от посылки военной экспедиции. Постройка же военных судов на месте тормозилась чисто финансовыми соображениями, ибо, как справедливо указывал Соймонов, «вооружение на сих морях трех или четырех фрегатов издержками своими сравнится вооружению на европейских морях целого флота, а сверх того и не малого времени на таковое заведение будет потребно». [2]

Этот путь борьбы с Англией, чреватый многочисленными дипломатическими осложнениями, всецело зависевший от политической ситуации в Европе и отвлекавший, кроме того, вооруженные силы из Балтики, пришлось оставить. Кроме того было очевидно, что одной силой здесь ограничиться нельзя, ибо бороться пришлось бы в первую очередь с предприимчивыми иностранными купцами, в частности с такой мощной монопольной организацией, как Ост-индская компания. Надо было вступить на другой путь, который должен был заключаться, как писал неоднократно цитированный нами Соймонов, «в доставлении себе такого положения, чрез которое совместничество других народов никогда не было бы для нас опасным», т. е. на путь создания аналогичных Ост-индским монопольных объединений, которые могли бы противостоять

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 103.
[2] Там же.

как торговой конкуренции иностранных купцов, так и попыткам иностранных государств применить вооруженную силу.

Ост-индские компании, как голландская, так и английская, были известны в России давно. Еще в петровское время были сделаны попытки насаждения в России монопольных компаний по образцу Ост-индских. Таковой должна была стать Архангельская китоловная компания. Пункт 4 указа от 8 ноября 1723 года гласил: «Тако-ж от города Архангельского китовый промысел для сих вышеписанных подлежит строить компании, а наисильнейшую в Гишпании, в которую и должность учинить некоторым чинам сверх охотников, как то чинится в Голландии в Ост-индской компании».[1]

В 1739 году шведский инженер Лоренц Ланг, перешедший на русскую службу и выполнявший ряд дипломатических миссий в Китае, а затем назначенный иркутским генерал-губернатором, представил проект создания монопольной акционерной компании для торговли с Китаем.

В 50-х годах XVIII века уже действовал ряд торговых объединений, занимавшихся торговлей с Востоком. Таковы: «Российская в Константинополе торгующая компания», учрежденная в 1757 году, «Компания персидского торга», учрежденная в 1758 году, «Коммерчествующая в Бухаре и Хиве компания», основанная в 1760 году.

Стремление правительства к созданию в России организаций, не только обладающих торговыми монополиями, но, на манер Ост-индских, одновременно осуществляющих функции управления и обороны колоний, предоставленных им в монопольную эксплоатацию, с особенною ясностью было выражено в указе Петра III от 28 марта 1762 года:

«Торговые или купеческие компании, превеликою бывают, как для самой коммерции, так и для тех государств пользою, где оные учреждены на прочном основании и с добрым рассмотрением заведенные, например в Англии компания для индейских торгов, толикой суть важности, что нация вспомоществует им ежегодно знатною денежною суммою, сверх того, что сии компании содержат тамо крепости, войска, войну производят противу национальных неприятелей, и тем умножают силу, славу и знатность своего отечества, следовательно, и великие уже оному показывают услуги, всемерно надобно, чтоб получаемыя ими прибавки разливались на всю нацию, когда оная вспомоществует им знатными денежными суммами. Наконец дальность путешествия, превеликие труды и опасности и большие еще иждивения, кои на то потребны и каких никто партикулярной один собою исправить не может, сделали тамо компании необходимыми». В конце указа Петр

[1] Полное собрание законов, т. VII, № 4348.

писал: «Не отвергаем мы, чтоб не настояло и здесь надобности тем же примерам последовать».[1]

История голландских, французских и английских компаний колониального типа и их выгоды были в России в этот период широко известны. В труде «Политический опыт о коммерции» французского меркантилиста Мелона, изданном в России в 1768 году, специальная глава «О компаниях исключительных» доказывала необходимость организации подобных объединений в двух случаях. Во-первых, «при всех новых заведениях, как для награждения изобретателей оного, так и для ободрения тех, которые за оные учреждения принимаются» и, во-вторых, «когда приватные люди, соединенные под верховною властью, не находят в себе довольно сил к совершению великого какого-нибудь заведения, и когда сотоварищество в том других может им зделать подрыв или учинить коммерцию для народа убыточною».[2] Монополия в данном случае оправдывалась необходимостью ее для нужд всего государства в целом. «Исключительность представляется купечеству в ненавистном виде, угрожающем отнять у него вольность, — писал Мелон, — но когда по рассуждениям и опытам вольность оказывается для народа предосудительною, тогда сия исключительность весьма будет надобна».[3] Рассуждения о подчиненности частных купеческих интересов интересам общегосударственным и необходимость в исключительных случаях прибегать к помощи монополий как бы оправдывали создание подобных объединений и в то время, когда Екатерина декларировала искоренение всяческих привилегий. Наконец, не менее убедителен был аргумент, что по этому пути пошли и голландцы и англичане, «ко всякой, а наипаче к коммерческой вольности столь ревностные».

Было и еще одно обстоятельство, которое говорило в пользу создания монопольных объединений для эксплоатации русских колоний в Америке.

Непосредственное ознакомление с положением пушных промыслов на островах и на американском материке заставляло форсировать вопрос о формах защиты и освоения этой огромной территории и использования ее богатств. Было очевидно, что истощение этих, как казалось вначале, неисчислимых источников наживы, дело недалекого будущего. Легко доступные места были уже опустошены. Под датой 1785 года в «Хронологической истории открытия Алеутских островов» В. Берх заносит следующие данные: «Теперь можно заметить, как постепенно ослабевала предприимчивость бывшего в Си-

[1] Полное собрание законов, т. XV, № 11489.

[2] Политический опыт о коммерции, пер. С. Башилова, СПб., 1768, стр. 45.

[3] Там же, стр. 45—46.

бири купечества. В 1784 году не было ни одно судно отправлено в море». Правда, Берх частично объясняет это тем, что «значительные прибыли, полученные многими из участвовавших в сем промысле, побудили их, оставя оный, наслаждаться в покое приобретенным состоянием». Однако наряду с этим он отмечает, что часть искателей наживы, «претерпев несколько неудач, должны были остановить промысел, з котором им счастие не благоприятствовало». [1]

В 1785 году на острова отправилось всего лишь одно судно тотемского купца Панова, которое через два года привезло 1 388 котов и 183 голубых песца — цифры, которые, по свидетельству Берха, «удивят читателя», ибо в прошлые годы некоторые суда привозили свыше 40 тысяч котиковых шкурок. В 1787 году на острова отправилось вновь то же судно, пробывшее там до 1793 года и вернувшееся опять-таки с незначительным грузом. «Вряд ли вывезенные на оном меха, — свидетельствует тот же Берх, — окупили издержки двоекратного отправления и восьмилетнего содержания судна сего». [2]

Уменьшение количества пушного зверя в доступных местах разоряло мелкие компании и отдельных купцов. Для небольших групп промышленников освоение новых районов стало уже недоступно. Когда в 1783 году группа промышленников во главе с мореходом Зайковым попыталась высадиться в Чугацком заливе, они встретили сопротивление со стороны туземцев. «Отважные чугачи, устрашавшие набегами своими все окружные племена, а особенно жителей острова Кадьяка, — пишет В. Берх, — не убоялись русских ружей: они действовали стрелами своими столь удачно и храбро, что в многих стычках одержали верх над неприятелями своими, и в дополнение преградили им способы к промыслам и пропитанию... К ограждению себя от неприятеля, треть целой команды проводила всю ночь в ружье, боясь нечаянного нападения». [3]

Освоение новых мест на материке требовало не только обширных экспедиций, но и основания прочных заселений. Углубляться внутрь страны было невозможно без создания укрепленных опорных пунктов, без систематической посылки экспедиций для их снабжения, без планомерной деятельности.

---

[1] *В. Берх,* Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества, СПб., 1823, стр. 114.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 113.

II

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Во второй половине 70-х годов XVIII века среди имен подвизавшихся на Восточном океане русских купцов появляется новое имя — почетного рыльского гражданина Григория Ивановича Шелихова. Шелихов, в течение двух десятилетий превратившийся в одного из наиболее богатых сибирских купцов, начал свое дело почти без всяких средств. Ф. Ф. Веселаго высказывает предположение, что капитал Наталии Шелиховой дал возможность ее мужу развернуть свою деятельность в Америке.[1] Коммерческие успехи Шелихова относятся по преимуществу к концу 80-х и к первой половине 90-х годов. Во всяком случае, известно, что еще в 1783 году, когда Шелихов отправился обозревать положение промыслов на островах, он был вынужден прибегнуть к займу. Шелихову дал 50 тысяч руб. Н. Н. Демидов, один из владельцев уральских горных заводов.

Из «американского вояжа» Шелихов вернулся в начале 1787 года.[2] Сей «российский Коломб», уведомивший «об от-

[1] «31 присуждение учрежденных Н. Н. Демидовым наград», СПб., 1862, стр. 67. Разбор «Исторического обозрения образования Российско-американской компании» *П. Тихменева.*

[2] В 1791 году вышла из печати книга: «Российского купца именитого рыльского гражданина Григорья Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к американским берегам», а в следующем году: «Российского купца Григорья Шелихова продолжение странствования по Восточному океану к американским берегам в 1788 году». Во втором путешествии, которое названо «продолжением», Шелихов участия не принимал, и изданные записки были журналом экспедиции Измайлова и Бочарова. Однако и текст и происхождение первой книги, посвященной непосредственно шелиховскому «вояжу», давно вызывали сомнения. Неясно было и участие Шелихова в подготовке ее к изданию. Так, еще Тихменев в 1861 году отмечал, что «журнал его [Шелихова. — *С. О.*] путешествия, как известно, был напечатан без его ведома» (ч. 1, стр. 8). Ряд американских исследователей, в частности Банкрофт, указывают, что описание шелиховского путешествия содержит целые страницы, заимство-

крытии новоприобретенных им о.о. Кыктака и Афогнака, до коих не достигал и славный английский мореход капитан Кук», возвратился из Америки с твердым решением добиться от правительства преимущественного права на эксплоатацию пушных богатств края.

При обостренной конкурентной борьбе, разгоревшейся в колониях, посылка экспедиции на прежних основаниях могла привести к полному разорению промышленных компаний. К концу 80-х годов мелкие промысловые объединения уже почти не рисковали отправлять корабли на острова и американский материк. Даже для крупных промысловых объединений, жестоко конкурировавших между собой, условия промысла с каждым годом становились все более затруднительными.

ванные из иностранных книг об алеутах (подробно об этом см. Shelekhoo's Voyage to Alaska, a bibliographical Note by Avraham Yarmolinsky). Банкрофт утверждает, что журнал Шелихова, который лег в основу текста книги, был передан Шелиховым иркутскому губернатору Якобию, после отставки которого он был выкраден из канцелярии его преемником Пилем и напечатан «против воли покойного» Шелихова.

Утверждение, что записки Шелихова изданы помимо его желания, нам удалось найти в материалах, относящихся к 1798 году и исходящих от вдовы Шелихова, посвященной во все его дела. Этот документ, на первый взгляд полностью подтверждающий мнение Банкрофта, является «мемориалом к прочному восстановлению американской компании», поданным 7 октября 1798 г. вдовою Шелихова в коммерц-коллегию.

Привожу полностью § 7 этого мемориала. «Хотя все упражнения и операции американской компании суть таковы, что не мешало бы для славы нации нашей быть им известными всей публике, но ежели взять во уважение одно то, что американская северо-восточная часть еще действительно не упрочена, не исследована и не обработана в совершенную повинность российскому скипетру и что англичане могут из зависти и корысти предполагать иногда затруднения, то, конечно, найдется сей объект толико важным, что нужно все операции компанейские до времени скрывать от публики, дабы иностранные не так скоро узнавать могли о существенных деятельностях в том краю. Держася сей цели, покойной муж мой не дерзнул похвастать изданием публике записок своих об открытиях в Америке, но в необходимости токмо был представить оные иркутскому начальнику, поелико секретно было ему приказано зарывать в приметных местах доски с надписью, что земля та есть владения российского. Однако ж открылись в публике изданные помимо цензуры печатные книжки под названием странствования Шелихова, а потом и о других частных морских обсервациях и открытиях, деланных компанейскими мореходами, вышли печатные ж издания. А чрез то и все открытия наши и политические намерения всероссийского двора иностранным сделались известными, а мы вместо того от них о их открытиях имеем сведения недостаточные и сокрытиями многова нужнова и важнова исполненные. Сие произошло, как я уповаю, от того, что дела компании переходили из правительства в правительство и были ведомы многим особам. Теперь же компания хотя и перепоручена в протекцию государственной коммерц-коллегии, но и тут, проходя все сведения чрез руки многих особ, едва ли секрет какой будет секретом. Дерзнув о сем

Среди крупных объединений, действовавших на островах и американском материке, Шелихову уже в это время принадлежало одно из главных мест. Начиная с 1777 года, с момента возвращения судна «Николай», снаряженного частично на деньги Шелихова, значительная часть привозимой из колоний пушнины принадлежала ему. Он был акционером большинства экспедиций, подвизавшихся в Америке. Из 36 кораблей, возвратившихся с промыслов в течение 21 года, с 1777 по 1797 год, Шелихов участвовал своими капиталами в снаряжении 14 кораблей, а один принадлежал ему полностью («Иоанн Рыльский»). Принадлежавшие Шелихову совместно с курским купцом Голиковым суда доставляли пушнины больше чем на 300 тысяч руб. каждое. Такие размеры добычи объяснялись тем, что у этой компании были прочные поселения на о. Афогнаке и в других местах.

всепокорнейше изъясниться, предоставляю сию материю, так как и все вышеписанное, прозорливому вашего высокопревосходительства рассмотрению и благоволению» (МИА, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, лл. 241—258).

Несмотря на столь убедительное подтверждение мнения Банкрофта, некоторые моменты в его предположениях вызывают сомнение. Первым поводом для подобного сомнения является то обстоятельство, что записки эти вышли двумя изданиями еще при жизни Шелихова и что официальное заявление об издании путешествий Шелихова якобы помимо его воли было сделано лишь через семь лет после их выхода и через три года после смерти их автора. Во всяком случае, до 1798 года никаких протестов со стороны Шелихова или его наследников, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, не было. Между тем, Шелихов о выходе своих записок из печати узнал сразу же. В одном из писем А. Радищева из Иркутска графу Воронцову, датированном 14 ноября 1791 года, т. е. годом выхода первого издания «путешествий», мы находим следующее сообщение: «Здесь я познакомился, — пишет Радищев, — с господином Шелиховым, который только что вернулся из Охотска, где он бывает каждую весну для встречи своих судов, возвращающихся из Америки. Ваше сиятельство его знали и читали журнал его путешествий, который только что отпечатан в Москве и которым он недоволен» (Архив князя Воронцова, кн. V, стр. 330, перевод с французского). Таким образом, судя по письму Радищева, речь идет только о «недовольстве» Шелихова, которое, возможно, относилось не к самому факту издания записок, якобы кем-то украденных, а к их редакции, которая, очевидно, кому-то была поручена. Что же касается заявления Наталии Шелиховой, то оно было сделано в момент ожесточенной борьбы наследников Шелихова за привилегии на монопольную эксплоатацию американских колоний. Заявление это могло быть сделано, чтобы отвести возражения против выдачи привилегий частной компании, которые заключались в том, что это может привести, как уже однажды было, к разглашению государственных тайн.

Кроме того заподозренный Банкрофтом в краже журнала Шелихова иркутский генерал-губернатор Пиль был одним из наиболее активных сторонников дачи привилегий Шелихову и вряд ли он стал бы помимо его воли издавать документ, который мог в какой-то степени повредить Шелихову.

Однако в это время у Шелихова появились и серьезные конкуренты. Из числа этих 36 судов 9 были снаряжены купцами Пановыми, причем в противоположность Шелихову только 2 из них были отправлены ими в компании с другими купцами, а остальные суда Пановы отправили на промыслы самостоятельно. Стоимость пушнины, привозимой на судах Пановых, также достигала значительных размеров: стоимость пушнины, привозимой в течение одного года, нередко достигала 200 тысяч руб.[1]

Вырастали и другие крупные компании со значительными капиталами. Так, известна была компания купца Лебедева-Ласточкина, отличавшаяся большой предприимчивостью и перешедшая также к системе организации постоянных поселений. Конкуренция между нею и шелиховской компанией доходила впоследствии даже до вооруженных столкновений.

Наступал период жестокой схватки между крупными объединениями, капиталы которых давали возможность перейти к новым формам эксплоатации края. Конкурентная борьба, осложнявшаяся усиливавшимся внедрением иностранных промышленников в район действия русских, должна была поставить перед соперничавшими объединениями ряд неотложных задач, без разрешения которых их дальнейшая деятельность становилась нерентабельной. Надлежало обеспечить за собою закрепление определенных районов для промысла. В противном случае связанные с огромными затратами открытие и освоение новых участков себя не оправдывали, ибо следом за крупными компаниями шли «мелошники», которые без всяких расходов пользовались результатами экспедиций. С закреплением участков был непосредственно связан и вопрос об устройстве на островах и материке постоянных поселений. Это требовало значительных капиталовложений, на которые было способно лишь экономически мощное объединение.

Необходимо было добиться максимального снижения расходов, в первую очередь за счет оплаты труда русских промышленников, на которую уходила половина всей добытой пушнины. Иначе обстояло дело с туземцами, в отношении которых промысловые компании не привыкли церемониться. Систематическое использование труда туземцев, однако, в свою очередь требовало правительственной санкции, ибо сходившие ранее с рук насильственные действия над туземцами в условиях конкуренции нескольких компаний, обвинявших друг друга в жестокостях по отношению к туземному населению, могли привести к неприятным последствиям. Боязнь этого до

[1] См. «Ведомость мехам, вывезенным частными компаниями», и «Ведомость мехам, вывезенным компаниею Шелехова и Голикова», приложение к книге *В. Берха,* Хронологическая история открытия Алеутских островов.

известной степени ограничивала размеры эксплоатации и насилия над туземным населением со стороны компаний. Наконец, для окончательного закрепления на островах и материке необходимо было содержание вооруженной силы, которая могла бы в случае необходимости оказать сопротивление не только туземцам, но и иностранным промышленникам.

Осуществление этих условий, связанных с правительственными мероприятиями, естественно упиралось в предоставление одной какой-либо компании определенных преимуществ перед другими. Экономическая монополия, с точки зрения купцов, была необходимой предпосылкой для нового этапа эксплоатации островов и части американского материка. Примером тех выгод, которые приносила подобная монополия, могла служить хотя бы деятельность Ост-индской компании, корабли которой не раз посещали русские заселения в Америке и даже Камчатку.

В данном случае интересы группы купцов, в частности Шелихова, добивавшегося монопольных преимуществ, и интересы правительства совпадали. Не желая рисковать международными осложнениями, связанными с официальным присоединением американских колоний к Российской империи, правительство видело в создании мощной монопольной компании путь замаскированной экспансии на побережьи Тихого океана.

Если бы в колониях было установлено коронное управление, то любой конфликт мог легко превратиться в вооруженное столкновение с иностранными державами. Иначе обстояло дело, если бы те же задачи осуществляла коммерческая компания. Возможность дипломатических осложнений при этом была значительно меньше: правительство всегда могло остаться в стороне и объяснить то или иное столкновение деятельностью купцов, действовавших за собственный риск и страх.

Шелихов учитывал создавшуюся благоприятную обстановку и, опасаясь, как бы представители конкурирующих объединений не опередили его, сразу же по приезде в 1787 году в Иркутск представил губернатору детально разработанный проект создания мощной компании.

Проект Шелихова состоял из девяти пунктов. 1-й и 5-й пункты были посвящены вопросу о подчинении компании правительственным учреждениям. По мысли Шелихова, компания, дабы «не последовало помешательства», не должна была зависеть от камчатской или охотской администрации, а, считаясь под «высочайшим покровительством», должна была всецело подчиняться иркутскому генерал-губернатору. При этом компании должно было быть предоставлено право в отдельных случаях обращаться непосредственно к Екатерине, пересылая ей донесения через своих курьеров. Последнее обстоя-

тельство, повидимому, призвано было гарантировать компанию от каких бы то ни было самоуправств со стороны иркутского генерал-губернатора.

Во 2-м, 3-м и 4-м пунктах говорилось о наиболее существенных для будущей компании вопросах — о комплектовании вооруженной охраны и необходимой рабочей силы. «Для дальнейшего впредь [в] предприятиях компаний вспоможения крайне нужно, — писал Шелихов, — чтоб удовольствована оная была к содержанию заведенных крепостей, а не менее того к обороне и защищению приведенных мною имянем компании народов в подданство ее императорского величества, людьми военнослужащими и дисциплину сведущими снабдить до ста человек».[1]

В их число должны были войти 5 канониров, несколько пушечных литейщиков и оружейных мастеров из Тулы, якорные мастера, 3 офицера, из них один, знающий «горную науку», матросы, знающие корабельную оснастку, мастера, знакомые с кораблестроением, и др. Иначе говоря — эти 100 человек должны были составить то необходимое ядро технических и военных руководителей, которое обеспечило бы возможность изготовления в колониях необходимого вооружения и обучения создаваемых там военных гарнизонов. Последние должны были комплектоваться из туземцев, т. е. предполагалось создать на ост-индский манер нечто вроде сипайских колониальных войск. Этот проект был развит Шелиховым в записке, дополнительно представленной им вместе с компанионом Голиковым в феврале 1788 года, уже на имя самой Екатерины: «В помощь же команды можем мы с пользою употребить до нескольких тысяч из жителей островских, яко народа храброго, крепкого сложения, удобного к перенесению всяких трудностей, ко всяким предприятиям способного, неустрашимого и коего повиновение к русским начальникам и приверженность к подданству вашего императорского величества во многих случаях опытом нами уже изведано». Туземцы «не только от внутренних возмущений суть безопасны, но и в случае могущих быть от иностранных держав неприязненных покушений, можно на сильный отпор от них без сумнения надеяться».[2]

Так обстояло дело с вооруженной охраной будущей компании. Что же касается рабочей силы, то она должна была комплектоваться несколькими путями. Компании должно было

---

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, план устройства компании, предложенный Шелиховым в 1787 г., на лл. 4—7.

[2] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, прошение Шелихова и Голикова Екатерине, февраль 1788 г., на лл. 47—50.

быть предоставлено право «хотя и с просроченными пашпортами русских всякого звания людей в работу нанимать, с платежем за них погодно государственных податей, за каждого в то место отколь сыщутся», а также и «в неоплатных долгах состоящих». Одновременно с этим, по плану Шелихова, компания должна была получить 50 человек ссыльных, которые в первую очередь были бы использованы для сельского хозяйства. Таким образом, русская рабочая сила должна была комплектоваться из лиц с просроченными паспортами, неоплатных должников и ссыльных, т. е. из тех, кого можно было бы эксплоатировать без всякого стеснения и кто не имел возможности когда-либо порвать с компанией.

Основные кадры промысловых рабочих должны были, однако, состоять из туземного населения. По предположениям Шелихова, компания должна была создать нужный контингент туземной рабочей силы путем покупки «у американцев людей, находящихся у них в плену и им с давних времен принадлежащих, каковых... есть у американцев изобильное число». Эти рабы, называвшиеся калгами, должны были поступить в полную собственность компании. Что же касается алеут и курильцев, то компания требовала «оказать свободу в найме для употребления в морские должности и для других надобностей встретиться могущих по нонешнему компании предприятий».[1]

Остальные пункты проекта Шелихова предусматривали предоставление компании привилегий на постройку собственного порта у р. Уды, так как Охотский порт был для судов чрезвычайно неудобен, и права установления торговых связей с «Японией, Китаем, Кореею, Индиею, Филиппинскими и прочими островами, по Америке же с гишпанцами и с американцами». Помимо всего этого по случаю убытков, нанесенных все еще продолжавшимся закрытием кяхтинской торговли, компании должна была быть выдана ссуда на 20 лет в размере 500 тысяч руб. и одно судно из Охотского порта. Наконец, последний, 9-й пункт, требовал: «к поощрению служащих при компании людей, кои труды свои употребят под присмотром поставленных над ними начальников и под наблюдением компании, уверить отличностью, кто чего из них заслуживать будет».[2]

Вопрос о монополии был сформулирован Шелиховым с полной откровенностью только несколько позднее, через несколько месяцев после подачи проекта генерал-губернатору

---

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, план устройства компании, предложенный Шелиховым в 1787 г., на лл. 4—7.

[2] Там же.

в прошении на имя Екатерины. Очевидно, за это время Шелихов успел убедиться, что можно было выступить с открытым требованием монополии и что в правительственных кругах его планы не встретят противодействия. «При том всеподданнейше просим, — пишет Шелихов, — оградить нас самих и собственность нашу безопасностью от других, кои захотели бы открытиями нашими пользоваться, чтоб в тех самых местах, кои иждивением и трудом нашим обзаведены, снабжены и устроены, не делать промыслам нашим насилий и притеснений и не приводить того в растройку и уничтожение, что нами уже поныне устроено и впредь устроится будет».[1] При этом Шелихов предусмотрительно уменьшает сумму требуемой дотации с 500 до 200 тысяч руб.

Проекты Шелихова и его компаниона Голикова поступили на рассмотрение Комиссии о коммерции, которая в марте 1788 года признала их заслуживающими внимания и одобрила. Однако Екатерина с решением Комиссии не согласилась. Как гласил сенатский указ от 12 сентября 1788 года, Екатерина «высочайше указать изволила: 1) в прошении сих купцов, о подкреплении упоминаемых тут новых их заведений и дальнейших деяний ссудою им из казны 200 000 руб. отказать. 2) Исключительное дозволение им дать на сии плавания и торговлю ея величество не признает за благо, ибо сие исключительное дозволение не сходствовало бы отнюдь принятым от ея величества правилам об истреблении всякого рода монополий. 3) Невозможно также снабдить их военною командою до 100 человек и артиллерийскими служителями, в рассуждении надобности и без того в войсках в том краю, где оных едва для сущей надобности доставать может».[2] Из всего проекта был утвержден лишь 9-й пункт — о награждении участников компании. Шелихову и Голикову были пожалованы шпаги и медали «для ношения на шее с портретом ея величества на одной стороне, а с другой с изъяснением, за что даны».

Неудача, постигшая Шелихова, объяснялась, однако, не тем, что Екатерина была противницей монополий.

Еще в 1764 году двум компаниям купцов Югова и Трапезникова Екатериной была предоставлена исключительная привилегия производить промыслы, с тем, чтобы десятая часть всей добытой пушнины помимо собираемого ими ясака сдавалась в казну. Однако гибель ряда судов, принадлежавших этим компаниям, не дала им возможности воспользоваться предоставленными преимуществами. Через два года указом сибирскому губернатору Чичерину от 2 марта 1766 года Ека-

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, прошение Шелихова и Голикова Екатерине, февраль 1788 г., на лл. 47—50.

[2] Полное собрание законов, т. XXII, № 16709.

терина утвердила предоставление монопольных прав купцу Адриану Толстых: «Что вы купцу Толстых обещали пожалованные от меня преждевышедшей из такого морского вояжа компании привилегии и выделенную у него из собранного с оных островов ясака десятую часть ему возвратить, оное я апробую».[1] Но и эта компания не смогла реализовать предоставленные ей права вследствие своей экономической слабости.

Таким образом, утверждение, что отказ в предоставлении монополии компании Шелихова был вызван тем, что это «не сходствовало бы принятым от ея величества правилам», весьма мало соответствовало истине. Екатерина отказала компании Шелихова, очевидно, принимая во внимание общее политическое положение России в этот период. В 1787 году началась война с Турцией, в 1788 году — война со Швецией. Все внимание приходилось сосредоточить вновь на европейском континенте. В этот же период яснее намечается союз царской России с Англией, который окончательно был закреплен в 1791 году их совместным выступлением против буржуазной революции во Франции. Желание сохранить дружеские отношения с Англией усугублялось еще тем обстоятельством, что от позиции английского правительства по отношению к Турции и Швеции во многом зависел исход обеих войн, которые вела Россия. Предоставить в этот момент привилегии какой-либо промышленной компании, действовавшей в Америке, т. е., таким образом, официально санкционировать ее деятельность, которая затрагивала интересы Англии, царское правительство не считало возможным. Это и было, повидимому, решающей причиной, заставившей Екатерину отложить на время проект создания монопольной компании.

Претендентам на монополию, Шелихову и Голикову, несмотря на царские милости, пришлось запастись терпением, а пока надо было сохранить свое преобладание в промыслах на американском материке и связи при дворе, ибо иначе привилегии в момент, когда их пожалование стало бы возможным, могли попасть в другие руки. Пользуясь покровительством екатерининского фаворита Зубова, Шелихов старается своей деятельностью привлечь внимание Екатерины. Воспылав необыкновенною ревностью к православию, он забрасывает Екатерину просьбами о дозволении ему строить в колониях церкви, ибо появление там русских «воспламеняет в... не имеющих никакого закона народах усердие быть христианами». Одновременно компаньон Шелихова Голиков обивает в Петербурге пороги синодского начальства, убеждая послать в Америку за счет компании духовную миссию, так как там

[1] Полное собрание законов, т. XVII, № 12589.

ждут «просветления божия» чуть ли не 100 тысяч туземцев. Настойчивость рыльского и курского купцов возымела свое действие: Екатерина отдала распоряжение Синоду о содействии Шелихову и Голикову «к основанию и распространению православной веры между народами Северной Америки». [1]

О подлинном отношении этих опытных дельцов к «священнослужителям» говорит, однако, одно из писем Г. И. Шелихова к управлявшему компанейским заселением в Америке А. А. Баранову. Письмо это, сугубо конфиденциальное, было отправлено одновременно с другим, посвященным тем же вопросам, но носившим официальный характер. «За нужное почитаем, — писал Шелихов 9 августа 1794 года, — чрез сие к вам писать собственно для вас следующее по компанейским делам, ибо то письмо наше к вам, что написано о новом заселении, должно быть представлено правительству, коему внутренние наши дела знать не нужно». Сообщая о скором приезде в колонии духовной миссии, Шелихов велит построить для нее монастырь в селении, и при этом не без ехидства добавляет, что следует его «так построить с церковью, чтобы монахи не видели, что делают бельцы, а бельцы не видели б, что делают монахи». [2]

Наряду с этим Григорий Шелихов не забывал и о расширении своих торговых операций на американском материке. Планы Шелихова отличались широким размахом, изобличая в нем человека больших способностей, предприимчивого и далеко опередившего своих современников.

В представлении от 11 февраля 1790 года иркутскому генерал-губернатору Пилю Шелихов «для узнания берегов американской земли, лежащих к северному полюсу», предлагает план экспедиции по Ледовитому океану, «дабы отправить из устья рек Лены, Индигирки или Колымы суда прямо на противолежащие американские берега, для измерения тут широты и познания путей в сей части Ледовитого моря и Беринговых проливов». Одновременно с этой экспедицией вторая экспедиция должна была обследовать все пространство от Охотска до севера Берингова пролива, двигаясь вдоль цепи Алеутских островов. В этом же представлении Шелихов вновь возвращается к вопросу о пожаловании его компании привилегий, хотя и отказывается уже от правительственной ссуды: «Касательно тогдашней нашей просьбы о ссуде денежною суммою, ныне оную оставляем». [3]

---

[1] Полное собрание законов, т. XXIII, № 17135.

[2] МИА, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, письмо Шелихова Баранову от 9 августа 1794 г., на лл. 34—42.

[3] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, представление Шелихова иркутскому генерал-губернатору Пилю от 11 февраля 1790 г., на лл. 52—57.

Несмотря на уступки, на которые шла компания, вопрос о привилегиях все еще не мог быть разрешен положительно, ибо отказ Шелихову в его ходатайстве вызывался, как мы уже отмечали, отнюдь не финансовыми соображениями. Однако, не давая шелиховской компании требуемых ею привилегий, правительство в это время уже рассматривало именно эту компанию как основу монопольной организации, на которую со временем будет возложена эксплоатация и охрана русских колоний в Америке. «Я думаю, — писал в 1790 году Екатерине иркутский генерал-губернатор Пиль, — что ежели наличные суда компании Шелихова соединят себя с другими на тамошних водах плавающими промышленничьими российскими судами, и ежели они согласятся все вообще определить себе за главнейший предмет не единое только защищение пользы своей, но и пойдут с охотою на укрощение иностранных промышленников, в таком случае хотя и не прямо, однако же все кажется мне, ожидать будет можно от них того, что отважность европейцев на хищение сокровищ, одной России принадлежащих, убавится».[1]

Но если при столкновении с иностранными промышленниками еще можно было в какой-то степени рассчитывать на флот компании, то, конечно, он не мог сыграть никакой роли в случае вооруженного противодействия какой-либо иностранной державы. Предоставление привилегий приходилось отложить до создания на Тихом океане надежной военной базы. Эта мысль весьма ясно выражена в одном из докладов Екатерине того же иркутского генерал-губернатора Пиля. Вполне одобряя деятельность компании Шелихова и Голикова, Пиль полагал, однако, что «полезное движение оной по берегам Америки» возможно лишь в том случае, когда «заведется Удинский порт и умножатся при оном военные силы ваши».[2]

В ожидании благоприятной ситуации Шелихов стремился привести в «достойный» вид колонии, которые не в далеком будущем должны были достигнуть того же положения, что и английские в Ост-Индии. Разрабатывается ряд утвержденных иркутским генерал-губернатором мероприятий, осуществление которых предположено было начать с 1795 года. Управляющему компанейскими делами на островах и в Америке Баранову Шелихов поручил отыскать место для создания колониального центра. «Нахожу, что постоянное российское жительство, — писал ему Шелихов, — несравненно

---

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, доклад иркутского генерал-губернатора Пиля Екатерине, 1790 г., на лл. 89—99.

[2] Там же.

лучше завести на матерой земле, нежели на острову, куда всегда могут притти иностранцы, от коих в нужном случае удобнее можно сыскать и убежище на матерой земле, да и в протчем, по известным вам политическим причинам, должно более стараться матерую землю занимать нежели острова». [1]

Особое внимание уделял Шелихов внешней планировке этого центра русских поселений на американском материке, неоднократно подчеркивая, чтобы «селение завели сколько можно со вкусом и выгодами в строении, дабы сие селение за город в самом своем начале ответствовать могло, а не за деревню, чтоб в случаях приезда иностранного судна, ежели того избавиться будет неможно, можно было похвастить, что русские живут благоустроенно и не думали бы, что в Америке так же гнусно живут русские, как в Охотске, при вонном воздухе и недостатке всего нужного». [2]

Широкие улицы с одинаковыми домами, большие площади, где сосредоточивались бы публичные здания и где со временем должны были быть воздвигнуты обелиски «в честь русских патриотов», — так предполагал Шелихов планировать этот новый город — «Славороссию», по имени которого должен был быть назван и весь край. «А для входа или въезда сделать большие крепкие ворота, — приказывал Шелихов Баранову, — кои наименовать по приличеству «русские ворота», или «чугацкие», или «кинайские», или иначе как-то есть «Слава России» или «Слава Америки», и оные ежели нужно будет иметь всегда запертыми, а впускать или выпускать с докладу вашего... Также и редуты наименовать в честь великих наших здравствующих наследных государей и государыней. На сих батареях поставить хотя до 20-ти пушек так, чтобы оные во все стороны действовать могли, а одну пушку иметь внутри селения у гаубтвахты на всякий случай нужды». Утром при поднятии флага «обученные музыке» мальчики должны бить в барабан, по вечерам же надлежало «играть иногда музыку в крепости или батарее». «Для придачи же важности месту селения, на случай приезда иностранных или тамошних народов, не худо сделаете, ежели на тех промышленных, коих вы в сие заселение для мастерских работ возьмете, обмундируете в порядочные, по подобию военных, куртки, дадите им в потребное время оружие, хотя штыки на бок». [3]

К 1794 году в распоряжении Баранова на Кадьяке имелось 149 человек. В навигацию 1794 года ему послали из

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 140, письмо Шелихова Баранову от 9 августа 1794 г., на лл. 24—35.
[2] МИА, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, письмо Шелихова Баранову от 9 августа 1794 г., на лл. 34—42.
[3] Там же.

Охотска еще 123 человека, в числе которых были направленные туда по распоряжению Екатерины мастеровые и пашенные крестьяне из ссыльных. Присоединив к ним алеут и индейцев, Баранов мог уже располагать некоторыми силами для осуществления намеченного проекта по устройству «Славороссии».

Привлечение туземцев для поселения в «Славороссии» мыслилось в двоякой форме. С одной стороны, это были туземцы, занятые на работах в компании, которые должны были, очевидно, быть поселены самостоятельно, с другой стороны, это были калги, т. е. рабы, часть которых отдавалась в непосредственную зависимость русским поселенцам. «Должно вам подщиться, — указывает Шелихов Баранову, — как можно уговорить более американцов и американок к сожительству в новом заселении, дабы множеством людей скорее и удобнее можно было все обработать и возделывать, чрез что и американцы скорее и удобнее приучатся к нашей жизни, а особливо к сему можно употребить выкупленных пленных и впредь выкупаемых, кои по праву выкупа, надежнее протчих быть могут в послушании у поселяемых, коим для пособия в работах их и отдавать им с крепким наблюдением, чтоб кроткими мерами старались они привлечь к себе их преданность».[1] Путем раздачи рабов русским поселенцам Шелихов хотел создать слой постоянных «зажиточных» колониальных жителей, экономически всецело связанных с американскими заселениями.

Все, таким образом, было предусмотрено, чтобы к моменту преобразования промышленных объединений, принадлежащих компании Шелихова — Голикова, в монопольную организацию, она могла сразу развернуть свою работу. В 1794 году Шелихов организовал новую «Северную компанию», которая уже строилась не как временное, а как постоянно действующее товарищество. Статья вторая валового контракта Северной компании гласила: «Сия компания не должна числиться состоящею в одном каком судне, которое от нас ныне и впредь отправлено будет, и так как протчие компании имеют определенный срок до выхода судна с промыслом; но да имеет числиться всегдашнею не переменяющеюся и не по количеству судов, коих умножение или умаление для транспорту и поисков зависеть будет от нас по мере успехов».[2]

Параллельно с устройством заселения в Америке Шелихов был занят в эти годы многочисленными проектами открытия новых рынков для русской торговли. Он ходатайствовал о

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 140, письмо Шелихова Баранову от 9 августа 1794 г., на лл. 24—35.

[2] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1799 г., д. № 1672.

разрешении отправлять «торговые суда в Кантон, Макао, Батавию, на Филиппийские и Марамские острова с продуктами и произведениями, в Америке получаемыми, и с частью российских, а из тех мест привозить в Америку как для поселяющихся тамо русских также и коренных тамошних обитателей им нужное». [1]

Чрезвычайный интерес представляет также его проект обследования устья Амура, которое было предпринято царским

Поселения шелиховской компании на о. Кадьяке

правительством только в 40—50-х годах следующего века. Шелихов предполагал «пройти по гриве прерывающегося хребта, начинающегося в Иркутской губернии, близ Байкал-моря, простирающегося на восток и оканчивающегося на берегу того моря, в которое впадают знаменитая река Амур и другая река Удь. . . , а спустившись к морю поискать на берегах оного места, где бы компанейским судам безопасное было пристанище». [2]

Григорий Шелихов так и не дожил до того времени, когда созданная им компания получила привилегии, аналогичные

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 140, л. 2.
[2] Там же.

тем, которыми обладала Ост-индская компания. В 1795 году «посреде своих подвигов кончил он жизнь свою, оставив управлять всеми теми до Америки касающимися делами печальной жене своей и детям».[1]

К этому времени борьба между конкурирующими компаниями достигла своего апогея. В колониях она проявлялась чуть ли не в войне между промышленниками враждующих объединений. Положение шелиховской компании становилось все более затруднительным. Вот что пишет своим хозяевам правитель шелиховской компании Баранов из Павловской гавани в мае 1795 года: «Лебедевские [т. е. промышленники компании Лебедева-Ласточкина. — *С. О.*] заняли все... выгодные места, надобно было лесть на ссору, а мы бессильны, кормовые там места все отрезаны».[2]

Еще раньше Баранов сообщал о нападениях, которые «лебедевские» совершали на находящихся в работах компании туземцев и на шелиховских рабочих: «теперь начинаю вам объяснять о лебедевских, как они... соединясь двумя судами Иоанном и Георгием, поставили себе за правило причинять нашей компании вред и вытеснять нас отвсюда начали, сначала по Кинайской губе Качикматскую бухту себе присвоили и поселили тут многочисленную артель и нас лисей промысел производить не допустили, где хотя и доказывало им первобытное занятие построенное от нас зимовье... А наконец и от Малахова[3] получил и с Кинайской губы в подтверждение неприятныя уведомления, што они вподлинно остановились вблизи под нашей артелью в 60-ти человеках русских и несколко иноверцов... и начали уже поступать неприятелски, русково нашева Котелникова... захватя под стражу, иноверцов перехватав байдарки и в тех, что было стрелки лафтаки и протчие отняли, самих тех били и изувечили и кои не могли спастися бехством, перевязав, побросали в байдары и увезли с собою».[4]

От борьбы с шелиховской компанией, претендовавшей на монопольное право эксплоатации американской пушнины, зависела дальнейшая торговая самостоятельность всех прочих купцов. Смерть Шелихова и уход Голикова от руководства компанией значительно облегчили им борьбу. «Многие иркутские купцы, — читаем мы в записке, представленной наследниками Шелихова в коммерц-коллегию, — зависть в себе к деятельностям покойного Шелихова питавшие назад тому долголетно за то, будто бы он похищал из рук их торговлю на восточном море и обогащался один в том месте, в коем

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 176, л. 58.
[2] Цитирую по *П. Тихменеву*, ч. II, приложение, стр. 86.
[3] Служащий Г. И. Шелихова.
[4] Цитирую по *П. Тихменеву*, ч. II, приложение, стр. 41—42.

им единым будто бы обогащаться надлежало, начали строить различные противу вдовы его интриги, заводя с нею то бумажные процессы, то клеветы у начальства, а между тем главное что начали бесчестно подрывать ее кредит».[1]

Компании наследников Шелихова грозил упадок, и лишь закрепление за ней монопольного права на эксплоатацию русских колоний в Америке дало бы ей возможность избавиться от конкурентов и сохранить за собою преобладающее положение в промыслах на Тихом океане.

Жесточайшая, переходящая в открытые схватки конкурентная борьба русских промысловых компаний открывала новые возможности перед иностранными купцами. Пользуясь слабостью русских промышленников, иностранные, в первую очередь английские купцы усилили свои хищнические набеги за пушниной на американский материк. Вопрос о положении в русских колониях в Америке и на островах в конце 90-х годов XVIII века превратился уже в вопрос о самом существовании этих колоний.

«Когда компания английских купцов-авантюристов, завоевавших Индию, чтобы выколачивать из нее деньги, начала расширять сеть своих факторий и превращать их в настоящую правительственную организацию, когда ее конкуренция с голландскими и французскими частными купцами стала принимать характер национального соперничества, — английское правительство, конечно, уже не могло не вмешаться в дела Ост-индской, компании. . .», — писал Маркс в статье «Управление Индией».[2] И когда соперничество русских купцов-авантюристов с английскими, подобно конкуренции английских с голландцами и английских с французскими, также приняло характер национального соперничества, русское правительство решительно вмешивается в дела промышленных компаний.

Но это стало возможным лишь в последние годы XVIII века, в период обострения русско-английских отношений в связи с активным противодействием Англии новым попыткам русского правительства к проникновению в Турцию. Разрыв с Англией и дал возможность реализовать те проекты, которые нельзя было осуществить в предшествовавший период дружбы с английским правительством, дружбы, укреплявшейся задачами совместной борьбы с буржуазной революцией во Франции. Павел, по существу, идет по пути, намеченному еще в царствование Екатерины. Он стремится создать такую организацию, которая твердо проводила бы линию вытеснения

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 176, записка наследников Г. И. Шелихова в коммерц-коллегию «О притчинах соединения Американской компании с Иркутскою, о состоянии последней до соединения и о последствиях со времени соединения», 1799 г., на лл. 58—75.

[2] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 332.

английских торговых компаний на Аляске, Алеутских островах, в Китае и одновременно осуществляла бы дальнейшую экспансию.

9 июня 1797 года Павел наложил резолюцию на представлении иркутского губернатора Нагеля по поводу вновь созданной в Иркутске компании во главе с купцом Мыльниковым, в которой велел «сделать на сей предмет такое утверждение, которое не могло вредить устроенной уже компании первого приобретателя Шелихова и для принятия соответственных тому мер отобрать... сведения от самих в той компании участвовавших».[1] По собранным сведениям, капитал компании Мыльникова, несмотря на большое количество ее участников, немногим превышал 100 тысяч руб., и в переписке по поводу запрещения деятельности этой компании выясняется, что причины запрещения заключались отнюдь не в защите интересов «первого приобретателя» Шелихова, а в опасении, что обладающая такими слабыми средствами компания может «американские приобретения сделать жертвою тех держав, которые и на младенчествующие в оной заведения давно уже завистливыми смотрят глазами».[2]

Мнение коммерц-коллегии о необходимости ограничения числа подвизающихся на островах и американском материке компаний и предоставлении преимущественного положения компании Шелихова стало, повидимому, известно в Иркутске еще до официального решения. Эти сведения и заставили группу иркутских купцов, вошедших в компанию Мыльникова, несколько изменить свою тактику и попытаться путем объединения с компанией наследников Шелихова — Голикова получить право на деятельность в американских колониях.

Уже 20 июня 1797 года состоялось так называемое «соединение» компаний Шелиховой—Голикова с фактически уже организовавшейся еще до получения разрешения из коммерц-коллегии компанией во главе с Мыльниковым. Новая компания получила название «Соединенной Американской компаний». Но, объединяясь с наследниками Шелихова и создавая Соединенную Американскую компанию, организаторы «Иркутской коммерческой Мыльникова с товарищами компании» имели, однако, в виду не совместные действия, но лишь обход тех преград, которые возникли для всех вновь созданных компаний в связи с резолюцией Павла.

В этой сложной коммерческой комбинации Мыльников действовал при помощи Голикова, который хотя и числился компанионом Шелиховой, но фактически от непосредственного ведения дел отошел. Угрожая окончательным выходом из ком-

---

[1] МИА, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, л. 95 об.
[2] Там же.

пании и изъятием своих средств, Голиков, который получил за это от Мыльникова некоторую сумму, добился согласия Шелиховой на объединение с Мыльниковым. Мыльникову, однако, не удалось ограничиться фиктивным объединением, как он этого хотел, ибо коммерц-коллегия не остановилась на полупути и, взяв решительный курс на создание в русских колониях в Америке единой мощной монопольной компании, требовала действительного объединения, причем уже не двух, а всех существовавших компаний. Вопрос стоял уже не о предоставлении монопольных преимуществ какой-либо одной компании, хотя бы и такой сильной, как шелиховская, а о создании действительно мощного монопольного объединения, которое могло бы успешно конкурировать с иностранными купцами и противодействовать английской экспансии. Не говоря уже о значительных средствах, которыми должна была располагать подобная компания, ее нужно было целиком подчинить контролю правительства, для того чтобы интересы торговые не оттесняли на последний план цели политические — овладение побережьем Тихого океана. И правительство делает следующий шаг: насильственно объединяет все подвизающиеся в колониях компании, а вслед за тем подчиняет их деятельность правительственному контролю. Эти задачи были четко сформулированы в записке коммерц-коллегии «О вредности многих в Америке компаний и пользе от соединения их воедино», представленной Павлу 5 августа 1797 года. В этой записке коммерц-коллегия предлагала провести следующие мероприятия:

«1. Препоручить все компании какому-нибудь месту или особе, которой пожаловать звание протектора американских компаний с тем, чтобы он был за них у престола вашего величества ходатай по всем нуждам, до компании относящимся, как то: снабжение оных мореходами, корабельными мастерами, фабрикатами и прочими пособиями, получал бы прямо на лицо свое донесение компании, докладывал вашему величеству о успехах и рассматривал бы, согласны ли компанейские операции с политическими видами. Сие необходимо потому, что сделаемые от компании учрежденным в губерниях правительством донесения могут иногда заключать и такие предметы, каковые в судебных местах не должны бы быть известны.

2. Соединить всех торгующих в одно тело, которое б по примеру Ост- и Вест-индских компаний управлялось избранными из участников директорами, придав им в помощь одного от короны, которой бы в торговые дела отнюдь не мешался, но имел только наблюдение о действительном исполнении компаниею предначертанных ей от правительства правил, а в противном случае доносил бы или месту или чинов-

нику, кому ваше императорское величество препоручить благоволит».[1]

В записке коммерц-коллегии особенно подчеркивалось, что объединенная компания, «усиля кораблестроение, воздвигнет в скором времени целый флот на востоке к обеспечению американских приобретений совершенною безопасностью».

По решению Павла, согласившегося с предложениями коммерц-коллегии, эта компания должна была находиться под «дирекцией» самой коммерц-коллегии, а учреждение новых компаний «отнюдь не иначе было дозволяемо, как с собственного согласия первых учредителей».[2]

Оставалось лишь довести дело до конца, т. е. провести в жизнь объединение всех компаний.

Единственной из промысловых компаний, заинтересованной в реализации проекта коммерц-коллегии, была компания наследников Шелихова. В создаваемом объединении компаний наследники Шелихова, обладавшие уже к тому времени огромными капиталами, бесспорно должны были занять первенствующее положение. Это обстоятельство, в сочетании с явным покровительством наследникам Шелихова в придворных сферах, давало им возможность поглотить своих конкурентов и превращало их в полных хозяев нового объединения. Все же остальные иркутские купцы были ярыми противниками проекта коммерц-коллегии.

12 июля 1798 года иркутский гражданский губернатор Трейден уведомил коммерц-коллегию о том, что будущие акционеры хотя и «обнадеживали его предместника дать надлежащие отзывы на предложение коммерц-коллегии о соединении отдельных компаний в единую», однако, до сего времени никто из них отзыва не представил, кроме купца Лебедева-Ласточкина, категорически отказывавшегося вступить в компанию, и купца Киселева, подавшего ходатайство о защите его от «могущих быть в промыслах его от компании притеснений». Более того «сами начальные товарищи, Голиков, Мыльников и поверенный Шелиховой, — как доносил губернатор, — начали друг на друга приносить жалобы в разных будто бы одного перед другим невыполнениях». Коллегия, усмотрев в подобном отношении «добровольно объединяющихся» акционеров «единое только промедление времени», постановила «возобновить свое требование... к вышеупомянутому губернатору, изъяснив ему в оном, что, не могши более упускать времени напрасным ожиданием общественного и единодушного участников постановления, за нужное почитает

[1] МИА, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, записка коммерц-коллегии «О вредности многих в Америке компаний и пользе от соединения их воедино», 5 августа 1797 г., на лл. 95—97.

[2] Там же.

сама приступить к осуществлению надлежащего для них акта». [1]

Противники шелиховской компании не ограничивались однако, борьбой в Иркутске. Присвоению привилегий будущей Российско-американской компании предшествовала борьба в придворных кругах. Выступая против предоставления монополии объединенной компании, конкуренты наследников Шелихова выдвигали проект «коронного» управления американскими колониями, исключавший возможность создания там монопольной компании. Все управление колониями должно было быть поручено правительственному комиссару. «Нужно между тем, сколько для ограждения коренных жителей от обид промышленных, — гласил проект коронного управления, — столько и для того, чтобы образовать нравы жителей и приуготовить их к повиновению и приятию законов, учредить в Америке вид коронного в том краю управления». [2]

По петербургским присутственным местам толкались многочисленные ходатаи иркутских купцов, пытавшиеся где уговором, а где и рублем предотвратить нависшую над ними угрозу потери торговой самостоятельности. Против привилегий Соединенной компании боролись не только купцы, не вошедшие в ее состав, но и некоторые из акционеров этого товарищества, в том числе Голиков, действовавший заодно с Мыльниковым.

Ходатай наследников Шелихова в частном письме в Иркутск сообщает о полной неудаче хлопот своих конкурентов. «Голикова поверенные здесь шныряли, — пишет он, — но не попали в настоящую мету. Киселевские письмеца также не успели». [3] Купец Киселев попытался выступить с обвинением шелиховской компании в жестоких методах эксплоатации алеут. Однако и эта попытка восстановить правительственные круги против наследников Шелихова оказалась безуспешной. Двое из троих бежавших при помощи агентов купца Киселева алеутских тойонов достигли Петербурга и были даже приняты в 1798 году Павлом. Прошения алеут, рисовавшие возмутительные факты беззастенчивого хозяйничания промышленников на островах и их обращения с туземцами, не возымели, однако, никакого результата. Алеуты были награждены парадным платьем и ни с чем отправлены обратно, а сопровождавший их иеромонах Макарий чуть не поплатился наказанием за самовольную отлучку с островов.

---

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 176, л. 24.

[2] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1797 г. д. № 203, лл. 16—17.

[3] Архив Института истории Академии наук, Материалы о Российско-американской компании, документ № 126.

Интересы наследников Шелихова защищал в Петербурге зять Шелихова обер-прокурор I департамента Сената Резанов. «Письмеца» купца Киселева и других, конечно, не могли итти в сравнение с ходатайствами, которые составлял Резанов за подписью вдовы Шелиховой и подавал в различные инстанции. Как человек близкий к правительственным кругам Резанов знал, какие доводы могут показаться в этот момент наиболее убедительными.

В одном из представлений, поданном Соймонову в 1798 году, чтобы доказать необходимость дарования привилегий компании, были выдвинуты даже задачи борьбы с революцией. Начав с того, что «история прошедших веков ясно показывает, коликим пожертвованиям стоили Гишпании и Портогалии скорые, усильственные и более воинские их операции и сколь вредны порывистые противу американцев действия», Резанов утверждает, что лишь «коммерция» может «смягчить нравы» американских туземцев. «Коммерция... необходима потому, — продолжает он, — что, смягчая нравы диких непрестанным с русскими обращением, не чувствительно полагает начала заведению тамо всякого рода довольствия от земледелия и ремесл и исподволь приучает те народы к образу мыслей россиян, полагающих благо свое в монархическом правлении, а потому обещает современем и из них верных и безмятежных подданных. Иначе же, — читаем мы далее, — завиствующие торговые нации, часто в те пределы заглядывающие, а особливо при нынешних европейских беспокойствах, могут совратить их как людей легковерных и вдохнуть дух республиканской, чего более всегда опасаться должно соседственных нам англичан, в Нутке и в Гудзоне поселившихся и тайно принадлежностям нашим в Америке завиствующих». [1] Для Павла, очевидно, и такой довод звучал убедительно.

В этой же записке содержатся и возражения компании против введения в американских колониях коронного управления. «Военное или гражданское начальство может ныне тех полудиких устрашить, привесть их в противное противу нынешнего о нас размышление и разорить торговлю, единственный корень будущих польз государственных. Восстановлению тамо начальства откроется удобное время тогда, когда закоснелые в предрассудках старики достигнут общего предела человеческой жизни и преобразованное юношество, почувствовав выгоды просвещения, будет надежными отечества членами». [2]

Наследники Шелихова рассчитывали, однако, не только на убедительность своих представлений. Судя по сохранившейся

[1] АВПК и Б, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, «Мемориал о способах к прочному восстановлению Американской компании», 7 октября 1798 г., на лл. 241—258.

[2] Там же.

переписке жены Резанова с ее сестрой Булдаковой, главною опорою Резанова был один из наиболее влиятельных царедворцев павловского времени, петербургский военный губернатор граф П. А. Пален. Сообщая сестре о том, что Резанов желает выйти в отставку, Анна Резанова пишет, что «в отставку его не пускают, а особливо граф Пален, то не за что не хочет с ним расстаться и любит его право как любовницу толь много и день ото дня больше к нему привязывается и говорит, что покудова он военный губернатор, то ему не бывать в отставке». [1]

Противная сторона, очевидно, действовала через генерал-прокурора Сената П. В. Лопухина, отца фаворитки Павла. К письму Резановой от 22 июня 1799 года, т. е. написанному за две недели до утверждения привилегий и пересланному не почтой, а со знакомым офицером, Резанов делает следующую приписку: «А мы, думаю, что вот скоро писать будем много нового. Малиновый цвет линяет. Письма наши ради бога самого истребляйте». [2] В письме от 13 июля того же года, в котором жена Резанова сообщает об удачном результате хлопот и что «хотя и долго потерпели, но зато хорошева дождались», вновь упоминается малиновый цвет — «малиновый цвет у нас не в моде, но иногда, однако, надевают». [3]

Малиновый или красный цвет для современников был связан с фамилией Лопухиных. Как сообщает Коцебу, [4] даже Михайловский дворец был окрашен в малиновый цвет в виду «рыцарской» любезности Павла по отношению к Лопухиной, явившейся однажды на бал в малиновых перчатках. Многие жители столицы, чтобы польстить «даме сердца» императора, также окрашивали свои дома в цвета красных оттенков. Таким образом, «малиновый цвет линяет» можно расшифровать как неуспех лиц, действовавших посредством Лопухина, а слова «малиновый цвет... не в моде», как сообщение о царской немилости, его постигшей, чем, очевидно, Резанов при помощи графа Палена и воспользовался. Вопрос о привилегиях компании был разрешен в положительном смысле на другой же день после отставки отца Лопухиной, 7 июля 1799 года отстраненного от должности генерал-прокурора Сената.

Вновь создаваемой компании, утвержденной 8 июля 1799 года, было присвоено наименование «состоящей под высочайшим покровительством Российско-американской компании».

---

[1] Архив Института истории Академии наук, Материалы о Российско-американской компании, документ № 7.

[2] Там же, документ № 8.

[3] Там же, документ № 7.

[4] *A. Kotzebue,* Das merkwürdigste Jahr meines Lebens, Berlin, 1802, T. 2, S. 149.

Одновременно были утверждены ее привилегии и правила, сроком на 20 лет. В монопольное пользование Российско-американской компании передавались все промыслы и ископаемые, находившиеся «на Северо-Восточном берегу Америки от... 55° до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих» (§ 1). Компании предоставлялось также право производить «новые открытия и не токмо выше 55° северной широты, но и за оный далее к югу и занимать открываемые ею земли в российское владение на прежде предписанных правилах» (§ 2). Компания имела возможность вести торговлю со всеми «около лежащими державами» (§ 5), рубить казенные леса (§ 7), получать из казны порох и свинец (§ 8) и пр. Особый параграф оговаривал, что компании предоставлено исключительное право на все промыслы, торговлю, мореходство в этом районе и что «запрещается пользоваться сими выгодами и преимуществами не токмо тем, кои бы сами собою мореплавание туда предпринять похотели, но и всем прежним промышленникам, кои, занимаясь сею торговлею и имея в тех местах свои суда и промыслы, а иные, в паях соединенной компании участвуя, не пожелали бы вступить в оную» (§ 10).

За основу привилегий и правил были положены предложения, разработанные наследниками Шелихова. Наиболее существенному изменению подвергся лишь пункт о количестве акций, дававшем право голоса в общем собрании акционеров. По § 8 акта Соединенной Американской компании каждая акция соответствовала одному голосу. «Кто сколько имеет акций, тот столько и голосов в собрании и советах компании иметь должен». Это положение было направлено против наследников Шелихова и призвано было ослабить их влияние на дела компании. Хотя наследникам Шелихова принадлежала почти третья часть акций (из 724 тысяч руб., составлявших капитал компании, 239 500 руб. были внесены ими), все же многочисленная группа купцов, враждовавших с Шелиховыми, при таком порядке всегда могла провести абсолютным большинством все угодные ей решения.

Наследники Шелихова в своем проекте привилегий и правил, в основе которого, как мы отмечали, лежало положение о соединенной компании, выдвинули другую редакцию этого пункта. Их предложение сводилось к тому, чтобы «тот акционер, который будет иметь менее 25 акциев, сам голосу в компании не имел, а состоял бы под голосом которого либо из акционеров, имеющего 25 акций, кому более верить захочет. При том всякие 25 акций имели бы полный голос, хотя б и к одной особе, которого либо из участников право сие отно-

силось».[1] Однако в утвержденных правилах этот вопрос был разрешен несколько иначе. «Правом выбора директоров, также и голосом при случающихся общих собраниях, — гласил § 18 утвержденных Павлом правил, — никто не может пользоваться, если не будет иметь десять акций: голоса же в собраниях считать не по акциям, но по числу присутствовавших в собрании участников».[2]

Решение правительства имело серьезное значение, так как право и порядок голосования на собрании акционеров открывали доступ к управлению компанией не только купцам, но и дворянам. В своих представлениях наследники Шелихова не раз лицемерно просили, чтобы «коммерц-коллегия благоволила представить о позволении благородному дворянству вступать в компанию по примеру аглицкого и дацкого королевств».[3] Однако вступающее в члены компании «благородное дворянство» неизбежно попало бы в полную зависимость от купцов и не могло бы участвовать в руководстве компанией. При существовавшей высокой цене на акции «благородному дворянину» приобрести 25 акций было затруднительно. Но даже преодолев это препятствие, такой акционер не мог оказать никакого влияния на дела компании, так как по шелиховскому проекту голоса исчислялись не по числу присутствующих, а по числу представленных акций, наследники же Шелихова держали в своих руках основной пакет акций.

Понижая количество акций, требуемых для права голоса, и устанавливая голосование по числу присутствующих на собрании, правительство тем самым усиливало влияние новых акционеров — «благородных дворян».

Для наблюдения «о действительном исполнении компаниею предначертанных ей от правительства правил» в конце 1799 года была учреждена должность корреспондента Российско-американской компании, соответствующая предложенной коммерц-коллегией должности «протектора». Корреспондентом был назначен Н. П. Резанов.

Недавние жестокие конкуренты, одним росчерком пера превратившиеся в компанионов, встретили решение правительства чрезвычайно враждебно. Акционеры, как сообщает один из директоров компании, зять Григория Шелихова М. М. Булдаков, роптали по поводу того, что по новому уставу в компании могли участвовать все российские подданные, и, во-вторых, что компании не были отпущены государственные дотации.

---

[1] МИА, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, «Мемориал о способах к прочному восстановлению Американской компании», 7 октября 1798 г., на лл. 241—258.

[2] Полное собрание законов, т. XXV, № 19030.

[3] МИА, фонд Г. Г. Кушелева, д. № 79, «Объяснение Н. Шелиховой о пользах учреждаемой Американской компании», на лл. 239—240.

Как доносит тот же Булдаков, «в день открытия главного компанейского правления повторены были те же грубости и не окончились бы, ежели бы не вступился тут военный губернатор, бывший почтеннейшим зрителем произведения сей компанейской эпохи». [1] При помощи губернатора порядок был восстановлен, и избранные директора приступили к работе.

Наследники Шелихова, опасаясь, что они могут быть оттеснены от управления делами компании, предусмотрительно добились царского указа о назначении «первенствующим директором» Булдакова. Кроме Булдакова им удалось на выборах провести в директора брата Григория Шелихова — Ивана Шелихова. Однако и группа Мыльникова провела двух своих: самого Мыльникова и иркутского купца Старцева, действовавшего с ними заодно.

Напрасно Резанов в письмах из Петербурга обучал иркутских купцов, ныне ставших директорами, правилам хорошего тона. Бесконечные кляузы, взаимное подсиживание после того, как была создана Российско-американская компания, развернулись с еще большей силой. «Теперь директора суть почетные люди в государстве, — внушал Резанов Булдакову в одном из своих писем, — управи только боже путь их. Внушите им, чтобы они старались прекращать тяжбы и ябеды и пеклись о пользах государственных, буде хотят, чтобы стулья под ними были прочны». [2]

Резанов, как опытный гувернер, хотел взять на себя руководство вновь испеченными государственными «мужами», вмешиваясь во все дела компании, будь то внешнее оформление компанейских докладов или изъявление верноподданнических чувств царю. Но купцы не хотели слушать его советов. Даже предложение Резанова компании ознаменовать «радостный для нее день июля 8-го какою-нибудь верноподданническою признательностью», в частности построить для иркутского полка каменные казармы, что «государю будет всего приятнее», или в крайнем случае инвалидный дом, — вызвало со стороны Мыльникова и других резкое противодействие. Помимо расходов, — заявили купцы, — они еще от новой компании ничего не видели и на дальнейшие убытки итти не желают.

Стремясь захватить руководство компанией, группа Мыльникова забрасывала присутственные места жалобами на наслед-

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 176, записка наследников Г. И. Шелихова в коммерц-коллегию «О притчинах соединения Американской компании с Иркутскою, о состоянии последней до соединения и о последствиях со времени соединения», 1799 г., на лл. 58—75.

[2] Архив Института истории Академии наук, Материалы Российско-американской компании, документ № 126.

ников Шелихова, а затем вовсе отстранила Булдакова от дел. Мыльников и его сторонники «забрали контору в свои руки, не показывали директору Булдакову производства оной и удалили его до того, что принужденным нашелся объявить о сем военному губернатору и, не имея средств противуборствовать их наглости, решился отправиться в Петербург для принесения государю справедливой его жалобы».[1]

Когда же стало очевидным, что наследников Шелихова вследствие их связей в придворных сферах подобными методами не сломить, некоторые акционеры и даже директора, не желая вкладывать свои капиталы в предприятие, контролируемое правительством, попросту решили избавиться от акций компании.

В 1800 году стоимость одной акции при номинале в тысячу руб. достигла более 3½ тысяч руб. Этот огромный скачок в стоимости акций П. Тихменев объясняет исключительно большим количеством товаров, привезенных в этот период из колоний, и успехами торговли на Камчатке, в Якутске и в других местах.[2] Иного объяснения этого обстоятельства Тихменеву давать не полагалось, ибо, составляя свое «Историческое обозрение» по заказу Российско-американской компании в целях оправдания всей ее деятельности, писать о каких-либо закулисных комбинациях директоров он, конечно, не мог. Однако истинная подоплека столь значительного увеличения стоимости акций была иная. Как сообщал в 1800 году корреспондент Резанов, цены акций были подняты директорами искусственно: «Цена акций возвышена ими для того, чтобы извлечь из того себе пользу. Один из директоров, Мыльников, во все время высочайше повеленного для продажи акций термина жил в Москве на счет компании под видом дел ее, но вместо того подрывал ее пользы, ибо продал тогда собственные 60 акций и с небольшим по 2500 руб. Следственно не только остановил тем приращение капиталов, но и поколебал в публике кредит компании».[3] В личном письме генерал-прокурору Сената Обольянинову Резанов вновь сообщает, что «они [директора. — *С. О.*] увеличили акции, выставляя цену более 3600 рублей, и вместо привлечения новых в компанию

---

[1] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 176, записка наследников Г. И. Шелихова в коммерц-коллегию «О притчинах соединения Американской компании с Иркутскою, о состоянии последней до соединения и о последствиях со времени соединения», 1799 г., на лл. 58—75.

[2] См. *П. Тихменев,* Историческое обозрение, ч. I, стр. 70.

[3] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1800 г., д. № 2404, «Описание первоначального основания находящейся под высочайшим е. и. в. покровительством Российско-американской компании, настоящего оной положения и средств к усовершенствованию оной», составленное Н. П. Резановым, 10 октября 1800 г., на лл. 13—24.

акционеров продавали собственные свои с уступкою не с большим по 2500 рублей».[1] Резанов вынужден был просить «постановить строгие меры, дабы и остальных акций они не продали».

Жестокая борьба, происходившая среди акционеров, заставила наследников Шелихова в целях самосохранения добиваться перевода правления компании из Иркутска в Петербург, где им, при покровительстве высших чиновников, легче было справиться со строптивыми иркутскими купцами. В этом было заинтересовано и правительство, так как политические задачи, поставленные перед Российско-американской компанией, требовали превращения ее из организации областного характера в организацию всероссийского значения. Перевод правления в Петербург приближал его к правительственным учреждениям и тем самым облегчал руководство деятельностью компании и возможность ее контроля. В своей просьбе о переводе правления из Иркутска в Петербург или в Москву Резанов недвусмысленно намекал, что при этом некоторые акционеры «сведением и опытами своими принесут компании более польз, нежели самим взносом денег».[2]

19 октября 1800 года вопрос о переводе правления Российско-американской компании в столицу и об оставлении в Иркутске лишь конторы был решен в положительном смысле. Отныне борьба между различными группами иркутских купцов внутри правления прекращалась, и Мыльникову с его сторонниками пришлось выйти из директората.

---

[1] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1800 г., д. № 2404, л. 40.

[2] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1800 г., д. № 2404, «Описание первоначального основания находящейся под высочайшим е. и. в. покровительством Российско-американской компании, настоящего оной положения и средств к усовершенствованию оной», составленное Н. П. Резановым, 10 октября 1800 г., на лл. 13—24.

III

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Перед Российско-американской компанией царское правительство поставило задачи большого политического значения. Именно ей предстояла реализация того грандиозного плана экспансии, в результате которого северная часть Тихого океана должна была превратиться во «внутренние» воды Российской империи.

План этот предполагал дальнейшее закрепление России на западном побережьи Северной Америки, включая Калифорнию, на Гавайских островах, в южной части Сахалина и в устье Амура. Эти колонии, вместе с Камчаткой, Аляской и Алеутскими островами, уже принадлежавшими России, должны были превратить ее в полновластного хозяина всего северного бассейна Тихого океана. Калифорния, помимо ее стратегического значения, должна была служить и земледельческой базой для русских поселений в Америке. Гавайские острова, являвшиеся основной морской базой для всех судов, совершавших рейсы между американскими и азиатскими портами, в случае перехода их в руки царской России отдавали под ее контроль всю морскую торговлю с Китаем. Помимо того на Гавайских островах предполагались разведение хлопковых плантаций и вывоз оттуда всевозможных пряностей. Это был план непосредственных колониальных захватов. Одновременно он увязывался с широким экономическим наступлением на Китай (морским путем через Кантон) и с разведкой в отношении английских, испанских и голландских колоний в Азии.

Проникновение в Кантон, при наличии даже широкого обмена на Кяхте, имело для царской России очень большое значение. Шедшая через Кяхту русская пушнина удовлетворяла лишь незначительную часть китайского рынка. Поставщиками той же пушнины в Китае являлись англичане и американцы, перепродававшие там меха, полученные по весьма низким ценам главным образом в русских же колониях. Нельзя было

и думать о широком охвате китайского рынка, не вытеснив английских и американских экспортеров из Кантона. Между тем, русские суда не пользовались правом входить даже в открытые китайские порты, и компания была вынуждена прибегать к помощи иностранных посредников.

В начале 1803 года министр коммерции граф Н. П. Румянцев докладывал Александру I, что «сколько бы компания, усиливаясь в своих заведениях, и ни старалась в Кяхте выдерживать пушным товаром цен, но англичане и бостонцы, доставляя из Нотки-Зунда и Шарлоттских островов рухлядь свою прямо в Кантон, всегда будут в торге сем преимуществовать, и дотоле продолжаться сие будет, пока россияне сами в Кантон пути не проложат».[1] Именно торговля с Китаем, по мысли Н. П. Румянцева, могла бы обеспечить быстрое развитие русских колоний в Америке, которые со временем смогли бы свое влияние распространить даже вплоть до Ост- и Вест-Индии. «Российско-американские селения, видя возможность сбывать в разные места рухлядь, жиры, рыбу и прочие естественные произведения, привлекали бы к себе разного рода людей, в науках и художествах испытанных, приступили бы к учреждению заводов и фабрик, как то для выделки металлов, кож и протчего, и таким образом мало по малу образовались бы там общества художников и ремесленных, из селений возникли, наконец, города, посредством которых торговля с обеими Индиями получила бы со временем прочное обоснование».[2]

Из проектов дипломатических нот[3] мы узнаем о стремлении проникнуть одновременно с Китаем также в Батавию и Филиппины.

Весь этот план широкой экспансии царизма, оформившийся в конце XVIII и в первые годы XIX века и имевший решающее значение при создании Российско-американской компании, начал, однако, реализоваться в момент, когда политическая ситуация весьма затрудняла проведение его в жизнь.

Реализация этого плана требовала от России открытого разрыва с основным ее противником в северном бассейне Тихого океана — с Англией.

Но несмотря на взаимный антагонизм, царская Россия предпочитала не доводить здесь дела до решительного столкновения. Политика царской России по отношению к Англии на Тихом океане, в сущности, во многом повторяла ближневосточную политику.

---

[1] Архив внешней политики (АВП), Москва, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1803 г., д. № 11, л. 1.

[2] Там же.

[3] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1803 г., д. № 8, лл. 2—5.

Характеризуя ближневосточный вопрос и его значение для царской России, Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что этот вопрос является подчиненным по отношению к задаче борьбы с буржуазной революцией в Европе. В тот момент, когда на европейском континенте вновь возникает опасность революции, царская Россия всецело подчиняет этой задаче все остальные свои стремления, в том числе и ближневосточные. И именно это обстоятельство — задача борьбы с революцией — сближает в периоды революционной ситуации Россию и Англию на европейском континенте, несмотря на сохраняющиеся противоречия на востоке.

Тихоокеанский вопрос, так же как и ближневосточный, является вопросом подчиненным. Но подчинение его двоякое. С одной стороны, он подчинен задаче борьбы с революцией, а с другой — задаче борьбы за Ближний Восток.

В тот момент, когда перед царизмом вставала задача борьбы с революцией и, следовательно, Англия на европейском континенте превращалась в верного союзника царской России, последняя шла на уступки в тихоокеанском вопросе, стремясь ничем не обострять своих взаимоотношений с Англией. Также, когда царское правительство рассчитывало на некоторое попустительство Англии в ближневосточном вопросе, оно опять-таки шло на уступки в тихоокеанском вопросе.

Такой политики царское правительство придерживалось в течение всей первой половины XIX века, вплоть до Крымской войны. В этих условиях осуществление экспансии на Тихом океане при посредстве Российско-американской компании, которая могла служить прекрасной маскировкой, представляло целый ряд преимуществ. И подобно тому, как английское правительство «вело в течение 200 лет войну, прикрываясь именем компании [Ост-индской. — *С. О.*]», [1] царское правительство вело более полувека войну за господство на Тихом океане, прикрываясь именем Российско-американской компании. Но использование компании для реализации задуманного плана заключало и отрицательные моменты. Маскируя свои действия именем торговой коммерческой компании, правительство, естественно, должно было воздерживаться от широкой агрессии, ограничиваясь пока отдельными вылазками, предпринимаемыми якобы от имени Российско-американской компании. Намеченный правительством план экспансии пришлось выполнять поэтому без помощи значительных вооруженных сил. Лишь в отдельных случаях небольшой группе компанейских служащих удавалось использовать содействие военных кораблей, заходивших в колонии во время кругосветных путешествий.

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 357.

К моменту организации Российско-американской компании поселения русских промышленников имелись уже на Алеутских островах, на Кадьяке, в прибрежной полосе Кенайского пролива и Чугацкой губы, и в Якутатском заливе. Непосредственная деятельность компании в колониях началась с закрепления на о. Ситхе, впоследствии названном именем правителя русских колоний Баранова. Остров Ситха был тем стратегическим пунктом, овладение которым, при наличии уже имевшихся русских поселений, упрочивало положение России в северной части Тихого океана, начиная от Курильских островов и кончая западным берегом Америки. Закрепление на о. Ситхе означало бы одновременно и создание прочной базы для экспансии в направлении восточного побережья Тихого океана.

Задачу углубления во внутрь американского материка царская Россия в этот момент перед собою еще не ставила. Она ограничивалась пока захватом прибрежных пунктов. В секретном предписании правителю колоний Баранову от 18 апреля 1802 года приказано было «все в северную сторону поиски приостановить и обратить уже на ту часть внимание не иначе как когда в соседстве английском поусилим мы свои владения». [1]

Но обоснование на о. Ситхе совершенно неожиданно задержало на несколько лет дальнейшее продвижение царской России на побережьи Тихого океана, ибо здесь пришлось натолкнуться на серьезное сопротивление не только англичан, но и туземцев. В 1799 году на этом острове было выстроено деревянное укрепление, названное Михайловским, и поселены около двухсот русских промысловых рабочих и алеутов. В 1802 году индейское племя тлинкиты, которых русские называли колюжами или колошами, напав внезапно на это поселение, подожгли крепость и находившееся в гавани компанейское судно. Судя по рассказам нескольких из уцелевших русских промышленников, впоследствии выкупленных у тлинкитов из плена, в организации этого нападения принимали участие и английские торговцы. Не случайно в момент восстания в Ситхе там находилось английское судно капитана Барбера, матросы которого руководили нападавшими тлинкитами.

Лишь в 1804 году, когда в американские колонии прибыл совершавший кругосветное путешествие фрегат «Нева», Баранов вновь попытался овладеть Ситхой. 18 сентября на Ситхе был высажен десант, и началась осада крепости, восстановленной к тому времени туземцами. «После многих бесполезных пересылок с колюжами о сдаче их крепости, о заключении

---

[1] АВПК и Б, фонд собственной е. и. в. канцелярии, 1802 г., д. № 152.

всегдашнего мира и взаимной торговли была, — как сообщает донесение об этой экспедиции, — учинена вторичная десанту высадка, по совершении которой под начальством самого Баранова сделан был к крепости приступ, во время которого выдержан был сильный пушечный и ружейный огонь из крепости и от выбегавших колюж, которые запасены были орудиями, порохом, взятыми прежде в разоренной крепости и купленными у бостонцев».[1] Только после восьмидневной осады тлинкиты, «получившие сильный вред и урон в людях, оставя крепость ночью, удалились, оставя и все военные запасы».

После занятия Михайловской крепости решено было ее срыть и перенести в недоступное для нападения место — на высокую гору, где раньше было селение тлинкитов. Новое укрепление, ставшее центром управления колониями, получило название Новоархангельска. Расположенный на 57°15′ северной широты и 135°18′ западной долготы, Новоархангельск был самой крайней русской оседлостью на северо-западном берегу Америки вплоть до 1812 года, когда компании удалось укрепиться в Калифорнии.

Продвижение на юг вначале мыслилось как процесс постепенного заселения Россией всего западного побережья Северной Америки. В записке, отправленной в 1808 году русскому генеральному консулу в Соединенных Штатах, главное правление Российско-американской компании сообщало, что южнее Ситхи «компания еще не распространилась по недостатку времени, случаю, а паче довольного числа промышленного русского людства, ибо оного хотя более 600 человек находятся, но все они обязаны обеспечивать как остров Ситху, так и все назади оного лежащее по островам и материку берегу. Сколь же скоро время и возможности будут способствовать, то компанейская промышленность подвинется на Шарлоттские острова, а там и далее до Колумбии, ежели земли и места те никому еще из европейцев не принадлежат».[2]

Но в Колумбии Соединенные Штаты опередили Российско-американскую компанию. В связи с этим план постепенного расширения колоний пришлось изменить. Попытка захвата Калифорнии была осуществлена уже в более стремительных темпах.

К началу 20-х годов, т. е. к моменту окончания срока первых привилегий Российско-американской компании, на остро-

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1805 г., д. № 12, лл. 4—5.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1805 г., д. № 8, записка главного правления Российско-американской компании генеральному консулу в Соединенных Штатах, на лл. 18—28.

вах и американском материке имелось 15 «оседлостей». К ним относятся только постоянные поселения. Временные же поселения, которые создавались лишь на период пушного или рыбного промысла, были разбросаны и во многих других пунктах Тихоокеанского побережья.

Русские поселения, в порядке их расположения к востоку от Камчатки, были следующие: [1]

Первая оседлость находилась на первом Командорском острове, где была оставлена небольшая артель промышленников для лова песцов, выдр и морских котов. Это было одно из наиболее старых поселений, созданное еще в период деятельности Шелихова.

Вторая оседлость была расположена на о. Атхе, одном из Андреяновских островов, где промысел производился также уже весьма продолжительное время. Поселение на Атхе было устроено в Коровинской бухте. Здесь под начальством особого правителя жили около 50 русских промышленников. В ведении Атхинского отдела находились также 331 алеут — 60 человек на самой Атхе и 271 человек на восьми маленьких островах, подчинявшихся атхинскому правителю.

Третья оседлость была на о. Уналашке, одном из Лисьих островов в Капитанской гавани. Здесь находилось селение «Доброе согласие», где было поселено около 30 русских промышленников. Уналашкинское поселение было центром всех промысловых поселений на Андреяновских островах. По сведениям 1805 года, на Уналашке числилось 360 алеут. На других островах, находившихся в ведении Уналашкинского отдела, включая и Аляскинский мыс, было 673 алеута, а, следовательно, всего в Уналашкинском отделе насчитывалось 1033 алеута.

Уналашкинскому управителю подчинялись также четвертая и пятая оседлости, расположенные на Прибыловых островах. Эти поселения были устроены на о. св. Павла и о. св. Георгия. Здесь имелось небольшое число русских промышленников, занятых ловлею морских котов (от 30 до 50 тысяч шкурок ежегодно) и розыском моржевого зуба, который экспортировался компаниею в Персию и Турцию. Ежегодно с Прибыловых островов поступало до 200 пудов моржевого зуба.

Эти пять поселений как бы замыкали Берингово море, превращая его во внутренние воды Российской империи.

[1] Данные о количестве русского и туземного населения в оседлостях Российско-американской компании и другие о них сведения заимствованы из «Обозрения состояния и действий Российско-американской компании с 1797 по 1819 г.», Архив народного хозяйства (АНХ), Ленинград, фонд общей канцелярии министра финансов, 2 отд., 1819 г., д. № 10, на лл. 7—83.

Далее поселения шли уже по Тихоокеанскому побережью и по островам Тихого океана.

Шестая оседлость находилась на о. Кадьяке и вначале была расположена у гавани «Трех святителей». В течение двадцати лет, с 1784 года по 1804 год, Кадьяк был центром русских поселений в Тихом океане.

С захватом Ситхи и перенесением центра управления колониями в Новоархангельск поселение у гавани «Трех святителей» было перенесено на восточную часть острова в Павлов-

Капитанская гавань на о. Уналашке

скую гавань, где была устроена деревянная крепость с земляными укреплениями, вооруженными пушками. Здесь имелись судостроительная верфь, двухэтажные казармы для промышленников, магазины и пр. Русских промышленников, по сведениям 1817 года, на Кадьяке было 119 человек. Туземного населения-эскимосов как на Кадьяке, так и на ближайших островах в 38 селениях было, по сведениям 1804 года, 3429 человек обоего пола.

В ведении Кадьякской фактории числился ряд поселений в Кенайской и Чугацкой губах. Это были уже поселения непосредственно на американском материке, представлявшие собою небольшие крепости, опять-таки с земляными укрепле-

ниями. Таковы Павловская, Георгиевская, Александровская и Воскресенская крепости, расположенные у берегов Кенайского залива. Сведениями о русском населении этих крепостей мы не располагаем. Туземное же население в 1817 году составляло 1474 человека. В Чугацкой губе имелись три поселения: «Константин и Елена», Николаевское в Беринговом заливе при бухте Якутат и Симеоновское у мыса св. Илии. Это тоже были крепости, вокруг которых в 1817 году проживало 1130 туземцев.

Перечисленные выше оседлости на островах вместе с Кенайскими и Чугацкими крепостями составляли 13 поселений.

Четырнадцатая оседлость была на о. Баранова (Ситхе). В Новоархангельском порту в начале второго десятилетия XIX века были: деревянная крепость, судостроительная верфь, склады, казармы, жилые дома. Из 222 проживавших здесь русских 70 человек были заняты несением сторожевой службы. Постоянно живших туземцев насчитывалось около тысячи человек.

Пятнадцатая оседлость находилась в Калифорнии — это было основанное в 1812 году селение «Росс».

В административном отношении всеми оседлостями управлял главный правитель колоний, находившийся в Новоархангельске. В четырех пунктах — на о.о. Ситхе, Кадьяке, Уналашке и в Калифорнии имелись конторы, осуществлявшие управление на местах.

Ко второму десятилетию XIX века из имевшихся прежде поселений два уже были ликвидированы. Было уничтожено заселение в заливе Якутат в Беринговой губе, называвшееся «Славороссией», где по мысли Шелихова должно было производиться опытное разведение сельскохозяйственных продуктов. Поселение было сожжено туземцами и больше не возобновлялось. После восстания русских промышленников ликвидировано было также заселение на о. Урупе. Промышленниками, восставшими против зверского обращения с ними правителя, поселение на Урупе было оставлено и больше компанией не восстанавливалось.

Основным предметом промысла всех поселений компании была пушнина. Самым ценным видом пушнины были шкурки морского бобра. Продажная стоимость одной шкурки бобра в среднем колебалась от 100 до 300 руб., а стоимость отдельных наиболее ценных экземпляров достигала порою и 1000 руб. Компанейские бобры были лучшие на международном пушном рынке, ибо у берегов русских колоний в Америке водились наиболее ценные породы этого зверя. Небольшая часть добытых компанией морских бобров шла в Китай через Кяхту и непосредственно привозилась в Кантон, большая же часть бобровых мехов расходилась в России.

Наиболее богатым количественно был промысел морских котов. Они в изобилии водились у островов Берингова пролива и на Алеутских островах. Морские коты водились также в Гудзоновом заливе и в других местах, недоступных для русских промышленников, но в районе русских колоний водились наилучшие виды этого зверя. Некоторая часть котиков расходилась в России «для употребления низкого класса народу», часть выменивалась на товары у иностранных купцов, приезжавших в колонии, остальные ввозились в Китай опять-таки через Кяхту, а когда удавалось и через Кантон.

Далее шли промыслы, имевшие для компании уже второстепенное значение. Лисицы чернобурые, сиводушные и другие, а также голубые песцы ловились почти на всех Алеутских островах, Кадьяке, Ситхе и на американском материке. Последние были качеством ниже камчатских, но шли все же довольно бойко как на внутреннем русском рынке, так и на внешнем — в Китае и Турции. Соболей и россомах почти не промышляли. Зверь этот водился в глубине материка, а так как «промышленные во внутрь земли далеко не ходят за промыслами, боясь тамошних жителей, то лов сего зверя, — как сообщала компания, — маловажный».[1] В небольшом количестве вывозились из колоний моржевая кость, китовый ус и бобровая струя.

Подсчитывая количество упромышленного зверя за первое двадцатилетие своей деятельности, компания вела расчет не с 1799 года, когда были утверждены ее привилегии, а с 1797 года, т. е. с момента образования Соединенной компании. С 1797 по 1818 год компанией по главным статьям промыслов (бобры и морские коты) было добыто: 80 271 бобр и 1 493 626 котов. По всем видам промыслов компанией за это время получено было пушнины, моржевой кости и пр. по ценам, в разные периоды существовавшим, на 16 376 695 руб. 95 коп., т. е. в среднем на 818 835 руб. в год.

Компания продала иностранным купцам в колониях, минуя русские таможни, товара на 3 647 002 руб., т. е. более 20% всей добытой пушнины. Большая же часть пушнины привозилась в Россию и уже отсюда шла или в Китай через Кяхту или на внутренний рынок. Выменивавшаяся иностранными купцами на съестные припасы в русских колониях пушнина вывозилась ими на Гавайские острова и в тот же Кантон. Иностранные купцы иногда доставляли купленную в колониях пушнину даже на Камчатку, что чрезвычайно подрывало торговлю компании, так как здесь сибирские купцы обычно покупали меха для ввоза на внутренние рынки. Внутри страны

[1] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 2 отд., 1819 г., д. № 10, л. 49.

пушнина продавалась на Макарьевской и Иркутской ярмарках и непосредственно в Москве и Петербурге.

В наиболее крупных торговых городах страны и на узловых транзитных пунктах компания имела конторы или комиссионерства. Конторы были в Москве, Иркутске, Якутске, Охотске и Кяхте, комиссионерства — в Казани, Тюмени, Томске, на Камчатке и в Гижиге.

В колониях компания вела торговлю предметами потребления. Товары продавались русским промышленникам и при помощи всевозможных мошеннических операций обменивались на пушнину у так называемых «независимых» туземцев. Этот обмен составлял значительную статью дохода в операциях компании, и в отдельные годы количество вымененной у туземных племен пушнины достигало одной трети всех добытых в колониях мехов.[1]

В районах, принадлежавших компании, было такое изобилие пушного зверя, что при правильном ведении хозяйства компания могла рассчитывать на колоссальные барыши в течение длительного периода, несмотря на весьма неблагоприятную конъюнктуру на китайском пушном рынке в начале XIX века. Но хищническое обращение с неисчерпаемыми природными богатствами, доставшимися компании, очень скоро подорвало ее деятельность.

Российско-американская компания строила свои расчеты на вывозе пушнины по преимуществу в те районы, где шли меха среднего и низшего сортов, главным образом в Китай. Между тем, по качеству сырья компания имела все данные, чтобы овладеть и европейским рынком. Но для этого следовало отказаться от примитивных способов выделки пушнины, превращавших ценнейшее сырье в меха весьма низкого качества. Когда компания попробовала, уже в конце своего существования, вывозить пушнину в Лондон, она принуждена была отправить туда не выработанный мех, а засоленные в бочках шкуры, так как меха компанейской выработки европейский потребитель не покупал. Но пока низшие сорта пушнины с успехом сбывались на восточных рынках, компания не задумывалась над усовершенствованием методов их выделки.

Пушнина, перед тем как поступить в продажу, подвергалась единственной операции — сушке, производившейся на воздухе. Шкуры сушили на солнце, растягивая их на «пялах». К этому способу обработки пушнины испокон веков прибегали промышленники-пионеры Алеутских островов. Так прежде «важивалось и ныне водится», — писало правление компании

---

[1] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 2 отд., 1819 г., д. № 10, л. 51.

в 1815 году о методах обработки пушнины. Однако не всегда удавалось в короткий летний сезон высушить все огромное количество котиковых шкур, которое накапливалось за сезон в колониях. Попробовали внести некоторую «рационализацию» непосредственно на местах. Начали сушить котиковые шкуры в жарко истопленных банях. Новый способ сушки привел к тому, что шкуры «либо сопрели до того, что плева с волосом сама собою сходила с кожи, либо сгорели до того, что по согнутии ломались, как древесная кора». В 1802 году таким образом было испорчено до 800 тысяч шкур.

Скопление на складах компании огромного количества испорченных котиковых шкур совпало с резким падением спроса на пушнину на китайском рынке. Правление писало А. А. Баранову в 1803 году: «Компания чувствует делаемой ей в котиках подрыв, тем более ощущаемый, когда оного зверя кож на островах находится готовых около миллиона, а здесь и в Кяхте из прежде вывезенных расходится такая мелочь, так что и сказать стыдно, да и по цене не более как по два рубля вместо того, что года четыре назад уходили оные от 6 до 7 рублей».[1] И тогда, как сообщает в ненапечатанной части своих заметок К. Хлебников, впоследствии директор компании, «главное правление, вникая в производство дел, заметило великую ошибку в экономии промышленности, что котики от чрезмерного увеличения в кяхтинской торговле потеряли ценность, от поспешного промысла лишились доброты». «Чтобы поддержать цены количеством и возобновить доверенность китайцев качеством сего товара, — писал он далее, — требовалось великое пожертвование, и благомыслящие господа директора не колебались — несколько сот тысяч шкур, оказавшихся сгоревшими, приказали предать пламени. И сим только средством могли достигнуть своей цели».[2] И в одной только Уналашке было сожжено около 700 тысяч шкур.

Впоследствии компания всячески старалась скрыть, что одною из причин, заставивших ее решиться на массовое уничтожение котиковых шкур, было стремление повысить цены на Кяхте. Однако то обстоятельство, что компания прибегала к уничтожению котиков и в последующие годы, когда уже в банях сушку прекратили, причем проделывала это открыто в разных городах Сибири и на китайской границе, полностью опровергает ее уверения.

По сведениям самой компании, котиковые шкуры сжигались в 1810 и в 1813 годах. «В тех годах точно сожжено

---

[1] АНХ, фонд Российско-американской компании, 1802 г., д. № 1, письмо главного правления Российско-американской компании правителю колоний А. А. Баранову, 1803 г., на лл. 72—83.

[2] Архив Государственного Географического общества, Записки *К. Хлебникова* о Америке, ч. 3, стр. 208.

было при свидетельстве начальства, — писала компания в 1815 году, — в Иркутске 79 600 шкур морских котов в тюках и 277 кулей с ними же, да в Охотске 32 199 шкур, но совсем не для того, чтобы уменьшить товар сей для возвышения цен на оной же».[1] Правление попрежнему ссылалось на то, что это были испорченные шкуры, которые никак не удавалось сбыть, а потому, дабы не загромождать зря складов, компания принуждена была от них избавиться.

Утверждения компании о том, что якобы испорченные шкуры никто не покупал, полностью опровергаются донесениями местной администрации. Начальник Охотского порта капитан Миницкий в 1815 году сообщал сибирскому генерал-губернатору, что компания, «дабы не понести по расчетам своим в добротных зверях ущерб, приказывает сожигать великие части звериных шкур, и преимущественно происходило сие в 1811 и 1812 годах в Охотске и в Иркутске, где публично под надзором полиции сожжено компаниею морских котовых шкур несколькими сотнями тысяч, за кои тогда же, как помню я, многие из купечества вызывались уплатить наличными деньгами по ценам, какие признавали стоющими в уплату за те шкуры, но однако вызовы таковые не приняты в уважение, и шкуры многими тысячами тогда же сожжены».[2]

Большая зависимость от одного китайского рынка, в сочетании с убыточными мероприятиями в целях повышения цен, привела компанию в первые же годы ее существования почти к полному банкротству. Капиталы, с которыми начала свою деятельность компания, очень скоро оказались израсходованными. Как писал в 1824 году в докладе общему собранию акционеров директор компании Прокофьев, «причина сия доказывается тем, что впоследствии, когда положение компании приняло вид совершенного благосостояния, все те капиталы, кои тогда служили основанием балансу, счислены, единственно для известности токмо об оных, в один рубль, ибо нули рано или поздно надлежит признать нулями».[3]

Основной капитал Соединенной американской компании до получения привилегий и переименования ее в Российско-американскую предполагался равным 724 тысячам руб., разделенным на 724 акции. В общую продажу акции эти поступать не

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1815 г., д. № 237, донесение главного правления Российско-американской компании в министерство внутренних дел, 1815 г., на лл. 38—43.

[2] Там же.

[3] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1826 г., д. № 706, доклад общему собранию акционеров директора компании И. Прокофьева, на лл. 93—110.

должны были, они полностью распределялись между компаньонами. Согласно утвержденным для Российско-американской компании правилам, к этим 724 акциям прибавлялись еще 1000, достоинством каждая в 1000 руб., которые уже поступали в общую продажу и могли приобретаться всеми российскими подданными. Акции должны были продаваться с надбавкою части той прибыли, которая накопилась со дня официального объединения компании Шелихова с компанией Мыльникова.

Это положение, при неточном учете доходов (доход с ряда судов, не возвратившихся еще из плавания, учитывался «по имеющимся сведениям»), и дало возможность дирекции искусственно вздуть стоимость акций и одновременно провести ряд спекулятивных махинаций. Директора, которые, по сообщению Резанова, «дерзнули... сочиня ложный инвентариум, представить оный к государю императору», [1] вывели в 1799 году цену каждой акции в 3638 руб. 61¼ коп.

В течение первых шести месяцев после опубликования в печати сообщения о продаже акций продана была лишь одна акция (не считая перепроданных ниже официальной стоимости, лично принадлежавших Мыльникову). Полагая, что акции не удается разместить из-за их высокой номинальной стоимости, Резанов предложил выпустить с 1 декабря 1799 года акции купюрами уже не в 1000, а в 500 руб. При этом он ссылался на практику Ост-индской и Вест-индской компаний, у которых номинальная стоимость акций была ниже 500 руб. (в Ост-индской компании равнялась 50 фунтам, в Вест-индской — 2000 ливров, и в том и в другом случае меньше 500 руб.). Не надеясь, что даже в мелких купюрах акции будут быстро распроданы, Резанов предлагал, кроме того, жаловать всякому, купившему не менее 50 акций, особый знак с императорским вензелем для ношения на ленте. «При введении подобного знака, — заявлял он, — назначенное количество акций наполнилось бы в скором времени». [2]

Но и эти искусственные меры не помогли. За два года — срок, в течение которого объявленные к продаже 1000 акций должны были быть размещены, проданными оказались лишь 14 акций.

Купцы, ранее столь стремившиеся принять участие в эксплоатации американских колоний, теперь избегали вкладывать капиталы в акции торговой компании, находившейся под прямым и неослабным контролем правительства. Без особого интереса взирали на Российско-американскую компанию и дво-

---

[1] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1800 г., д. № 2404, лл. 40—41.

[2] Там же, л. 24.

рянские круги. Доходы этой компании были еще чрезвычайно проблематичны. Да и вообще акционерная форма торговых объединений была для России новинкой, и к акциям относились с опаской.

Несмотря на полный провал размещения акций, 17 августа 1801 года правительством был утвержден выпуск 7350 акций, каждая стоимостью в 500 руб. ассигнациями. Таким образом, если в первое двухлетие разрешен был выпуск акций на 1 миллион руб. (1000 акций, стоимостью каждая в 1000 руб.), то во второе двухлетие выпускалось уже акций на 3675 тысяч руб. (7350 акций по 500 руб.). Для успешной продажи акций теперь были приняты новые меры. Покупка акций Российско-американской компании была преподана как выполнение общегосударственного долга. Александр I лично купил 20 акций, за ним последовали и великие князья. Покупка акций двором должна была подчеркнуть перед дворянством и именитым купечеством необходимость последовать примеру царя. «А вообще оно подействовало к тому, — писало правление компании о покупке Александром акций компании, — что в один сей период внесено было капитала в акции более 500 тысяч руб. от всякого состояния людей, в том числе не мало и от первых вельмож государства и знатного купечества».[1]

Несмотря на то, что акции расходились с трудом и вряд ли можно предположить, что все разрешенные к выпуску были распроданы, число фигурировавших в балансе оплаченных акций значительно превышало число 7350. В 1806 году по балансу у компании числилось уже 8318 акций. С этого времени, однако, мы наблюдаем уменьшение числа акций. Акции, попавшие вновь в руки главного правления по случаю ли просроченного залога, или купленные компанией, в продажу уже не поступали. Эти акции списывались или, как гласят балансы, поступали «в общий раздел». За 20 лет — с 1806 года по 1826 год — поступило в общий раздел и, следовательно, было исключено из участия в прибылях 834 акции, на сумму 417 тысяч руб. (по номиналу), и, таким образом, к 1826 году число акций уже равнялось 7484.

Если судить по данным отчета компании за двадцать лет, то все 7713 акций, числившихся за компанией в 1818 году, были полностью на руках у акционеров, у 630 «персон и разных мест». Наряду с этим мы имеем, однако, глухое указание, что некоторое число акций оставалось в портфеле компании. В утвержденных 13 сентября 1821 года новых правилах для компании в § 2 отмечается, что из разрешенных к вы-

[1] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 1819 г., д. № 10, л. 24 об.

пуску акций небольшая часть остается непроданною, якобы «потому только, что компания по благоприятному ходу дел своих не нуждается в прибавочном капитале, имея оного достаточно».

Если принять во внимание данные того же отчета, можно предположить, что акции, находившиеся в портфеле компании, не только входили в общую сумму акций (7713), на которые начислялась прибыль, но и что количество их значительно превосходило количество акций, находившихся на руках у отдельных держателей.

Акционерный капитал компании, составлявший к 1818 году 4 429 426 руб. 35 коп., слагался следующим образом. Во-первых, в эту сумму вошли 723 тысячи руб. от учредителей компании не в наличных деньгах, а в том имуществе, которое имелось в колониях в момент организации компании у первых ее акционеров. Сюда же входят 515 838 руб. 78 коп., внесенные вновь вступившими акционерами за первые двадцать лет деятельности компании. Новые акционеры получили соответствующее число акций. Если предположить, что они получали акции по номиналу в 500 руб. (а в действительности они получали их с «надбавкой прибыли», следовательно, дороже), то и тогда число акций, выданных новым акционерам, не превышало бы одной тысячи с лишним. Прибавив это число акций к тому количеству, которое было получено учредителями компании в счет упоминавшихся 723 тысяч руб., мы должны будем притти к выводу, что в действительности число оплаченных наличными деньгами или хотя бы имуществом акций не превышало 2½ тысяч. Остальные же 5 тысяч акций из числа разрешенных к выпуску находились в портфеле компании и оплачены акционерами не были. Прибыли же начислялись и на них. Более того, эти несуществовавшие акции определили, по существу, и стоимость реальных, оплаченных акций, находившихся на руках акционеров.

Биржевой котировки в то время не было, и стоимость акций ежегодно устанавливалась путем раздела всего акционерного капитала вместе с нераспределенной прибылью на общее количество числившихся у компании акций. Такой нераспределенной прибыли (вместе с обязательными по уставу десятипроцентными отчислениями от прибыли в акционерный капитал) к 1818 году накопилось 3 190 687 руб. 50 коп. Это дало возможность считать стоимость акции в 1818 году в 574 руб. 28 коп. Искусственно поддерживая стоимость акции выше номинала, главное правление в то же время за счет фиктивных, на бумаге только числившихся акций, лишало действительных акционеров львиной доли дохода. Естественно, что в этом случае в интересах правления было иметь большее число фиктивных и меньшее число реальных акций. Первое достигалось

путем увеличения числа фиктивных акций даже сверх разрешенных к выпуску, второе — путем «списывания в расход» реальных акций. Увеличение шло за счет фиктивных, уменьшение — за счет реальных.

Правда, выпуск в продажу более чем 5 тысяч акций мог бы принести компании значительные капиталы, в которых, несмотря на свое декларативное заявление, она сильно нуждалась, но это же увеличивало и обязательства правления перед акционерами. Гораздо выгоднее было покрывать потребность в капитале путем государственных дотаций и займов, чем выпуском в продажу находившихся в портфеле акций. Уже в 1803 году компания получила первый заем — 250 тысяч руб. взаймы для отправки первой кругосветной экспедиции. Идя по пути займов, компания к 1807 году имела долга 2 394 362 руб. 37½ коп.,[1] на миллион рублей больше всей суммы акционерного капитала компании.[2]

К этому времени компания, по словам одного из ее директоров, состояла «уже в таком долгу, который, судя по столь разбросанному и в существе своем ничтожному капиталу, мог почитаться неоплатным, ибо кроме надежды на случайную перемену обстоятельств и на благоуспешные промысла, ничем иным не был обеспечен».[3] Финансовое положение компании было таково, что «при малейшем потрясении кредита компании совершенное падение ее было бы неизбежно». До 1807 года правление, несмотря на это, регулярно выводило в балансе прибыль, настаивая, однако, на приобщении ее к складочному капиталу. Но уже в двухлетие 1808—1809 баланс был даже официально сведен с убытком, и стоимость акции при номинале в 500 руб. была выведена в 472 руб. 38 коп., а в следующем двухлетии — 1810—1811 годах — в 475 руб. 4¾ коп. Впрочем, весь этот баланс был доведен до сведения акционеров уже вместе с балансом за 1812—1813 годы, когда стоимость акции была выведена в 550 руб., т. е. с прибылью в 10% на каждую акцию.

В течение 20 лет, согласно отчетам правления, на капитал в 1 238 738 руб. было получено 6 250 487 руб. чистой прибыли, из которой 3 059 799 руб. якобы было выдано акционерам на 7713 акций. Однако, если согласиться с нашим предположением, что на руках у акционеров было не более 2½ тысяч акций, надо признать сумму этой прибыли значительно меньшей.

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 8, отчет главного правления за 1807 г., на лл. 1—7.

[2] По подсчетам компании ее капитал в это время был равен 3 028 334 руб. 61½ коп.

[3] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 29, отчет директора компании И. Прокофьева, 1824 г., на лл. 1—13.

Балансы, составлявшиеся правлением, были сплошной фальсификацией. Весьма показателен в этом отношении метод вычисления основного капитала. К первоначальной оценке какого-либо судна или строения из года в год приписывались суммы, которые затрачивались на их ремонт, в то время как амортизация не списывалась вовсе. Таким образом, через несколько лет старое, полусгнившее судно, по отчетности компании, оценивалось в сумме вдвое, а иногда и в несколько раз превышавшей стоимость такого же нового судна. К преувеличенному таким способом основному капиталу добавлялись доходы за два года (отчетность компании была двухгодичной).

Увеличение доходности Российско-американской компании в отдельные периоды ее существования зависело не столько от усиления промысла или даже от благоприятной рыночной конъюнктуры, сколько от сокращения огромных компанейских расходов. Львиная доля этих расходов падала на содержание самого правления. За 12 лет, с 1808 по 1820 год, на снабжение колоний и их содержание компания истратила 2 317 318 руб., в то время как содержание главного правления в Петербурге за это же время обошлось в 4 696 364 руб.[1]

Однако доходность компании повышалась не за счет уменьшения расходов правления, размер которых оставался более или менее неизменным, а за счет максимального сокращения снабжения колоний русскими товарами, обходившимися компании из-за больших путевых издержек чрезвычайно дорого.

С 1812 года правление перешло на снабжение колоний по преимуществу товарами иностранного происхождения, которые приобретались у иностранных купцов, посещавших колониальные порты. Расторжка с иностранцами в колониях значительно удешевляла содержание последних. Кроме того это освобождало компанию от необходимости частого снаряжения кругосветных экспедиций. Каждая такая экспедиция поглощала огромные средства, в отдельных случаях свыше миллиона рублей.

Первая экспедиция под командою Лисянского и Крузенштерна отправилась в 1803 году, вторая — в 1806 году, а затем до 1813 года экспедиции не посылались. Это обстоятельство, а также выгодная торговля непосредственно в колониях с иностранными купцами дали возможность быстро укрепить финансовое положение компании. Дивиденды акционеров начали расти. В 1814—1815 годах на пятисотрублевую акцию компания выплачивала по 100 руб. 28 коп., в 1816—1817 го-

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 29, отчет директора компании И. Прокофьева, 1824 г., на лл. 1—13.

дах — по 150 руб., а в 1818—1819 годах — максимальную за этот период сумму — 155 руб., т. е. по 31% за двухлетие.

Следующее двухлетие, однако, принесло уменьшение размеров дивиденда до 82 руб., а в 1822—1823 годах дивиденды совершенно не выплачивались. Убыток компании, хотя и был исчислен всего в 300 тысяч руб., но по признанию одного из директоров «в самом существе убыток сей превосходнее». Взятый с начала 20-х годов курс на свертывание расторжки с иностранцами, занимавшимися контрабандной торговлей с туземцами, закончился правилами 1822 года, запрещавшими подход иностранных судов к береговой полосе русских поселений в Америке. Компании вновь пришлось перейти к снаряжению кругосветных экспедиций. В период 1819—1821 годов были отправлены три кругосветных экспедиции, в общей сложности обошедшиеся компании в 2400 тысяч руб.

Разорительные для акционеров, эти экспедиции, как мы увидим ниже, были весьма выгодны для некоторых из директоров. Что же касается колоний, то экспедиции давали им также весьма мало. Так, например, экспедиция 1820 года на корабле «Кутузов», обошедшаяся компании в 700 тысяч руб., доставила в колонии грузов всего лишь на 200 тысяч руб. Больше всего подрывала компанию узость внутреннего рынка, которую она начала ощущать в связи с прекращением расторжки с иностранцами. Директор компании Прокофьев в своем отчете в 1824 году подчеркивал, что «при прежней системе, в промене иностранцам, особливо в последние годы, уходили одни котовые шкуры, которые никак не могут расходиться в продажу по России в той пропорции, в какой ежегодно промышляются; следовательно, при новой значительное количество сих шкур должно вывозиться в Россию только для того, чтобы по несколько лет лежать бесполезно в пакгаузах, с потерею нередко своей доброты».[1]

Очередная экспедиция в 1822 году была приостановлена, и компания начала ходатайствовать о разрешении вести расторжку с иностранцами, т. е. добивалась отмены тех правил, которые были введены по ее же инициативе.

Невыплата в течение ряда лет дивидендов и, как следствие, падение стоимости акций ниже номинала, систематическая задержка отчетности — все это очень быстро убедило держателей акций в том, что компания принадлежит к числу тех предприятий, где, по остроумному выражению одного экономиста XVIII века, «весьма хорошо быть директором, а весьма опасно быть акционером».[2]

---

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 29, отчет директора компании И. Прокофьева, 1824 г., на лл. 1—13.

[2] Прибавление к «Московским ведомостям», 1783 г., № 79, стр. 311.

Радужные надежды акционеров, которые, как саркастически подметил капитан В. М. Головнин, еще недавно чуть ли не собирались приготовлять железные сундуки для золота, были рассеяны безрадостными итогами коммерческой деятельности компании.

В период 1822—1826 годов, когда компания прекратила выплату дивидендов, поступившие в залог и подлежавшие продаже акции никто не приобретал. Заложенные одним акционером 50 акций с величайшим трудом удалось сбыть по 350 руб., т. е. на 150 руб. ниже номинала.

Проходившие раньше с величайшей торжественностью общие собрания акционеров приняли весьма бурный характер. «Общее собрание было 18 марта и, по обыкновению, весьма шумное и не совсем разумное», писал в марте 1825 года правитель дел компании — декабрист К. Ф. Рылеев своему другу, тоже декабристу, В. И. Штейнгелю. «Голосистее прочих горланили братья Лобановы, исподтишка — Политковский. Дело шло о балансе, который по сие время не подписан еще, потому что Крамер не захотел явиться для рассмотрения оного».[1]

Директор В. Крамер не зря опасался появиться на собрании акционеров. Злоупотребления директоров достигли к этому времени таких размеров, что баланс за 1822—1823 годы весьма опасно было представлять на рассмотрение акционеров.

Чтобы как-нибудь замять разраставшийся скандал, директорат, при поддержке правительственных кругов, принял свои меры. Во-первых, была предотвращена возможность проникновения в печать каких-либо слухов, порочивших компанию. Еще за месяц до созыва общего собрания, 14 февраля 1825 года правитель дел компании Рылеев обратился в петербургский цензурный комитет с просьбой не допускать в печать каких бы то ни было сведений о русских колониях в Америке без санкции Российско-американской компании. Формальным поводом для подобного обращения было напечатание в «Северной пчеле» довольно безобидного краткого топографического описания Новоархангельска. К тому же, статья эта не была оригинальной и дважды уже появлялась в печати — в выходившей в Риге немецкой газете и в «Journal de Saint-Pétersburg». В своей записке Рылеев просит цензурный комитет «не одобрять к напечатанию в издаваемых здесь журналах статей, касающихся до оной компании или колоний ее, без приложения компанейской печати и подписи кого-либо из членов канцелярии, ибо в противном случае могут быть открыты или тайны компании или помещены ошибочные и превратные известия: гласность первых и неосновательность

[1] *К. Ф. Рылеев,* Полное собрание сочинений, Academia, 1934, стр. 490—491.

вторых могут послужить ко вреду дел Российско-американской компании». [1]

Ходатайство компании было удовлетворено.

Для обревизования дел компании была создана комиссия, в состав которой вошли директор канцелярии министерства финансов А. Я. Дружинин и капитан В. М. Головнин. На чрезвычайном собрании, где был заслушан доклад комиссии, было пущено в ход все, чтобы отвести удар от директоров и сохранить «престиж» компании. Злоупотребления директоров были, однако, настолько бесспорны, что председательствовавший граф Н. С. Мордвинов мог только заявить: «что́ с возу упало, то пиши пропало» и «сору из избы не выносят». Часть разъяренных акционеров потребовала не только смещения всех без исключения директоров, но и материальной их ответственности за совершенные преступления.

Один из акционеров, поручик Лобанов, получивший по старой тяжбе от наследников Голикова 299 акций, выступил с резкими нападками на Мордвинова, защищавшего директоров. «Хорошо вам, ваше высокопревосходительство, так говорить,— обратился Лобанов к Мордвинову, — что́ с возу упало, то пропало, потому что у вас тут только всего 50 акций, которые для вас ничего не значат, а у меня их 300». [2]

Директоров все же удалось отстоять, материальной ответственности они не понесли, в отставку вышел только Крамер, который и был представлен как единственный виновник всех злоключений, постигших компанию. На этом дело, однако, не закончилось. Разорившийся Лобанов, все имущество которого состояло в акциях компании, вынужденный выйти из-за долгов в отставку, решил довести свои претензии до царя, на имя которого полетело одно слезное прошение за другим с подробным описанием темных «делишек» директоров.

Как видно из представленных Лобановым материалов, значительная часть расходов компании падала на содержание и наградные директорам. Каждый из директоров получал ежегодно 15 тысяч руб. жалованья, кроме того Булдакову, который, по словам декабриста Штейнгеля, к этому времени «истощился телесными силами и умственными и даже более последними», [3] помимо жалованья выплачивалась ежегодная пенсия в 10 тысяч руб., а директору Прокофьеву столовых 12 тысяч. Далее следовали наградные. Как раз в период катастро-

---

[1] АВПК и Б, фонд С.-Петербургского цензурного комитета, 1825 г., д. № 206778, л. 1.

[2] «Северная пчела», 1861 г., № 109, Замечания *С. Яновского* на статью Тридечного.

[3] «Северная пчела», 1861 г., № 72, рецензия на «Материалы по истории русских заселений по берегам Восточного океана», за подписью *Тридечный*.

фического финансового положения компании каждому из директоров было выплачено по 100 тысяч руб. наградных.[1]

Доход директорам давала и подготовка к кругосветным экспедициям, в то время как самые экспедиции приносили убытки акционерам. Когда в 1821 году решено было отправить очередную кругосветную экспедицию, корабль поручено было купить торговому дому братьев Крамер, во главе которого находился директор компании В. Крамер. Приобретая в Соединенных Штатах для компании судно «Елена», Крамер прежде всего получил 6% его стоимости в виде комиссионных. Мало того, когда уже было известно, что «Елена» в пути и в недалеком будущем прибудет в Кронштадт, Крамер приобрел для компании другое, заведомо негодное судно «Елизавета». Судно это принадлежало одному несостоятельному должнику Крамера. Полусгнившее судно Крамер приобрел для компании за 30 тысяч руб., сумму долга положил в карман, а компания вынуждена была потратить еще 70 тысяч на ремонт этого «приобретения». Но так как оставлять это судно без дела в Кронштадте было неудобно, то его снарядили вместе с кораблем «Рюрик», недавно возвратившимся из плавания, в кругосветный «вояж». Что же касается купленного Крамером в Соединенных Штатах судна «Елена», то его, ввиду отправки уже одной экспедиции, оставили стоять на Кронштадтском рейде.

«Елизавета» еле-еле добралась до мыса Доброй Надежды. Здесь погруженные на «Елизавету» товары были проданы с убытком вместе с судном, часть команды пересажена на «Рюрика», а часть отправлена пассажирами в Петербург.

Из представленных Лобановым данных выяснилось также, что в то время как правление занимало деньги в банке под проценты, средства компании находились в личном обороте директоров.

Но правительство не намеревалось дать ход лобановским жалобам. Оно не меньше главного правления было заинтересовано в сохранении репутации Российско-американской компании как экономически рентабельного предприятия, приносящего своим акционерам значительные дивиденды. Престиж компании, которая была проводником царской экспансии на Тихом океане, не должен был быть поколеблен.

Шли годы, Лобанов продолжал подавать прошения, но дело не двигалось с места. А тем временем компания вновь начала выплачивать дивиденды, вновь акционеры на каждом общем собрании выносили благодарность тем директорам, предания которых суду они еще так недавно добивались, и вновь,

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1826 г., д. № 706, прошения Лобанова на имя царя, на лл. 93—110.

как и раньше, выплачивали им наградные за «ревность» к «славе отечества» и доходам держателей компанейских обязательств.

За 1824—1825 годы в балансе компании уже значилась полуторамиллионная прибыль, и в 1827 году на каждую акцию было выдано по 147 руб. Правда, эта прибыль выведена была не без ухищрений: дивиденды выплачивались из сумм, вырученных за продажу товаров в 1826 году. Подобная практика выплаты дивидендов из доходов последующего года продолжалась, впрочем, весьма долго — до 1842 года — и благодаря этой системе создавалась возможность выводить прибыли и за те годы, когда дела компании были явно убыточными.

IV

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ И КОНВЕНЦИИ 1824—1825 ГОДОВ

Привилегии Российско-американской компании были утверждены правительством сроком на 20 лет. 8 июля 1819 года этот срок окончился. Пересмотр и утверждение новых привилегий должны были прежде всего разрешить важнейший для дальнейшей деятельности компании вопрос о границах русских колоний в Америке.

Павловские привилегии предусматривали границу русских владений на 55° северной широты. Несмотря на то, что прибрежная полоса этой территории не была освоена полностью, старые границы теперь уже казались недостаточными. Недаром еще в 1802 году правителю русской колонии предписывалось при случае заявлять о притязаниях России до самой Нутки-Зунд, т. е. до 51° северной широты. Новая территория, которую надо было, по мнению компании, закрепить за Россией, должна была охватывать все побережье до 45° северной широты, что включало в русские владения территорию Колумбии и приближало их к Орегону.

Однако вследствие активизации на Тихоокеанском побережье колониальных притязаний Соединенных Штатов, усилившихся после войны 1812—1814 годов с Англией, и соперничества со стороны самой Англии, эти проекты были уже запоздалыми. Новой границей был признан 51° северной широты, т. е. северный мыс о. Ванкувера. Таким образом, границы русских владений, по сравнению с первыми привилегиями, отодвигались к югу лишь на 4°.

Был уточнен вопрос и о дальнейшем продвижении. Старые привилегии предоставляли компании право расширять свои владения за пределы установленных границ в том случае, если новые территории «никакими другими народами не были заняты и не вступили от них в зависимость». Между тем, рассчитывать на пустопорожние земли особенно не приходилось, и если бы компания действительно руководствовалась этими

правилами, то была бы лишена возможности захвата даже территории, заселенной туземцами. Новые привилегии уточнили этот вопрос. Компании разрешался захват новых земель за пределами намеченных границ, если эти земли «никакими другими европейскими нациями, или подданными Американских Соединенных Штатов не были заняты и не вступили в их зависимость».[1]

В утвержденных правительством новых привилегиях следует также отметить пункт 17, предоставлявший компании возможность беспошлинного ввоза и вывоза из метрополии в колонии товаров русского и иностранного происхождения. Поскольку, однако, дальнейшего контроля за направлением товаров не было, право вывоза товаров из одного русского порта (Кронштадта) в другой русский порт (Новоархангельск), по существу, превращалось в право беспошлинной торговли.

Большое значение, кроме того, имел пункт 9 новых привилегий. За служащими компании сохранялись все права лиц, находящихся на государственной службе. Это давало возможность компании привлекать к себе на службу не только чиновников, но и военнослужащих, по преимуществу морских офицеров.

Новые привилегии были утверждены 14 сентября 1821 года. Накануне их опубликования был разрешен и вопрос о борьбе с иностранной контрабандой. Вопрос этот имел свою историю.

Иностранная контрабандная торговля в колониях была одним из наиболее больных вопросов с самого начала существования компании. Выменивая у тлинкитов и других индейских племен всю добытую ими пушнину, иностранные купцы, главным образом американцы, фактически ограничивали сферу деятельности Российско-американской компании лишь пределами промыслов, на которых работали зависимые от нее туземцы. К. Хлебников, впоследствии один из директоров компании, в своих записках о русской Америке, где он долгое время жил, сообщает, что тогда как американцы платили тлинкитам за шкуру «5 и 6 одеял больших, придавая еще несколько патоки, сухарей и круп, мы не могли платить на ту сумму, потому что ценность вдвое превзошла бы положение, а иногда и потому, что не имели достаточного количества товаров».[2] По подсчетам компании, у берегов русских колоний в навигацию плавало в среднем до 15 иностранных судов, вывозивших от 10 до 15 тысяч бобров ежегодно.

---

[1] *П. Тихменев,* Историческое обозрение образования Российско-американской компании, ч. I, приложение, стр. 41.

[2] Записки *К. Хлебникова* о Америке, «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III, СПб., 1861, стр. 88.

Российско-американская компания, не имея сама возможности противодействовать контрабандной торговле иностранцев, забрасывала правительство и самого царя просьбами защитить ее от американских купцов. Правление компании использовало при этом и политические мотивы, утверждая, что «граждане Северо-Американских Соединенных Штатов, как народ республиканский», выменивают у туземцев пушнину на огнестрельное и холодное оружие, «показывая им и употребление сих последних во вред наших промышленников». Главный же довод заключался в том, что американские купцы на свои товары назначают цены «столь низкие, что такие же вещи, у Американской компании находящиеся, стоят ей гораздо дороже, по причине тягостных и дорогих провозов через Сибирь до Охотска». [1]

Русские военные суда, появлявшиеся у берегов Америки один раз в два-три года, во время кругосветных путешествий, никакого препятствия для иностранных купцов не представляли. Ни к чему не привели и попытки уладить вопрос о контрабандной торговле в русских колониях путем дипломатических переговоров, начатых еще в 1810 году. И граф Пален, чрезвычайный посланник в Соединенных Штатах, и Дашков, генеральный консул в Филадельфии, единодушно утверждали, что американские власти не имеют ни желания, — поскольку некоторые из членов правительства сами вкладывают средства в отправляющиеся к русским берегам экспедиции, — ни возможности, — поскольку вблизи русских берегов нет американских военных судов, — воспрепятствовать этой торговле.

Вопрос о решительных мерах против иностранной конкуренции компания ставит особенно резко после проникновения американцев в Колумбию. В своем обращении от 18 декабря 1811 года к Александру I главное правление подчеркивало, что «отклонить... сию опасность иначе нельзя, как совершенною острасткою северо-американских мореходов, которые по вольности конституции их, и по свободе плавать и промышлять где кто хочет и как может, не внемлют никаким внушениям». [2]

Сообщая об усиливающейся конкуренции американцев в связи с проникновением Соединенных Штатов в граничившую с русскими колониями Колумбию и возникновением там американской торговой компании, правление просит царя при-

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1817 г., д. № 12180—12184, л. 31.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1811 г., д. № 47, обращение главного правления к царю, 18 декабря 1811 г., на лл. 1—4.

нять решительные меры против иностранцев: «Ваше императорское величество, всемилостивейше покровительствуя Российско-американскую компанию и вообще отечественную торговлю, не дозволит образом, известным монаршему отеческому вашему сердцу, далее стеснять российскую промышленность частным северо-американским торгашам и помянутой компании, которая, заселяся при Колумбии и продолжая с прочими неуемными своими согражданами променивать индейцам оружие, отменит[ь] всю возможность производить более промыслы и совершенно нарушит[ь] спокойствие российских колоний». [1]

Компания ставит перед правительством вопрос об установлении в американских водах постоянного крейсерства военных судов. Но в период назревающего военного столкновения с Наполеоном итти на обострение отношений с Соединенными Штатами, конечно, нельзя было. «Я считаю, — писал министр внутренних дел О. П. Козодавлев государственному канцлеру Н. П. Румянцеву, что всякие средства отклонить покушения северо-американцев, силою и оружием доставляемые, хотя бы они в успехе своем были несомненны, не могут иметь здесь места по тому именно убеждению, что нарушать связи государственные для одной частной компании было бы поступком не совсем основательным». [2]

Козодавлев знал, конечно, очень хорошо, что́ представляла собой «частная» Российско-американская компания, но он был бесспорно прав, заявляя, что итти в этот момент на разрыв с Соединенными Штатами было бы «не совсем основательно»: в случае открытого присоединения Соединенных Штатов к Франции русским колониям в Америке могла угрожать опасность не только со стороны купцов.

В послетильзитский период, когда Россия вынуждена была пойти на союз с Францией, царизм старался использовать антианглийские тенденции в политике Соединенных Штатов. «Я ищу в Соединенных Штатах своего рода соперника Англии», — читаем мы в проекте инструкции Александра I графу Палену, отправлявшемуся в 1809 году посланником в Америку. — «Я думаю, что их личные интересы заставляют их следить более внимательно, чем это делается правительствами европейского континента, если не за тем, чтобы

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1811 г., д. № 47, обращение главного правления к царю, 18 декабря 1811 г., на лл. 1—4.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1811 г., д. № 47, письмо министра внутренних дел О. П. Козодавлева государственному канцлеру Н. П. Румянцеву, первая половина 1812 г., на лл. 12—15.

ограничить пагубный деспотизм, проявленный Великобританией на море, то, по крайней мере, чтобы его смягчить».[1]

Однако через несколько лет, в период разрыва России с Наполеоном и союза России с Англией, царизм должен был попрежнему поддерживать с Соединенными Штатами дружественные отношения, правда, по причинам противоположным тем, какие действовали во время франко-русской дружбы.

Соединенные Штаты пытались, где это было возможно, поддерживать Францию. О сочувствии к Наполеону, которое было распространено в этот период в Соединенных Штатах, можно судить по переписке русского консула в Филадельфии Дашкова с Нессельроде. В письме из Филадельфии от 15 марта 1815 года Дашков, касаясь вопроса об имевшем место в период войны с Наполеоном подкупе американской прессы, между прочим пишет: «Российскому министру предстоит всех менее надобности в употреблении сей политической пружины [т. е. подкупа газет. — *С. О.*] и почти обошлось бы совсем без оной, если б американское правительство, по слепой преданности своей Наполеону, не способствовало видам французского министра касательно даже отдаленных сношений, существующих между Россиею и Америкою».[2]

Это дружественное отношение Соединенных Штатов к Франции вызывалось в первую очередь тем антагонизмом, который имел место между Соединенными Штатами и Англией и который привел к войне 1812—1814 годов между этими двумя государствами. В этих условиях не в интересах России было затрагивать Америку.

Компании было предложено улаживать мирным путем все недоразумения, возникающие с американскими купцами. По предложению Дашкова, поддержанному министром внутренних дел, правление Российско-американской компании 20 мая 1812 года подписало договор, сроком на 4 года, с созданной в Колумбии меховой торговой компанией, возглавлявшейся нью-иоркским купцом Астором. Колумбийской компании было предоставлено право беспошлинного привоза в Россию меховых шкур, по действовавшему в то время положению запрещенных к ввозу.

Компания Астора обязывалась не производить торговли на территории, принадлежащей Российско-американской компании, монопольно снабжать русские колонии всеми необходимыми им припасами и отвозить на своих судах русскую

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1809 г., д. № 12160, л. 9. Перевод с французского.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1815 г., д. № 12174, л. 33.

пушнину в Кантон. В том случае, если кто-либо из американских купцов занялся бы промыслами или торговлей в русских колониях, Астор был обязан действовать «к отклонению такого предприятия» с Российско-американской компанией «совокупно и единодушно». Расчет строился на родственных связях Астора с видными политическими деятелями в Соединенных Штатах. Заключенная с Астором конвенция, однако, ничего не изменила в существовавшем положении. Астор привозил в колонии по преимуществу товары, для Российско-американской компании не требовавшиеся, за фрахт судов ставил высокие цены, а слухи об его влиянии на американских купцов, которое должно было заставить их отказаться от самовольной торговли в русских колониях, оказались ложными.

В 1817 году главное правление компании представило на рассмотрение царя проект правил, которым должны были подчиняться иностранные суда, приходившие к берегам русских колоний в Америке. Эти правила приравнивали колониальные порты по регламенту к портам Балтийского моря. Но проект лежал без движения, и контрабандная торговля в колониях продолжалась попрежнему. Иностранные купцы чувствовали себя в русских колониях, даже в весьма недалеком расстоянии от центра колониального управления, совершенно свободно.

Возвратившийся в 1819 году из путешествия знаменитый русский мореплаватель В. Головнин в письме, адресованном директорам Российско-американской компании, сообщал ряд фактов, свидетельствовавших о широких размерах, которые приняла иностранная торговля в русской Америке.

Головнин доказывал необходимость решительных правительственных мер для защиты русской территории в Америке от проникновения иностранцев; и в свое время его письмо получило в правительственных кругах широкую огласку. Письмо начиналось с доказательств, что территория, находящаяся, согласно полученным привилегиям, в монопольном обладании компании, действительно принадлежит России как по праву первооткрытия, так и по праву первозаселения, без чего, по мнению Головнина, право первооткрытия не имеет никакого значения. Ссылаясь на результаты путешествий Беринга, Чирикова и других русских мореплавателей, Головнин доказывает, что последующее «переоткрытие» на американском материке иностранными путешественниками ряда мест, где уже они встречали русских поселенцев, было не чем иным, как присвоением этим местам новых названий в честь каких-либо сановников, чего ни Беринг, ни Чириков никогда не делали. «Есть ли бы нынешнему мореплавателю удалось сделать такие открытия, какие сделали Беринг и Чириков, — писал Голов-

нин, — то не только бы все мысы, острова и заливы американские получили фамилии князей и графов, но даже и по голым каменьям рассадил бы он всех министров и всю знать и комплименты свои обнародовал всему свету».[1] Что же касается колонии Росс, то, хотя право первооткрытия здесь не принадлежит России, однако право первозаселения дает ей все основания для обладания этим районом, ибо именно первозаселение, а не «первооткрытие», как подчеркивает Головнин, дает право обладания. «Что не одно открытие, — пишет Головнин, — но действительное занятие дает право на обладание, тому были и в старые времена примеры: при английской королеве Елисавете испанский двор требовал от ее министров, чтобы они велели англичанам, занявшим одно место в Америке, оставить оное потому, что по праву открытия оно принадлежит Гишпании, но Елисавета приказала на сие дать следующий ответ, что одно открытие без действительного занятия не дает права обладания, и что гишпанцы открыли то место, когда там не было пушек, то теперь им надлежит снова открыть оное».[2]

Головнин подчеркивал далее, что «государь, даровав компании права и преимущества к исключению всех прочих своих подданных, конечно, не мнил попустить, чтоб иностранцы пользовались в его областях выгодами, одной компании данными и ей принадлежащими».[3]

Между тем, территория с 42° по 54°40′ северной широты была по договору 1818 года совместно занята Англией и Соединенными Штатами. Это обстоятельство еще больше подняло интерес торговых кругов Америки к богатым пушниной русским владениям.

Именно с этого момента «любопытство американцев касательно северо-западного берега Америки и наших в том диком краю поселений, — доносит русский посланник в Америке Полетика министру иностранных дел Нессельроде, — приобрело такую степень внимания, которая меня изумила».[4] В том же донесении, датированном 21 января 1821 года, Полетика рассказывает: «Часто случалось, что частные люди с дерзостью даже в собственном моем доме требовали от меня сведений о действиях россиян на берегах Северо-западной Америки. Доселе удерживался, — пишет далее Полетика, — представлять вашему сиятельству отчет о сем политическом бешенстве потому, что я не примечал никакого со

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 440, письмо В. Головнина директорам Российско-американской компании от 10 сентября 1819 г., на лл. 10—17.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] МИА, Документы, поступившие из разных мест, д. № 123.

стороны американского правительства расположения серьезно заниматься поселениями на берегах Тихого океана. Но может случиться совсем другое, а особливо теперь, когда конгресс занимается сими поселениями».[1]

В конгрессе вопрос о русских заселениях был поднят в связи с занятием Соединенными Штатами р. Колумбии и приближением, благодаря этому, границ американских владений к русским поселениям на северо-западном берегу материка.

9 (21) января 1821 года в конгрессе был заслушан доклад специальной комиссии, которой было поручено выяснить результаты экспедиции, посланной Соединенными Штатами для занятия территории вдоль р. Колумбии.

Касаясь интересующих американских граждан пушного и китоловного промыслов, комиссия отметила, что Соединенные Штаты упустили возможность полного овладения этим краем, в то время как «все нации, имеющие и неимеющие прав на сей край, заботятся занять в нем какое-либо место и не жалеют издержек, лишь бы участвовать в его доходах». В подтверждение комиссия ссылается на пример России. «Россия, занимающая владениями в азиатском краю такое положение, какое занимают здесь владения наши, давно уже знала о важности и приращениях сей коммерции... она не была приметна даже европейским державам до того времени, пока не приняла участия в неслыханных предприятиях, не щадя ни труда, ни забот, ни издержек, чтобы сделать своими данниками четыре части земного шара».[2]

Русские колонии в Америке комиссия конгресса рассматривает в общем плане экспансии царской России, рисуя ее как могущественную силу, стремящуюся к господству в мировом масштабе. «Крепости, магазины, города, торговля — возникли в сем краю, как будто действием волшебства. С миллионом военной силы она не токмо ограждает свою обязанность с величием, в котором зрит ее Европа, и угрожает турку, персу, Японии и Китаю, но даже владения короля испанского в Северной Америке не ограждаются от ее страшного могущества». По мнению комиссии, активность России с каждым днем все увеличивается. «Ее бдительность к открытию удобных путей к выгодной торговле час от часу усугубляется. Среди всех своих трудных занятий она не упустила случая занять два значительных поста на американском берегу Тихого океана, один на месте, называемом Новоархангельск, около 57° северной широты, а другой при Бодего под 38°34′ широты». Давая краткое описание рус-

---

[1] МИА, Документы, поступившие из разных мест, д. № 123.
[2] Там же.

ских укреплений и методов снабжения русских колоний гужевым путем до Петропавловска и оттуда морем до Новоархангельска, комиссия конгресса в заключение пишет, что «нация, предпринимающая подобные сим путешествия, часто по ледяным морям, в мятели и вьюги, скрывающие от глаз предмет в расстоянии нескольких шагов, для того, чтобы удержать какую-либо ветвь торговли, должна хорошо и совершенно понимать всю ее важность, чтобы предметы, которые она имеет в виду, не были каким-нибудь образом у нее похищены. Она, по поднятии столь чрезвычайных трудностей, нашла способ занять один из Сандвичевых островов, что не только поставляет ее в возможность удержать свои позиции, но и повелевать всею северною частью Тихого океана».[1]

Комиссия конгресса, как мы видим, чрезвычайно резко ставит вопрос о русских колониях в Америке. Помимо общего усиления интереса Соединенных Штатов к Тихоокеанскому побережью это вызывалось тем противодействием, которое встречала со стороны Российско-американской компании торговля американцев в русских колониях.

Еще в августе 1820 года главное правление воспретило колониальному начальству производить меновую расторжку с иностранцами. А через год это запрещение получило уже правительственную санкцию. 4 сентября 1821 года, одновременно с утверждением новых привилегий Российско-американской компании, был издан указ, категорически воспрещавший приставать к русским колониям всем иностранным судам без всякого изъятия.

Производство торговли, китового и рыбного промыслов вдоль всего северо-западного берега Америки, начиная от Берингова пролива до 51° северной широты, а также вдоль Алеутских и Курильских островов, согласно этому указу, предоставлялось исключительно русским подданным. Указ воспрещал «всякому иностранному судну не только приставать к берегам и островам, подвластным России, в предыдущей статье означенным, но и приближаться к оным в расстоянии менее ста итальянских миль».[2] Корабли, уличенные в торговле с туземцами, а равно и в заходе в запрещенную зону, должны были подвергаться конфискации военными судами, которые предполагалось послать для крейсирования вдоль берегов Америки. Уже в октябре того же года фрегат «Аполлон» вышел из Кронштадта. Ровно через год, с октября 1822 года, фрегат начал крейсировать вдоль берегов русских колоний в Америке. Результатом столь решительных мер-

[1] МИА, Документы, поступившие из разных мест, д. № 123.
[2] Полное собрание законов, т. XXXVII, № 28747.

приятий было, однако, лишь прекращение покупки товаров у иностранных купцов для снабжения колоний, контрабандная же торговля иностранцев с туземным населением продолжалась в полном объеме.

Воспрещение иностранным судам приближаться к русским колониям в Америке вызвало резкий протест не только Соединенных Штатов, но и Англии. Уже 3 июня 1822 года К. В. Нессельроде писал министру финансов графу Д. А. Гурьеву о протесте американского и английского правительств против расширения границ русских колоний в Америке, декларированного новыми привилегиями компании, а также против указа 4 сентября: «Американское правительство протестовало против того, что оно называет расширением наших владений, и против степени власти, даруемой нами морской нашей расправе». Английское правительство, — писал там же Нессельроде, — «равномерно обратилось к нам с представлением, основанным на тех же причинах».[1]

Это был момент, когда к этим протестам царское правительство должно было прислушиваться, в особенности к протесту Англии. Царское правительство только что обратилось к державам, членам Священного союза, с нотой, в которой настаивало на том, чтобы России было поручено «восстановить порядок на Балканском полуострове» в связи с начавшимся в 1821 году греческим восстанием, руководимым Ипсиланти. «Восстановлению порядка на Балканском полуострове», которое мыслилось Александром как повод для раздела Турции, мешали в первую очередь Англия и Австрия. Греческий вопрос, по существу, вопрос о проливах был в центре внимания внешней политики царизма. Готовясь к походу для «помощи» грекам, Александр должен был всячески маскировать свои интервенционистские замыслы. Вступать в это время в конфликт с Англией и Соединенными Штатами из-за русских владений в Америке царскому правительству было явно невыгодно. Из-за такого приобретения, как американские колонии, не стоило портить отношения с державами, и так противившимися русскому вмешательству в греческие дела. В цитированном уже нами письме от 3 июня 1822 года Нессельроде сообщал Гурьеву, что Александр предписал всем судам, крейсировавшим у берегов русской Америки, «производить свое наблюдение сколь можно ближе к твердой земле и не простирать оного далее той широты, под которой американская компания действительно пользовалась преимуществами своими в звериной и рыбной ловле, как со

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1822 г., д. № 3645, письмо государственного канцлера К. В. Нессельроде министру внутренних дел Д. А. Гурьеву от 3 июня 1822 г., на лл. 29—34.

времен своего учреждения, так и с возобновления ее грамоты в 1799 г.»[1]

Таким образом, декларация от 4 сентября в части, касавшейся расширения русской границы вплоть до 51° северной широты, была аннулирована, правда, без формального о том объявления. Что же касается запрещения иностранцам приставать к берегам русской Америки, то и этот вопрос, согласно приведенному выше указанию Александра, по существу не считался окончательно решенным. Новому посланнику в Соединенных Штатах, барону Тюилу, сменившему Полетику, предлагалось в Вашингтоне «условиться в мерах, кои могут быть с общего согласия приняты, к отвращению всякого дальнейшего спора, относящегося до пространства взаимных владений на северо-западном берегу Америки, к прекращению всяких жалоб, доселе поступавших от американской компании на предприятия некоторых подданных Соединенных Штатов, и к избежанию через то от обязанности привесть в точное действие учреждение 4 сентября, к чему во всяком ином предположении мы будем вынуждены».[2]

Вопрос о праве торговли в русских колониях интересовал в первую очередь Соединенные Штаты, так как снабжением колоний и контрабандной торговлей с туземным населением занимались преимущественно американские купцы. Вопрос же о границах русских владений касался одинаково как Соединенных Штатов, так и Англии. Совместному выступлению этих двух, еще не так давно воевавших друг с другом держав против декларации 4 сентября был обеспечен успех.

Французский историк Барраль-Монферра отмечает, что «лорд Кастльри,[3] не колеблясь, начал поддерживать права Соединенных Штатов с такой же ревностью, с какой поддерживал бы права своего собственного государства». «Россия, — пишет дальше Барраль-Монферра, — в сношениях с американцами подчеркивавшая свое отношение к ним, как к народу второстепенному, с которым можно было себе позволить несколько развязные манеры, коренным образом изменила свой тон, как только почувствовала, что их поддерживает Англия. По собственному почину она предложила собрать в С.-Петербурге конференцию и передать ей вопрос об установлении границ, который она прежде считала возможным разрешить исключительно своей властью. Она дала своим уполномоченным самые примирительные инструкции и поспе-

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1822 г., д. № 3645, письмо государственного канцлера К. В. Нессельроде министру внутренних дел Д. А. Гурьеву от 3 июня 1822 г., на лл. 29—34.

[2] Там же.

[3] Министр иностранных дел Англии.

шила избавиться таким образом от ненужного конфликта по вопросу об Аляске. С.-Петербургская конференция и юридически и практически удовлетворила вашингтонское правительство, и материальные интересы Соединенных Штатов оказались вполне гарантированными».[1]

Конфликт из-за Аляски был действительно для России «не нужен» в момент, когда решались столь актуальные для нее вопросы на Балканском полуострове.

20 ноября (2 декабря) 1823 года президент Монро обратился к конгрессу с посланием, где впервые было заявлено, что «американские континенты по занятому и поддерживаемому ими свободному и независимому положению не могут считаться на будущее время открытыми для колонизации каким-либо европейским государством». Непосредственным поводом для такого заявления было расширение русской экспансии на североамерианском материке и, в частности, декларация от 4 сентября 1821 года. В этом послании, положившем основание так называемой «доктрине Монро», прямо отмечалось, что указанные принципы президент считает удобным провозгласить именно в тот момент, когда, по предложению русского правительства, представителю Соединенных Штатов в С.-Петербурге были посланы полномочия с целью путем мирных переговоров определить взаимные права обоих государств на северо-западном побережьи американского материка.

На Петербургской конференции, обсуждавшей вопрос о границах русских колоний в Америке, «доктрина Монро» впервые одержала победу. Но эта победа была достигнута в первую очередь в результате совместного выступления с Англией, в результате того противодействия, которое оказывала в этот момент Англия интересам царизма на Ближнем Востоке.

Конвенция, регулировавшая взаимоотношения между Соединенными Штатами и Россией на американском материке, была заключена 5 (17) апреля 1824 года. Аналогичная конвенция с Англией была заключена 16 (28) февраля 1825 года. После того как все «американские» вопросы были улажены, тогда же, в феврале 1825 года, начались в Петербурге переговоры с Англией и Австрией по вопросу о греческом восстании, и сразу же стало очевидным, что все происходившие до того времени переговоры были лишь умышленной оттяжкой времени, и что ни Англия, ни Австрия не дадут Александру воспользоваться греческим восстанием для вмешательства в турецкие дела.

Содержание конвенций, заключенных в момент столь благоприятный для нажима на царизм, было прямо противопо-

[1] *Барраль-Монферра,* От Монро до Рузвельта, ГИЗ, б. г., М. — Л., стр. 13.

ложно указу от 4 сентября 1821 года. В основных своих положениях обе конвенции совершенно идентичны. Статья 3 обеих конвенций границею русских поселений устанавливала 54°40′ северной широты, т. е. на 3°40′ меньше, чем предусматривали и указ от 4 сентября и новые привилегии компании. Что касается колонии Росс, то вопрос о ней в конвенции был попросту обойден.

Статья 4 конвенции с Соединенными Штатами и статья 7 конвенций с Англией предоставляли гражданам обоих этих государств право беспрепятственного захода во все внутренние воды русских владений в Америке как для производства рыбной ловли, так и для торговли с туземным населением. Аналогичное право захода во внутренние воды американских и английских поселений в Америке предоставлялось и русским гражданам. Из этого положения были изъяты лишь места, не только считавшиеся территорией государства, подписавшего соглашение, но и заселенные его гражданами — в первом случае русскими, а во втором случае — американцами или англичанами. Однако уже в момент подписания конвенции для обеих сторон было ясно, что, так как русские купцы конкурировать с английскими и американскими не могут, то это формально двустороннее обязательство должно фактически превратиться в привилегию американских и английских купцов.

Конвенция, заключенная с Англией на десять месяцев позднее, чем конвенция с Соединенными Штатами, уточняла вопрос о границах не только со стороны западного побережья Америки, но и с востока. Помимо того, в отношении Англии она устанавливала положение о наибольшем благоприятствовании: в случае, если какой-либо державе было бы предоставлено право свободной торговли в русских колониях более чем на десятилетний срок, таковое должно было быть дано и Англии.

Обе конвенции поставили коммерческую деятельность Российско-американской компании в чрезвычайно затруднительное положение. Попытка покончить с контрабандной торговлей на прибрежной полосе русских колоний путем правительственных санкций окончилась неудачей. Более того, теперь эта торговля была узаконена не только в прибрежной зоне, но и во внутренних водах, не говоря уже о том, что заключенные конвенции ставили серьезную преграду каким-либо территориальным приращениям на американском материке.

Отказаться вовсе от торговых сношений с иностранцами, как этого хотело вначале главное правление, добиваясь запрещения иностранным судам приставать к русским берегам в Америке, оказалось не так легко. Еще до подписания конвенции с Соединенными Штатами компания была вынуждена обратиться к правительству с ходатайством о разрешении

вновь вести торговлю с иностранцами в колониальном центре Новоархангельске для снабжения колоний провиантом и другими необходимыми товарами. 8 января 1824 года граф Н. С. Мордвинов в частном письме К. В. Нессельроде указывал, что «разрыв торга с иностранными привел компанию в весьма затруднительное положение. Медленность в переговорах с Англиею и Штатами Американскими до заключения постоянного трактата, как по определению границ, так и по торговым сношениям, может между тем истощить денежные ее капиталы и подвергнуть гибельному состоянию промышленников и возмутить природных жителей, получающих от компании все для них необходимо нужное».[1] Совет компании, с своей стороны, в обращении к министру финансов чрезвычайно торопил его с разрешением этого вопроса.

Было еще одно обстоятельство, заставившее компанию настаивать на частичной отмене того самого регламента, введения которого она добивалась. Запрещение иностранцам торговать на территории русских колоний чрезвычайно озлобило туземцев, в частности тлинкитов, ибо колониальная администрация не имела возможности снабжать их товарами, которые они прежде покупали у иностранных купцов. Восстание тлинкитов всегда было реальной угрозой для русских поселений в Америке. Ныне, по сообщению правителя колоний Муравьева, эта угроза должна была возрасти, в связи с недостатком в товарах. Слухи, правда, чрезвычайно преувеличенные, о вооружении тлинкитов и о влиянии на них американцев также сыграли свою роль. «Уже известно, — сообщал перепуганный Муравьев, — что многие колошинские районы имеют пушки. Служащие на коронном фрегате «Аполлоне» крейсирующем в колониях, рассказывали, что во время бытности их в Кайганах они видели там маленькую крепость с пушками под американским флагом и что в сей крепости каждой день палят заревую пушку и поднимают флаг. В сей крепости виден чрезвычайный запас и ружей и пороха».[2]

Муравьев требовал немедленной присылки необходимых для туземцев товаров и людей «для подкрепления», заявляя, что иначе «он не знает, что ему и делать». «Поелику в нас одних, — писало правление компании о тлинкитах, на основании полученных из колоний сведений, — они видят единственную преграду как к сбыту своих промыслов, так и к удобному приобретению тех вещей, кои сделались для них необходимыми, почему нельзя ожидать от них ни доброго расположения, ни пощады, когда они будут сильны, следовательно, и опасность наша с их стороны умножится по мере

[1] Архив графов Мордвиновых, т. VI, СПб., 1902, стр. 642—643.
[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г., д. № 3646, л. 19.

противопоставления им преград к сношению с иностранными мореходами». [1]

27 марта 1824 года, за десять дней до подписания конвенции с Соединенными Штатами, Александр I разрешил Российско-американской компании возобновить в Новоархангельске торговлю с иностранцами. Закрепляя это разрешение, конвенция, однако, шла значительно дальше. Предоставив возможность американцам, а затем и англичанам вести торговлю с согласия компании в тех местах, где имеются русские поселения, конвенция давала иностранным купцам право беспрепятственной торговли на незаселенной русскими территории компании. А это означало, что компания лишалась каких бы то ни было перспектив расширения своей деятельности даже в пределах формально принадлежавшей ей территории. Неожиданно для себя Российско-американская компания сталкивалась на собственной же территории с сильными и предприимчивыми конкурентами.

Еще до подписания конвенции правление Российско-американской компании, конечно, знало, куда клонятся переговоры.

Интересы держателей акций компании, интересы ее директоров шли вразрез с той политикой уступок на американском материке, которой придерживалось в это время царское правительство. В своих воспоминаниях о Рылееве, служившем в этот период правителем дел компании, Е. П. Оболенский сообщает, что «его сильно тревожила вынужденная, в силу трактата с Северо-Американским союзом, передача Северо-Американцам основанной нами колонии Росс, в Калифорнии, которая могла быть для нас твердой опорной точкой для участия в богатых золотых приисках, столь прославившихся впоследствии». [2] Рылеев действительно был чрезвычайно обеспокоен этим трактатом, однако, не вследствие передачи Калифорнии, ибо трактат этого вовсе не предусматривал, а из опасения, что ратификация конвенции нанесет тяжелый удар всей деятельности компании.

Не только правление компании, но и отдельные наиболее влиятельные ее акционеры пытались как-нибудь воздействовать на правительство, чтобы удержать его от уступок Соединенным Штатам.

«Сколь бы не являлась в настоящее время малополезность в пространном обладании дикой землей, — писал еще в феврале 1824 года граф Н. С. Мордвинов К. В. Нессельроде, — но мы не можем забыть уступки, сделанной Россией китайцам, предела, от Яблоновых гор до реки Амура лежащего. Во

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г., д. № 3646, л. 21.

[2] Воспоминания кн. *Е. П. Оболенского,* «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, СПб., 1905, стр. 237.

время сея уступки мы довольствовались великим пространством Сибири, презрели дикость уступаемых земель, но ныне болезнуем, что Амур, единая из Сибири текущая река в открытое для плавания море, не течет уже в пределах наших и сии великие потери возвратить не можем». [1]

На авторитет Н. С. Мордвинова правление компании возлагало большие надежды, но развивающиеся события не благоприятствовали компании. Сообщая Мордвинову, уже после подписания конвенции с Соединенными Штатами, что письмо его, цитированное выше, было представлено непосредственно царю, который, «приняв оное с благосклонностью, удостоил рассуждения... своего высочайшего внимания», Нессельроде дает следующее толкование только что подписанной конвенции: «В IV статье мы дозволяем американским штатам производить, но не долее десяти лет, торги и рыбную ловлю в местах нашего владения. На сие выгодное для них постановление наш кабинет должен был согласиться, по двум равно достойным уважения причинам: во-первых, потому, что правительство Северо-американской республики не без основательности требовало вознаграждения за значительнейшие выгоды, нам доставляемые другими положениями конвенции и в особенности условиями статьи V [запрещение продавать на территории русских колоний спиртные напитки и оружие. — *С. О.*]; во-вторых, и потому, что американцы с давнего времени производят сей торг и ловлю, что компания до сих пор не находила средств им препятствовать в том, и что, конечно, для нее гораздо предосудительнее дать им пользоваться сим как до ныне будто бы по естественному неотъемлемому праву, нежели по дозволению, нами дарованному в торжественном договоре, ибо чрез сие американцы столь же торжественно признают, что по истечении немногих срочных лет мы имеем законную власть совершенно воспретить им торговлю и рыболовство в сем крае». [2]

Далее Нессельроде высказывает мысль, что «через сей акт наши колонии выигрывают более. Он в некотором смысле есть начало политического бытия их и безопасности, ибо ныне в первый раз определяются их отношения к иностранным государствам. Важность сего очевидна, и господа члены Российско-американской компании, без сомнения, почувствуют в полной мере сие новое великое благодеяние августейшего покровителя». Действительно, заключенные конвенции были

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1827 г., д. № 7316, письмо Н. С. Мордвинова К. В. Нессельроде, февраль 1824 г., на лл. 7—9.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1824 г., д. № 3717, письмо К. В. Нессельроде Н. С. Мордвинову, 1824 г., на лл. 21—26.

первыми двусторонними международными актами, где отмечалась принадлежность России не только Алеутских островов, но и определенной территории на американском материке. Однако «господа члены Российско-американской компании» все же расценивали эти конвенции отнюдь не как «новое великое благодеяние августейшего покровителя», а как новое великое бедствие, ставящее под сомнение все дальнейшее существование компании.

Несмотря на то, что статья IV конвенции, судя по русскому переводу, разрешала американцам на русской территории лишь «производство там рыбной ловли и торговли с природными той страны жителями», было ясно, что сюда включалось также и разрешение заниматься охотою и на морского зверя. Мордвинов сразу же обратил внимание Нессельроде на то, что слово «pêche», переведенное в русском тексте конвенции как «рыболовство», допускает весьма расширительное толкование, вплоть до ловли морских животных. Нессельроде разъяснил Мордвинову, что расширительное толкование термина «pêche» было им предусмотрено. «Поспешаю с соизволения его величества ответствовать вам, — пишет Нессельроде, — что под словами: русским — рыболовство, которое я употребил в письме своем, и французским «pêche», внесенным в конвенцию нашу с Северо-американской республикой, мы, за неимением других точнейших слов на сих обоих языках, разумели, как обыкновенно, ловлю всяких водяных животных и, вообще, всех произведений моря». [1]

В тот короткий срок, которым отделено было подписание конвенции от ее ратификации (с 5 апреля по 10 мая 1824 года), компания все еще пыталась предотвратить надвигавшуюся на нее катастрофу.

В фонде министерства иностранных дел сохранилась копия другого представления компании министру финансов Е. Ф. Канкрину, собственноручно переписанная К. Ф. Рылеевым и, очевидно, им же написанная, по поводу русско-американской конвенции 5 апреля 1824 года. В обращении к министру финансов главное правление рисовало будущее компании, в случае ратификации конвенции, в весьма трагическом виде. Как только иностранцы, писало правление, — «получат законное право вступить в состязание с компанией в самых промыслах ее, составляющих единственный источник ее богатства, то не только посещавшие прежде берега и воды наши, но и те, кои никогда не думали о подобном предприятии, устремятся туда и, конечно, не упустят случая соединиться для усиления звериных промыслов и непосредственной торговли с прибрежными жителями в пределах наших колоний. К тому же иностранцы,

[1] Архив графов Мордвиновых, т. VI, стр. 656—657.

побуждаемые коммерческими выгодами, внушат в приверженных к России дикарях отвращение к прежней зависимости от компании, как то утвердительно предполагать можно, и не будут иметь надобности производить торговлю с компанией в главной ее колонии, ибо то, что они могут получать от компании на обмен необходимых для них товаров, они будут доставать собственными своими промыслами и через непосредственное сношение с жителями. Таким образом, колонии наши останутся точно так же без ближайших средств продовольствия, как и при запрещенной торговле, и потому надобно будет подкреплять их из России посредством высылаемых кругом света экспедиций. Чрезвычайные издержки на сии последние и подрыв в то же время в самых промыслах компании единственного источника и средства ее существования, конечно, ничего иного в будущем не обещает, кроме неизбежного ее падения». [1]

Перечисляя убытки, которые компания понесет за десять лет, в течение которых иностранцам будет разрешено свободно торговать в русских колониях, автор этого представления пишет: «Компания имеет полную причину опасаться, что не только в 10 лет, но гораздо в кратчайшее время иностранцы при неисчисленных своих средствах и преимуществах доведут ее до совершенного уничтожения». [2]

С резкой критикой заключенных конвенций выступил и декабрист Д. И. Завалишин, который, как и Рылеев, принимал непосредственное участие в деятельности компании.

Записка Завалишина «О запрещении американским гражданам посещать северо-западные берега Северной Америки» также посвящена критике конвенции 5 апреля 1824 года. Разрешение американцам посещать русские колонии, в частности Ситху, Завалишин расценивает как конец там русского господства. «Одно только может доставить безопасность Ситхе — совершенное удаление граждан Соединенных Штатов от берегов сих, — пишет Завалишин. — В противном случае, думаю, для Российско-американской компании выгоднее будет совершенно оставить сию крепость». [3]

С еще более резкой критикой обрушился Завалишин на англо-русскую конвенцию от 16 февраля 1825 года. Установление границы вдоль 141° западной долготы Завалишин считает бесполезной уступкой. Право свободного плавания иностранцев по внутренним водам он расценивает как отказ России от владения колониями. «Шестая статья, — пишет

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1824 г., д. № 3650, л. 6.

[2] Там же.

[3] Государственный архив феодально-крепостной эпохи (ГАФКЭ), Москва, фонд Следственной комиссии, д. № 48, л. 228.

он, — делает бесполезным обладание материком. Дозволяя иностранцам всегдашнее свободное плавание по рекам, оно делает их настоящими властелинами земли, оставляя нам одно пустое ими обладание». [1]

Но поскольку конвенция уже была заключена, Завалишин предлагает ряд мероприятий, которые смогли бы в какой-то мере нейтрализовать ее тяжелые для Российско-американской компании последствия. Так как статья 2 конвенции запрещала иностранцам приставать для расторжки лишь в те места русских колоний, где имеются компанейские заселения, то Завалишин, имея «постоянно в виду стеснение коммерции иностранной», предлагал учредить во всех выгодных для торговли местах компанейские фактории. Для нейтрализации статьи 7, дававшей англичанам право в течение десяти лет свободно плавать по русским внутренним водам, Завалишин настаивал на использовании компанией двустороннего характера статьи. «Компания должна непременно посылать туда [т. е. в английские территориальные воды. — *С. О.*] все товары, кои она может отдавать по ценам дешевейшим, нежели англичане, чтоб стараться подрывать их торговлю и принудить возвратиться к себе, оставя нам принадлежащие места». [2]

Несмотря на все старания Российско-американской компании, обе конвенции были подписаны и через некоторое время ратифицированы.

Во имя своих интересов на европейском континенте царское правительство шло на решительные уступки в Америке. В одном из своих писем графу Н. С. Мордвинову К. В. Нессельроде с полной ясностью подчеркивал необходимость подчинения русских интересов на американском материке более важным государственным задачам. «Стараясь охранять добытые трудом выгоды, стремясь даже к стяжанию новых всеми дозволительными средствами, мы также должны не забывать, что могут быть другие важнейшие государственные потребности и пользы и проистекающие от того важнейшие обязанности для правительства. Вам, милостивый государь мой, как человеку сведующему во всех частях науки правления, я считаю излишним объяснять, что не одна большая или меньшая пригодность желаемых приобретений должна служить указанием в политических переговорах». [3]

---

[1] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 48, л. 240 об.
[2] Там же, л. 242 об.
[3] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1824 г., д. № 3717, л. 21.

V

ОТ КУПЕЧЕСКОЙ КОМПАНИИ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

У современников нередко создавалось впечатление, что Российско-американская компания действовала самостоятельно и бесконтрольно, будучи каким-то «государством в государстве».

Врач Лангсдорф, участник экспедиции И. Ф. Крузенштерна, в своих записках пишет: «Меня часто поражало обстоятельство — как в монархическом государстве могла возникнуть свободная торговая компания, не подчиненная никакой администрации и имеющая неограниченную и безнаказанную власть распоряжаться самовластно над огромными участками земель».[1]

Подобное представление могло возникнуть лишь при очень поверхностном знакомстве с истинным положением дел. Вся деятельность главного правления уже с первого дня создания этой частной по форме компании контролировалась и направлялась правительством.

Согласно утвержденным в 1799 году правилам, Российско-американская компания приравнивалась в отношении ее зависимости от государственной власти к самостоятельному ведомству. В соответствии с § 12 правил 1799 года, правление «долженствует обо всем, касающемся до дел компании, как о распоряжениях своих, так и о происходящих по оным успехах, доносить прямо его императорскому величеству».

Для руководства деятельностью правления и контроля над нею была учреждена, как мы уже указывали, должность «корреспондента» или «протектора» компании. Но Н. П. Резанов, назначенный в 1799 году корреспондентом компании, был не только крупным правительственным чиновником — обер-прокурором первого департамента Сената, — он был, кроме того, близким родственником директора компании М. Булдакова и

[1] Извлечение из записок *Лангсдорфа*, «Материалы для истории русских заселений на берегу Восточного океана», 1861, вып. IV, стр. 187.

держателем значительного числа акций. В силу этого Резанов был не столько «оком государевым», наблюдающим за компанией, сколько ее ходатаем по самым различным вопросам. В то же время рост значения компании и необходимость согласования ее деятельности с различными ведомствами — министерством иностранных дел, морским министерством и другими — поставили на очередь переход от единоличного контроля в лице «корреспондента» к контролю коллегиальному.

Уже в 1804 году учреждается временный комитет из трех акционеров, которому при разрешении политических вопросов, требовавших тайны, присваивались все права общего собрания.

Из трех мест в комитете одно по предложению министерства внутренних дел должно было замещаться не в порядке выборов, а по назначению. «Если бы компания назначала по баллам двух почетных членов, — писал министр внутренних дел, — а его императорское величество третьего с тем, чтоб сему последнему быть ходатаем по всем его нуждам, то бы чрез сие правительство имело то влияние, которое оно должно себе предоставить, а тем самым и компания и правительство взаимно были бы удовлетворены». [1]

Создание временного комитета, которое было первым шагом в превращении компании из организации коммерческой в прямую агентуру короны, не встретило, однако, противодействия со стороны купеческого главного правления.

В компетенцию временного комитета должны были входить лишь вопросы, имевшие политический характер. Купеческое главное правление сохраняло за собою всю полноту власти в коммерческих вопросах. Вместе с тем решения главного правления с созданием временного комитета приобретали больший вес, ибо фактически они санкционировались членами правительства еще до их официального одобрения правительством.

В комитет были избраны морской министр адмирал Н. С. Мордвинов, товарищ министра внутренних дел граф П. А. Строганов и тайный советник И. А. Вейдемейер — один из наиболее видных чиновников министерства иностранных дел. Через несколько лет временный комитет, под названием особого совета Российско-американской компании, стал постоянным органом как правительственного контроля, так и правительственного руководства политической стороной деятельности компании. Официально инициатива создания постоянного совета исходила от главного правления. В своем обращении к царю в 1812 году главное правление отмечало, что

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1826 г., д. № 747, л. 4.

благодаря продвижению компании в Калифорнию, проникновению американцев в граничащую с русскими колониями Колумбию, торговле с Китаем и другим обстоятельствам «часто встречаются такие дела, кои заключают в себе тайны по торговым и политическим видам, соображения с которыми и необходимое действование часто соделывается выше власти директоров, управляющих производствами компании».[1] Исходя из этих обстоятельств, главное правление ставило вопрос о создании уже не временного, а постоянного совета для разрешения политических дел. Этот совет должен был состоять попрежнему из трех акционеров и обладать теми же правами в отношении подмены решения общего собрания. «Все дела важные или требующие тайны по политическим видам, кои с распространением торговли, мореплавания и разных по оным предначинаний компании неразлучны и которых решение может иногда затруднить директоров или оное найдется выше власти их, да вверяются особому вниманию и попечению совета совокупно с главным правлением».[2]

Готовность купеческого главного правления подчиниться теперь уже постоянному правительственному совету объяснялась теми же причинами, которые несколько лет назад заставили его так охотно пойти на создание временного комитета. Возлагая ответственность за политическую линию компании на членов совета, главное правление, как и раньше, формально не лишалось и здесь своего значения и надеялось иметь влияние на разрешение вопросов политического характера, ибо при совместных заседаниях совета и директората постановления имели силу лишь при единогласном решении. Руководство коммерческой деятельностью компании главное правление предполагало попрежнему всецело сохранить за собой. Как гласило положение о совете, — «директоры же остаются в прежней ответственности по тем производствам, кои компаниею уже определены».

16 октября 1813 года решение о создании постоянного совета при Российско-американской компании было утверждено комитетом министров. Хотя по положению о совете один из трех членов ежегодно переизбирался, однако, некоторые из них оставались членами совета на протяжении целых десятилетий, что еще более характеризует совет как орган, фактически состоявший из назначенных правительством представителей различных ведомств. Так, например, Я. Дружинин, директор канцелярии министерства финансов и впоследствии управляющий департаментом мануфактур и внутренней тор-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1813 г., д. № 143, л. 3.
[2] Там же.

говли, т. е. тем департаментом, которому компания непосредственно была подчинена, был членом совета в течение 34 лет без перерыва — с первых выборов, т. е. с 1814 года, по 1848 год, т. е. до самой смерти. В первый состав совета, помимо Я. Дружинина, вошли сенатор И. А. Вейдемейер, член коллегии иностранных дел, входивший еще во временный комитет, и сенатор П. С. Молчанов. Позднее в совет входили сенатор В. Г. Политковский, граф Н. С. Мордвинов, член Государственного совета. Среди членов совета мы видим и крупнейших деятелей морского министерства: адмирала Г. А. Сарычева, В. М. Головнина, Ф. П. Врангеля — участников и руководителей ряда экспедиций.

«Купеческое» главное правление, однако, ошиблось, рассчитывая сохранить полную самостоятельность в коммерческих делах. Очень скоро правительственные органы начинают вмешиваться и в руководство коммерческой деятельностью компании. Формально в этом отношении компания подлежала контролю правительства с первого дня своего существования. Но финансовые отчеты, представлявшиеся царю, а затем поступавшие в министерство коммерции, никем не проверялись, и фактически эта сторона деятельности главного правления оставалась бесконтрольной.

Начало подлинного финансового контроля было положено с момента передачи компании в ведение министерства внутренних дел. Вопрос о подчинении Российско-американской компании департаменту мануфактур и внутренней торговли, находившемуся в ведении министерства внутренних дел, был поднят еще в сентябре 1811 года министром внутренних дел О. П. Козодавлевым. Исходя из того, что контроль правительства над компанией должен быть тем более силен, что «всякое злоупотребление компании может произвести весьма вредные и значущие последствия как для общества, так и самой империи», [1] Козодавлев требовал полной осведомленности правительства и о коммерческой деятельности и согласования всех намечаемых компанией мероприятий.

Просматривая представления компании царю за прошлые годы, Козодавлев убедился, что помимо различных «домогательств» и неполных денежных отчетов, за правильность которых «однако ж одни только управляющие директоры могут быть порукою», там ничего не имеется. В своем представлении царю Козодавлев подчеркивал необходимость «восстановить между лицом монаршим и компанией, посредником министерство внутренних дел, которому она обязана будет для поднесения вашему величеству представлять полные свои от-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1811 г., д. № 38, л. 6.

четы, состоя под непосредственным оного ведением».[1] 15 декабря 1811 года предложения Козодавлева были утверждены, и компания перешла в ведение министерства внутренних дел. Это, однако, продолжалось недолго. В 1819 году, в связи с переходом департамента мануфактур и внутренней торговли в министерство финансов, компания перешла в ведение министерства финансов. Если в первое время главное правление еще не чувствовало особого стеснения в своей деятельности, то с этого момента контроль принял систематический характер.

Одновременно шло и усиление правительственного контроля над колониальным управлением. Усиление это проявилось прежде всего в укомплектовании штата колониальных служащих чинами морского ведомства. Заполнение военнослужащими отдельных постов в колониальном управлении началось вполне естественно с компанейского флота. Вопрос о создании флота компании был одинаково важен и для правительства и для самой компании.

Грандиозные планы царской экспансии требовали кораблей значительного водоизмещения и укомплектования их квалифицированными моряками. От предшествующих компаний Российско-американской достались в наследство четыре галиота, выстроенных в различное время в Охотске, и один фрегат, выстроенный на русских верфях в американских колониях. Этот флот, конечно, не отвечал тем новым задачам, которые были поставлены перед компанией российским царизмом. Компании пришлось создавать флот, по существу, совершенно заново. В течение первого двадцатилетия своего существования компания владела, вместе с упомянутыми выше пятью судами, в общей сложности 32 судами разной величины и конструкции. Российско-американская компания затратила за эти двадцать лет на флот 3300 тысяч руб., но если даже учесть быструю амортизацию деревянных судов, следует признать, что эффективность этих затрат была незначительной. К началу 20-х годов XIX века компания располагала всего лишь 13 судами вместимостью от 50 до 300 тонн.

Из 19 судов, которые согласно валовым спискам флота выбыли за это двадцатилетие, лишь два судна были уничтожены «за ветхостью» и одно продано. Остальные 16 судов в течение этого срока, как отмечало само правление, «от несчастных случаев, а более от неискусства и нерадивости охотских штурманов, потерпели кораблекрушение».[2]

Здесь мы сталкиваемся с обстоятельством, которое играло очень важную роль в деятельности компании, — с отсутствием

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1811 г., д. № 38, л. 12 об.

[2] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 2 отд., 1819 г., д. № 10, л. 55 об.

необходимых квалифицированных кадров, что было результатом господства в метрополии крепостнической системы. В области мореходства это выразилось в том, что квалифицированные кадры моряков имелись только в военном флоте.

Еще в самом начале деятельности компании правительство пыталось притти ей на помощь путем военизации компанейского флота. В 1802 году царским указом было предписано увольнять из состава флота на службу в компанию как матросов, так и флотских офицеров и штурманов в неограниченном числе, причем половина их жалованья оплачивалась правительством и за уволенными в службу компании сохранялись все права и привилегии, как за находившимися на действительной службе.

Отныне все кругосветные экспедиции действительно укомплектовывались военными моряками, из числа которых впоследствии вышло не мало знаменитых мореплавателей.

Суда же, совершавшие каботажные рейсы, попрежнему водили малограмотные штурмана, нанимавшиеся в Охотске. Морские офицеры считали ниже своего достоинства обслуживать каботажное плавание и подчиняться распоряжениям главного правителя колоний «из купцов». Эпизод, когда лейтенант Лазарев в 1815 году, не подчинившись приказу правителя колоний Баранова, вместо того чтобы отправиться для захвата Гавайских островов, снялся с якоря и самовольно ушел в Кронштадт, был одним из наиболее ярких, но не был единичным.

В данном случае правитель колоний Баранов, правда безуспешно, пытался обстрелять из крепостных орудий уходящее компанейское судно, но в других случаях он был вынужден мириться с неподчинением этих новых служащих компанейской администрации. Уже в первые годы после поступления морских офицеров на службу к компании Резанов писал из Новоархангельска правлению о ненормальности подобного положения, когда бывшие офицеры не подчиняются распоряжениям компанейского начальства: «К прискорбию моему, должен я к заключениям моим о морской части прибавить, что несравненно для компании полезнее получать людей из иностранных мореходов, или из отставных, но только чтобы отнюдь в коронной службе не считались, а иначе опять — хлопоты. Милость монаршая велика, но по образу ли воспитания офицеров наших, по отдаленности ли края, в котором ныне всио позволенным кажется, компания может потерпеть убытки, а отечество лишиться областей Американских. Несчастные, фальшивые правила увещаниями истреблять трудно... Вкоренившееся в благородном сословии к коммерческому состоянию презрение делает здесь всех хозяевами, а у семи нянек всегда дитя без глазу. Хотя же и есть правитель в чиновных степенях, которые истинными приобрел заслугами, но что прежде

был купцом, того из памяти истребить не можно, а к несчастью отечества ето на языке большой части нашей братьи значит еще то же, что недавно из бездельников. И так — повиноваться ему кажется для них подлостью; уважать пользы, отечеству приносимые, они не могут, ибо самим собою должно чувствовать вес их».[1]

В том же письме Н. П. Резанов подробно сообщал о самоуправстве, пьянстве и скандалах, учиняемых офицерами в американских колониях. Спокойствия нет ни на минуту: «то тревога от колошей, то благородное сословие перепившись караул кричать изволит». Все присылаемое для других служащих компании офицеры присваивают себе, расправляясь при этом с компанейскими служащими «из купцов» преимущественно при помощи плетей. «С тех пор, как завелось офицерство, бедной и беззащитной класс купцов, — пишет Резанов, — за свои деньги ничего получить не может и перестал из России выписывать, а старается, платя в три дорого, получать чрез шкиперов из Бостона. Какое лестное состояние!»[2]

Резанов, несмотря на свой пост «корреспондента» всецело стоявший на страже интересов «купеческой» линии в компании, считал возможным избегнуть антагонизма между офицерским составом служащих компанейского флота и ее «купеческим» начальством лишь путем подбора соответствующих кадров, которые бы могли заменить дворянские элементы, находившиеся в колониях. Отсюда и стремление создать кадры квалифицированных моряков из туземного населения.

Однако правительственная линия в этом вопросе была иная. Стремясь к полному подчинению деятельности Российско-американской компании, правительство концентрирует все колониальное управление в руках военного командования. В 1818 году А. А. Баранов, коллежский советник из «каргопольских купцов», был смещен, и место его занял капитан-лейтенант Л. А. Гагемейстер. Отныне правителями российских колоний в Америке неизменно назначались морские офицеры, что предусматривалось соответствующим пунктом устава Российско-американской компании.

В руках купечества оставалось только сильно урезанное в своих правах главное правление, ибо даже руководство общим собранием акционеров почти полностью перешло в руки бюрократии.

Сохранились два протокола собрания акционеров за 1819 и 1821 годы, подписанные лицами, «имеющими право голоса». Мы не склонны предполагать, что 18 акционерами, подписи

---

[1] Цитирую по приложению к 2-ой части «Исторического обозрения образования Российско-американской компании» *П. Тихменева,* стр. 210.

[2] Там же, стр. 221.

которых имеются на протоколе за 1819 год, и 17 акционерами, подписавшими протокол 1821 года, исчерпывался круг лиц, владевших более чем 10 акциями, а следовательно, имевших право голоса. Однако, если принять во внимание, что собрание было правомочно, мы должны притти к выводу, что это было большинство, и, таким образом, основная часть акций находилась в руках очень ограниченного числа лиц.

Характерно, что в обоих протоколах число подписей количественно немногим разнится друг от друга.

Из 18 лиц, перечисленных в списке 1819 года, к высшим представителям бюрократии принадлежат 10. Среди них сенаторы — граф Марко Ивелич и Вейдемейер, управляющий государственным Заемным банком тайный советник А. Хвостов, управляющий делами министерства финансов Дружинин, князь Дондуков-Корсаков, граф Петр Ивелич и др. В числе упомянутых в списке акционеров только 8 — лица купеческого звания.

Уменьшение удельного веса купечества в делах компании, фактическое отстранение купцов вначале от руководства общеполитическим направлением компанейских дел, затем от руководства колониальным управлением, и в конце концов введение полного контроля правительства над коммерческой деятельностью компании — совпадают по времени с фактическим прекращением дальнейшей колониальной экспансии царизма на американском материке. Опасения вызвать Англию на активные действия на европейском континенте заставляли итти на уступки на американском.

Это отразилось в русско-английской конвенции, заключенной 16 февраля 1825 года. Эта же причина в совокупности со стремлением поддержать легитимизм в Испании не давала возможности активно посягать на принадлежавшую в свое время Испании Калифорнию, на которую помимо всего претендовала и Англия. Наконец, проникновение Франции на остров Гаити и там ставило препятствия активным действиям царского правительства. Таким образом, на пути русской экспансии на Тихом океане, на пути широкого развития деятельности Российско-американской компании, стояло стремление Александра I сохранить Священный союз, что заставляло его сосредоточить все внимание на европейских делах. Это означало крах всех тех грандиозных планов, которые в свое время выдвигало и поддерживало само правительство и за которые так цеплялись связанные с компанией купеческие круги. В этой среде политика царского правительства, естественно, должна была вызвать оппозиционные настроения, что особенно четко было сформулировано правителем дел компании Рылеевым.

Сообщая декабристу Штейнгелю об избрании членом совета компании знаменитого мореплавателя В. М. Головнина, Рылеев отмечает, что этим выбором он очень доволен. «Знаю, что он упрям, любит умничать; зато он стоек перед правительством, а в теперешнем положении компании ето нужно». [1]

Характерно, что создавшиеся препятствия, мешавшие реализации планов компании, в некоторых случаях заставляли солидаризироваться с директорами и отдельных членов совета компании, которые, будучи представителями крупной чиновной бюрократии, одновременно были и акционерами. Такое положение заняли Мордвинов и другие члены совета, добивавшиеся разрешения компании предпринять активную экспансию в Калифорнии, Гаити и пр.

У купцов — членов главного правления — были и другие основания для некоторого недовольства правительственной политикой.

Во второй половине царствования Александра I внешняя торговля России переживала глубокий кризис. Частично этот кризис был обусловлен русско-прусской конвенцией 1818 года. Эта конвенция не только давала возможность иностранным товарам проникать на внутренний русский рынок, но и открывала для них свободный транзит на азиатские рынки. Отмена в 1823 году этой конвенции и новый таможенный тариф 1822 года, установивший высокие пошлины для ряда иностранных товаров, при общем экономическом кризисе не компенсировали полностью тех потерь, которые были нанесены русской колониальной торговле.

О недовольстве купеческих кругов в связи с тяжелым положением торговли в этот период свидетельствуют самые разнообразные источники.

Об этом доносят даже шпионы. В одном из донесений министру внутренних дел в 1821 году сообщалось, что «громкий ропот доносится с Биржи и Гостиного двора. Все, кто занимается торговлей, исключая несколько барышников, находящихся под покровительством, негодуют на таможенные законы и еще более на способ проведения их... Никогда еще не было таких стеснений в торговле». [2]

Об этом говорили неоднократно в своих показаниях и письмах декабристы. В письме к Николаю I А. Бестужев писал: «Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон: в 1812 г. многие колоссальные фортуны погибли, другие расстроились. Дела с казною раззорили множество купцов и подрядчиков, а с ними их клиентов и верителей, затяжкою в уплате, учетами и не-

[1] *К. Ф. Рылеев,* Полное собрание сочинений, Academia, 1934, стр. 491.
[2] ГАФКЭ, Государственный архив, I. В., д. № 12, л. 65.

правыми прижимками в приеме. Лихоимство проникло всюду... Злостные банкруты умножились и доверие упало. Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов и испугала других, и вывела правительство наше из веры, равно у своих как и чужеземных негоциантов. Следствием сего стал еще больший упадок нашего курса (т. е. внешнего кредита), от государственных долгов происшедший, и всеобщая жалоба, что нет наличных. Запретительная система, обогащая контрабандистов, не поднимала цены на наши изделия, и следуя моде все платили в тридорого за так называемые конфискованные товары».[1]

В начале 1827 года в одном из мнений в комитете министров граф Н. С. Мордвинов, базируясь при этом на итогах 1825 года, писал: «Вся почти внешняя торговля наша производится не на русские, а на иностранные капиталы... На петербургской главной в России бирже участвуют русские природные купцы по внешней торговле только в отпускных товарах на $^1/_{40}$, а в привозных на $^1/_{60}$ часть».[2]

Эта же часть купечества, естественно, страдала и от общего расстройства внутренней торговли. В цитированном выше мнении Н. С. Мордвинов отмечал: «Мы и в настоящее время испытываем уже всю тягость нашего положения, ибо по всей России внутренний торг пришел в упадок, и недостаток в доходах всех сословий чувствительно сказался».[3]

Как мы видели, купечество неохотно сдавало свои позиции под напором правительства. Иногда купцы пытались даже дать бой, угрожая выходом из состава главного правления. Так было в 1817 году в связи с доносами на самочинные действия компании со стороны местной сибирской администрации. Директора компании Булдаков, Крамер и Северин в письме к министру внутренних дел Козодавлеву писали: «Мы, соскучась подвергать себя беспрестанному и несообразному с нашими занятиями труду ответствовать и оспаривать представляемые на вид правительства обезображенные сцены, составляющие тягостное и несвойственное нам бремя, по незнанию нашему законоискусства и процедур, наблюдаемых и предполагаемых частными начальствами, вынуждены наконец будем удалиться от поручения, сословием компании на нас возло-

[1] *М. Довнар-Запольский,* Мемуары декабристов, К., 1906, стр. 130—131.

[2] АВПК и Б, фонд Государственного совета, департамент экономии, 1827 г., д. № 23, особое мнение графа Н. С. Мордвинова, на лл. 6—16. В какой мере соответствуют цифры, приводимые Н. С. Мордвиновым, действительности, сказать трудно, ввиду полной неразработанности этого вопроса в исторической литературе. Во всяком случае, правильность основных выводов Мордвинова о затруднительном положении русской внешней торговли не подлежит сомнению.

[3] Там же.

женного. Это будет началом ее урона. Другие избираемые на место наше, узнав причину нашего удаления, не захотят нарушить своего покоя борьбою со столь скрытными врагами, каковы зависть и ненависть».[1]

Но подобные демонстрации никого не пугали.

Порою директора предпринимают и другие меры в целях закрепления своего положения в компании, рассчитывая на подкуп Аракчеева. Об этих попытках, имевших место в Москве и предпринятых правителем московской конторы Прокофьевым, мы имеем весьма глухие сведения. «По просьбе вашей, — писал Прокофьев 21 февраля 1818 года из Москвы директору компании Булдакову, — я имел удовольствие в прошедший понедельник, то есть 18 числа, угощать у себя пять генерал-аншефов и 9 генерал-адъютантов государевых, коих всех назначил мне пригласить граф Алексей Андреевич Аракчеев».[2]

Разговор между хозяином и Аракчеевым шел о положении компании и о причинах невыплаты в прежние годы акционерам дивиденда и, наконец, о том, «какие виды по делам ее впредь предусматриваются». По некоторым сведениям, во время этого обеда Прокофьев вел с Аракчеевым какие-то весьма секретные переговоры, ибо Прокофьев не рисковал даже сообщить о них Булдакову почтой. В следующем письме Булдакову, который, очевидно, осведомлялся о подробностях беседы с Аракчеевым, Прокофьев пишет: «В рассуждении разговора, бывшего у меня с графом Аракчеевым о компании, — я не могу вас уведомить теперь подробно».[3]

Судя по предыдущему письму Прокофьева, на этом обеде из генералов, «самим Аракчеевым назначенных», присутствовали петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович, генерал-адъютант Чернышев, генерал Уваров и др.

Почти в каждом письме в этот период мы находим упоминания о близких ко двору лицах, посещавших хлебосольного хозяина. Причину подобной близости некоторых сановников и в частности Аракчеева с Прокофьевым вскрывает, как нам кажется, сообщение Прокофьева Булдакову о том, что отныне он будет «в кассе иметь всегда в готовности 100 тысяч рублей».

Эта фраза непосредственно следует за сведениями об Аракчееве, который обещал по возвращении в Москву опять

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1815 г., д. № 222, обращение директоров Российско-американской компании к министру внутренних дел О. П. Козодавлеву от 12 июня 1817 г., на лл. 123—126.

[2] Архив Института истории Академии наук, Материалы по истории Российско-американской компании, документ № 49.

[3] Там же, документ № 44.

обедать у Прокофьева, вследствие чего Прокофьев «не преминет к нему тогда являться почаще».[1] Этот «фонд», очевидно, был создан для Аракчеева.

Но уже в начале 20-х годов, в период, когда Прокофьев переезжает в Петербург и становится одним из директоров компании, было вполне очевидно, что дело не в отдельных царедворцах и что общая политика правительства идет вразрез с непосредственными интересами купеческого главного правления. И в такой момент, когда фрондирующее по отношению к правительству настроение было совершенно естественным у компанейских директоров, они сталкиваются с некоторыми видными членами Северного общества декабристов.

Мы знаем о связи с декабристами И. В. Прокофьева. «С И. В. Прокофьевым, — писал О. М. Сомов Рылееву, — мы очень дружны: я и Александр [Бестужев. — *С. О.*] обедаем у него довольно часто, и находим там Булгарина, Греча, Батенькова и пр. и пр., вообще довольно много наших знакомых».[2]

Здесь на обедах завязывались новые знакомства и в общество вовлекались новые члены. «Мне доводилось часто и почти в определенные дни, — сообщает Г. С. Батеньков, — посещать дом Американской Компании по знакомству с директорами, а особливо с Прокопьевым. Это было основано, — пишет он далее, — на сибирской моей жизни и на участии моего дяди в самом завладении островами. Но тут произошло первое соприкосновение с тайным обществом. . .».[3]

Бывавший на этих обедах Н. И. Греч рассказывает о шумных, веселых и приятных беседах, которыми сопровождались эти встречи, и о том, как «добрый хлебосол ходил вокруг стола и подливал вина, добываемого за шкуры сивучей и котиков, не догадываясь, кого подчивает».[4]

Есть основания предполагать, что с некоторыми декабристами был связан и второй директор компании Николай Иванович Кусов. Избранный в число директоров Российско-американской компании в середине 1824 года Н. И. Кусов был петербургским городским головой и совладельцем старинной петербургской торговой фирмы «Санкт-петербургские первостатейные купцы Ивана Кусова сыновья», которая вела широкую торговлю колониальными товарами. Кроме того

---

[1] Архив Института истории Академии наук, Материалы по истории Российско-американской компании, документ № 44.

[2] Сочинения и переписка *К. Ф. Рылеева,* 2-е изд., под ред. П. Ефремова, СПб., 1874, стр. 309—310.

[3] Русские пропилеи, т. II, стр. 104.

[4] *Н. И. Греч,* Воспоминания о моей жизни, Academia, 1930, стр. 452.

Кусовы имели сахарный, поташный, водочный и кожевенный заводы.

Н. И. Кусов, весьма передовой человек своего времени, очевидно, уже издавна был связан с оппозиционными кругами. Он был масоном, состоял казначеем ложи «Избранный Михаил», принимал активное участие в создании ланкастерских школ.

По сведениям Завалишина, Кусов бывал на знаменитых обедах у Прокофьева, где собирались декабристы, и принимал участие в разговорах о подготовлявшихся событиях. Некоторые из декабристов, как Рылеев, связались с компанией, уже будучи членами тайного общества, другие, как Батеньков, именно здесь сблизились с декабристами.

Следует отметить, что некоторые декабристы, даже не имевшие формального отношения к компании, вообще проявляли большой интерес к русским колониям в Америке.

Интересовался русскими колониями в Америке и декабрист Н. А. Бестужев, формально с компанией не связанный. Об этом рассказывает декабрист В. П. Романов, посетивший Америку. Бестужев правил его записки о русских колониях, уговаривал напечатать их отдельным изданием и обещал взять на себя их редактирование. Благодаря Бестужеву, статьи Романова о русских колониях были помещены в ряде периодических изданий. По его же инициативе в чертежном департаменте морского министерства была вычерчена карта русских колоний в Калифорнии.[1]

Русские колонии в Америке, очевидно, неоднократно служили темою для бесед членов Северного общества. Сообщая Следственной комиссии о своем знакомстве с Кюхельбекером, Трубецкой, к компании также никакого отношения не имевший, пишет, что познакомился с ним у Рылеева. Кюхельбекер рассказывал им, «как стреляют бобров и котов морских и о селении нашем в Америке, называемом Росс».[2]

Ряд моментов привлекал декабристов к сближению с руководителями Российско-американской компании, и в первую очередь это было стремление расширить свои связи за счет оппозиционно настроенной части купечества. «При отъезде М. Муравьева от сюда, — сообщает в своих показаниях Рылеев, — я точно говорил ему, что буду стараться принять в члены общества некоторых из здешнего купечества. Етого желал я с одобрения Северной Думы с тою целию, что бы иметь членов и в етом сословии».[3]

---

[1] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, 1826 г., д. № 78, показания Романова, на лл. 6—10.

[2] Восстание декабристов, т. I, Центрархив, 1925, стр. 21.

[3] Там же, стр. 179.

Помимо К. Ф. Рылеева наиболее ярко тенденция сближения с купеческой средой наблюдается у другого, весьма тесно связанного с компанией, декабриста Г. С. Батенькова. «Чаще всего в сие время, — заявил Г. С. Батеньков Следственной комиссии, — бывал я в домах купеческих, и поелику сей класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями, то обращение с ним подстрекало желание перемены». [1]

Некоторые из декабристов заняли в компании определенное служебное положение, другие собирались поступить туда на службу.

Из членов общества наиболее значительное место занял в компании К. Ф. Рылеев. С начала 1824 года Рылеев состоял на службе в Российско-американской компании в качестве правителя ее канцелярии. Он вошел в состав ее акционеров, получив от компании десять акций, каждая номинальной стоимостью в 500 рублей ассигнациями. [2]

Службу в компании Рылеев получил при помощи Мордвинова. «Г-на Мордвинова узнал я по собственному его желанию, — писал впоследствии в своих показаниях Рылеев, — и был у него с Ф. Н. Глинкою. Поводом сего была ода, мною написанная, в коей я об нем упоминал. Чрез несколько времени он предложил мне место в американской компании, правителя канцелярии, которое я получил в начале прошлого года». [3]

В литературе довольно распространенным является мнение, что Рылеев, вначале добросовестно относившийся к своим новым служебным обязанностям, позднее вовсе отошел от работы в компании и не интересовался ее судьбою. Поводом для подобных заключений служат свидетельства Греча и Завалишина, никогда не упускавших случая лишний раз оклеветать своих бывших друзей.

«Как я слышал от директора компании Ивана Васильевича Прокофьева, — пишет Греч, — он [Рылеев. — *С. О.*] вначале своего служения трудился ревностно и с большой пользою, но потом, одурев от либеральных мечтаний, охладел к службе и валил чрез пень колоду». [4]

Буржуазные литературоведы, видевшие в Рылееве преимущественно поэта и совершенно игнорировавшие его как политическую фигуру, обычно расценивали работу его в компании как вынужденную вследствие тяжелого материального положения и отмечали при этом полную незаинтересован-

---

[1] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 359, л. 121.

[2] АВПК и Б, фонд Сената, департамент герольдии, дело без номера, «Об опеке над имуществом Рылеева», л. 15.

[3] Восстание декабристов, т. I, стр. 155.

[4] *Н. И. Греч,* Записки о моей жизни, стр. 442.

ность Рылеева в деятельности компании. «Идейного в этой новой службе, — пишет Н. Котляревский о работе Рылеева в Российско-американской компании, — было очень мало: компания управляла торговыми оборотами русских колоний в Америке, и на Рылееве лежала скучная секретарская часть. Рылеев вел свое секретарское дело очень аккуратно и ревностно, так что в виде награды ему была поднесена очень ценная енотовая шуба; но, конечно, во всем этом деле для Рылеева приманок было мало, и взял он эту должность, вероятно, потому, что после смерти матери денежные его дела еще больше пошатнулись, а служба в компании была довольно прибыльна».[1]

Но даже те скудные данные, которыми мы располагаем по этому вопросу, свидетельствуют о большой заинтересованности Рылеева в развитии деятельности компании и об увлечении работой, которой он уделял много времени.

В одном из писем В. И. Штейнгелю Рылеев откровенно высказывается о своем отношении к компании. «Говорят, что он, — пишет Рылеев о вновь избранном члене совета компании В. М. Головнине, — за что-то меня не жалует; да я не слишком етим занимаюсь; ... я и без Компании молодец, лишь бы она цвела».[2] Это письмо относится к марту 1825 года, т. е. именно к последнему периоду деятельности Рылеева. Примеров, иллюстрирующих то значительное внимание, которое уделял Рылеев даже и в этот период делам компании, можно

---

[1] *Н. Котляревский,* Рылеев, СПб., 1908, стр. 49—50. В своем стремлении доказать полную незаинтересованность Рылеева в деятельности компании и ограниченные возможности, которые давало Рылееву его служебное положение, Котляревский допускает иногда весьма грубые ошибки. В примечании к цитированному выше абзацу Котляревский пишет о работе Рылеева в компании: «Круг его деятельности был довольно узок и точно определен. Едва ли прав Шницлер, который говорит о каком-то протесте Рылеева против несменяемости директоров компании и о предложении выбирать их ежегодно». Однако, ссылаясь на работу Шницлера (Schnitzler, Histoire intime de la Russie, II, Paris, 1847), Котляревский не обратил внимания, что, говоря о протесте Рылеева по поводу несменяемости директоров, Шницлер имел в виду не компанию, а Северное общество. Перевод абзаца, на который ссылается Котляревский, не оставляет никаких в этом сомнений. «Но его отъезд в Киев... [речь идет о Трубецком. — *С. О.*] повлек за собой вступление в директорию Рылеева (конец 1824 года), и с этого времени республиканские тенденции взяли там верх. Воспитанник американской школы, Рылеев ознаменовал свое вступление в совет протестом против несменяемости директоров: по его мнению, они должны быть переизбираемы ежегодно» (Schnitzler, p. 80). Совершенно бесспорно, что речь в данном случае идет не о компании, а о Северном обществе, директором которого и был избран Рылеев, и что ссылка на американскую школу имеет в виду его конституционные идеалы, а отнюдь не Российско-американскую компанию.

[2] *К. Ф. Рылеев,* Полное собрание сочинений, Academia, 1934, стр. 491.

привести много. Дела компании фигурируют в его переписке наравне с литературными.

«Теперь собралось много дел в Компании, сверх того начато печатание Полярной звезды, — пишет К. Ф. Рылеев жене 10 февраля 1825 года, — ето все вместе заняло меня и несколько рассеяло скуку и пустоту душевную наполнило».[1]

Через несколько дней К. Ф. Рылеев вновь сообщает жене, что он «ужасно занят делами компании»,[2] и это именно в то время, когда, по словам Н. И. Греча, он «валил чрез пень колоду».

Люди, наиболее близкие к К. Ф. Рылееву, непосредственно с ним связанные, также свидетельствуют об успешности его работы в компании. «Его общественная деятельность, по занимаемому им месту правителя дел Американской компании, — пишет декабрист Е. П. Оболенский, — заслуживала бы особенного рассмотрения по той пользе, которую он принес Компании и своею деятельностью и, без сомнения, более существенными заслугами потому, что не прошло и двух лет со времени вступления его в должность, правление Компании выразило ему свою благодарность, подарив ему дорогую енотовую шубу, оцененную в то время в семьсот рублей».[3] О роли К. Ф. Рылеева в руководстве делами компании говорит и одно из писем служившего в компании декабриста О. М. Сомова. 25 ноября 1824 года О. М. Сомов писал Рылееву о том, что его приезд в настоящее время важен для компании во многих отношениях и в первую очередь «по сближающемуся времени отправления депеш и промышленников в Америку». «Оба наши директоры, а также и Кусов, когда бывает, беспрестанно о тебе спрашивают и ждут нетерпеливо твоего возврата», — писал далее Сомов.[4]

И действительно, директора компании ценили Рылеева. По совету Прокофьева жена Рылеева после его ареста вернула компании бобровый воротник от подаренной шубы и имевшиеся у нее акции. Компания уплатила Булдакову 3500 руб., которые был ему должен Рылеев. Долг Рылеева компании, достигавший 3 тысяч руб., был «прощен». «Я ими много обязана; — пишет Рылееву в крепость жена 8 мая 1826 года, — они меня до сей поры квартирою не беспокоят; я все в той же квартире живу и так, как при тебе, мой друг».[5]

При помощи Мордвинова сблизился с компанией и Д. И. Завалишин.

---

[1] *К. Ф. Рылеев,* Полное собрание сочинений, 1934, стр. 481.
[2] Там же, стр. 484.
[3] Воспоминания кн. *Е. П. Оболенского,* «Общественные движения в России», т. I, СПб., 1905, стр. 236.
[4] *К. Ф. Рылеев,* Сочинения и переписка, 1874, стр. 309—310.
[5] Там же, стр. 284.

По возвращении из Калифорнии в Петербург в 1824 году он обратился к Мордвинову с рядом проектов об улучшении деятельности компании. С рекомендательными письмами Мордвинова Завалишин был направлен к правителю дел компании Рылееву, «считавшемуся, по словам Завалишина, весьма знающим в делах оной».[1] В компанейских кругах проекты Завалишина были приняты весьма восторженно, и ему сразу было предложено поступить на постоянную службу в компанию в качестве правителя колонии Росс в Калифорнии. На это требовалось разрешение царя, и компании, несмотря на длительные хлопоты, не удалось его добиться.

Подобно Д. И. Завалишину связался с компанией и другой декабрист — лейтенант В. П. Романов. Вернувшись в конце 1822 года из путешествия в Америку, куда он плавал на корабле компании, В. П. Романов в 1823 году представил начальнику морского штаба два проекта. Первый — проект описания территории от р. Медной до Гудзонова залива и к северу до Ледовитого океана, второй — описания Ледовитого мыса к востоку с расчетом, чтобы русская экспедиция могла соединиться с предполагаемой английской экспедициею Франклина. Этот проект был передан Российско-американской компании, ибо касался принадлежавшей ей территории.

«Ежели мыс Доброй Надежды и Новая Голландия обратили внимание Англии, — писал В. П. Романов в этом проекте, — то северо-западная часть Америки заслуживает таковое же внимание от нашего правительства».[2]

С этого времени В. П. Романов часто бывал у директоров компании, особенно у И. В. Прокофьева. В 1824 году его проектом заинтересовался К. Ф. Рылеев, который заявил, что выполнением этого проекта «принесется компании не только слава, что первые русские рассмотрят тот край, ибо ни одна европейская нога не была в оной, но и польза, что заведется сношение с Гудзонскою компаниею, а может быть еще откроется новая ветвь промышленности».[3] При этом К. Ф. Рылеев «отозвался стараться согласить директоров», чтобы начальником экспедиции был назначен В. П. Романов.

Сблизились с компанией, благодаря своему пребыванию в Сибири, также Штейнгель и Батеньков.

Бывший морской офицер барон Штейнгель, находясь одно время в близких отношениях с корреспондентом Российско-американской компании Резановым, а позднее с директором компании Прокофьевым, которого он знал по Москве,

[1] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 358, л. 32 об.
[2] МИА, фонд департамента морского министерства, 1822 г., д. № 2595, л. 4.
[3] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 78, лл. 6—10.

где служил адъютантом генерал-губернатора, одно время собирался даже поступить на службу в компанию.[1]

Собирался служить в компании и Батеньков, и вопрос уже был почти решен положительно. Батеньков должен был взять на себя управление всеми колониями, ибо правитель колоний Муравьев уже давно просился в отставку. «Почти кончены уже были соглашения: я обязывался, — рассказывал Батеньков, — служить 5 лет за 40 т. ежегодно, полагая половину издерживать, а другую отсылать в иностранный банк, чтоб после водвориться где-нибудь в Южной Европе навсегда».[2]

При реализации всех этих проектов ряд ответственных должностей в компанейской администрации мог быть в руках членов тайного общества.

Правителем канцелярии, а по существу руководителем всех текущих дел попрежнему оставался бы Рылеев, правителем колоний был бы Батеньков, правителем колонии Росс — Завалишин.

Так дом под № 72 по Мойке вблизи Синего моста, занимаемый правлением Российско-американской компании, стал с начала 1824 года своеобразным клубом заговорщиков. В этом большом доме с двуглавым орлом на фасаде, купленном компанией у наследников А. Воронцова, помещался штаб декабрьского восстания. Здесь жили некоторые руководители Северного общества,[3] здесь происходили многолюдные собрания декабристов, здесь открыто звучал призыв к цареубийству и принимались решения о подготовке переворота. И не случайно посещение дома Российско-американской компании приравнивалось к участию в заговоре.

«15-го числа [декабря 1825 года. — *С. О.*], — рассказывает декабрист Батеньков, — Сперанский призвал меня к себе и видя, что я смущен, спрашивал, не принимал ли я какого участия, будучи так коротко знаком с Бестужевым и б ы в т а к ч а с т о в д о м е А м е р и к а н с к о й К о м п а н и и».[4]

Представление о Российско-американской компании как о рассаднике революционной заразы наиболее ярко отразилось в письмах известного баснописца и журналиста А. Е. Измайлова, старательно фиксировавшего все петербургские слухи. Сообщая сыну об освобождении из-под ареста столоначальника компании Ореста Сомова, замешанного в декабрьском восстании, Измайлов приводит следующий характерный анек-

[1] См. Записки барона *Штейнгеля,* «Общественные движения в России», т. I, стр. 379.

[2] *М. Довнар-Запольский,* Мемуары декабристов, стр. 165.

[3] В доме компании проживали Рылеев и Сомов. У последнего в комнате поселился и А. Бестужев. Приезжая в Петербург, в доме компании останавливался и Штейнгель.

[4] *М. Довнар-Запольский,* Мемуары декабристов, стр. 187. (Разрядка моя. — *С. О.*)

дот: «Государь спросил Сомова: Где вы служите? — В Российско-Американской Компании. — То-то хороша собралась у вас там компания!»[1]

Со времени сближения директоров компании с некоторыми из членов Северного общества фрондерство главного правления явно усиливается. По некоторым косвенным указаниям, можно предположить, что даже в правительственных кругах догадывались, что за спиной у директоров стоит кто-то другой. Д. И. Завалишин сообщает, что по высочайшему повелению Рылееву был объявлен выговор за меморию, якобы составленную Завалишиным по поводу англо-русской и американо-русской конвенций. По сообщению Завалишина, Александр I «сильно рассердился, что «купцы» вздумали учить дипломатов, и велел дать выговор правителю дел, сказав, что купцы ничего не разумеют, и, конечно, не они писали меморию».[2]

Материалами, подтверждающими сведения Завалишина, мы не располагаем. Однако в личном фонде министра финансов Е. Ф. Канкрина сохранился весьма любопытный документ об аналогичном факте — о выговоре директорам компании за представление, написанное, очевидно, Рылеевым.

17 февраля 1825 года главное правление компании отправило министру финансов Е. Ф. Канкрину представление, за подписью двух директоров — И. В. Прокофьева и А. И. Северина — и правителя канцелярии К. Ф. Рылеева, по поводу отданного правлением компании распоряжения о строительстве крепостей вдоль р. Медной от морского берега в глубь страны.

Это мероприятие должно было несколько ограничить те территориальные уступки, которые предполагалось сделать правительством за счет русских колоний в Америке при подписании англо-русской конвенции, переговоры о которой уже подходили к концу.

Строительство вооруженных форпостов на спорной территории по р. Медной вплоть до Скалистых гор [в документе они названы «Каменными». — *С. О.*] призвано было подтвердить принадлежность ее России, что, конечно, явилось бы прямым вызовом Англии, требовавшей сокращения и точной фиксации занимаемых русскими районов на американском материке.

«Известно, — писало правление, — что англичане уже распространили свои приобретения до самого хребта Каменных гор (Rocky mountains) и, вероятно, пожелают перенести оные даже и по сю сторону тех гор. Хотя же компания желает с

[1] *М. Азадовский,* 14-е декабря в письмах А. Е. Измайлова, «Памяти декабристов», Л., 1926, изд. Академии наук СССР, т. I, стр. 242.
[2] *Д. Завалишин,* Записки декабриста, СПб., 1906, стр. 88.

своей стороны, — читаем мы дальше, — распространить заселения свои до помянутого хребта (Rocky mountains), что необходимо для прочного существования ее, чему уже сделано начало и чего она без сомнения достигнет, если не будет иметь опасного совместничества, но как компания не имеет столь обширных средств, ибо не может войти в противоборство с английским правительством, которое в сем деле содействует, то, дабы правительство английское не присвоивало себе страны, лежащей по сю сторону гор, главное правление компании осмеливается заметить, что Каменные горы (Rocky mountains) могут и должны быть в тамошнем крае границею обоих держав. Взаимные пользы, справедливость и самая природа того требуют». [1]

Пересылая 27 февраля это представление Нессельроде, Канкрин отметил, что «находит сие представление уважительным». Однако 4 марта на находившейся у него копии Канкрин вынужден был сделать помету, что «сие представление уважительным» было признано им несколько поспешно. «Получено от его величества лично, — пишет Канкрин, — с высочайшим повелением предписать компании, чтоб она тотчас отменила построение крепостцов, а буде сделано уже распоряжение, послала бы об отмене нарочного, притом заметить компании, что самое требование ее не соответствует ни обстоятельствам тамошнего края, ниже правам, компании предоставленным, сверх того, призвав директоров, сделать им строжайший выговор за неприличность как самого предложения, так и выражений, с тем чтобы они беспрекословно повиновались распоряжениям и видам правительства, не выходя из границ купеческого сословия». [2]

Ряд фраз, в частности, что «Каменные горы могут и должны быть границею обоих держав», относившихся к числу «неприличных» выражений, отмеченных Александром, были Канкриным подчеркнуты, а сверху им же было приписано «в февр[але] сделан выговор».

Но сразу же после событий 14 декабря купеческое «фрондерство» остывает. Директора компании спешат уничтожить все, что могло бы в какой-либо степени обличить их связь с декабристами.

Как сообщает Завалишин, «бывший в 1825 г. директором [компании. — *С. О.*] Прокофьев, со страху после 14 декабря сжег все бумаги, где даже только упоминалось мое имя, а не только те, которые шли лично от меня». [3]

Некоторое время «купеческое сословие» еще держится за компанию, однако, после утверждения в 1844 году новых

[1] АНХ, фонд Е. Ф. Канкрина, д. № 35, л. 12.
[2] Там же.
[3] *Д. Завалишин,* Записки декабриста, стр. 91.

правил дальнейшее участие купцов в руководстве компанией уже было совершенно невозможным. Отныне торговыми операциями, так же как и вопросами «большой политики», стали заниматься генерал-майоры и контр-адмиралы. Согласно новым правилам, был упразднен совет компании, в который входили по преимуществу высшие сановники, осуществлявшие правительственный контроль над политической линией компании, не вмешиваясь в текущие коммерческие дела. Руководство компанией полностью сосредоточилось в руках главного правления. Вместе с тем изменился его состав. Члены совета превратились в директоров, «купеческое сословие» из руководящих органов компании фактически было вытеснено.

Согласно вновь разработанному проекту о новом положении компании, представленному в 1841 году на рассмотрение Государственного совета, главное правление должно было состоять не из 4-х, а из 5 членов. Особенно подчеркнуто было «допущение в звание членов не одних людей, опытных в торговле, как в прежних правилах постановлено, но и известных своими в торговых или колониальных делах познаниями из дворян и служащих чиновников с согласия их начальства и проч.»[1]

В окончательной редакции привилегий «и прочие» были расшифрованы. Там указывалось, что помимо «известных своими в торговых или колониальных делах познаниями из дворян и служащих чиновников» — в главное правление могли быть избраны почетные граждане и купцы первых двух гильдий. Но это было, в сущности, отговоркой, ибо купцам в компании уже делать было нечего.

Компания становилась организацией, учрежденной не «для промыслов на матерой земле Северо-западной Америки и на островах», как гласил ее устав, а организацией для управления русскими колониями в Америке, как это и было сформулировано в проекте нового устава, разработанном в 1861 году.

В новом составе главного правления из старого остался лишь один купец Кусов. Остальные четыре места, в том числе и должность директора по исполнительной части, т. е. непосредственного руководителя текущей работой, были заняты представителями высшей бюрократии, в большинстве случаев членами бывшего совета. Председателем правления был избран вице-адмирал барон Ф. П. Врангель, членами: генерал-майор Ф. Г. Политковский, впоследствии председатель главного правления почти вплоть до ликвидации компании, генерал-лейтенант В. Ф. Клюпфель, отставной контр-адмирал А. К. Этолин и купец Н. И. Кусов. Но хотя Кусов удержался

[1] АВПК и Б, фонд Государственного совета, департамент экономии, 1841 г., д. № 3914, проект нового устава Российско-американской компании, на лл. 123—134.

довольно долго, никакой роли в управлении компанией он не играл. А начиная с 1857 года из «купеческого сословия» во главе Российско-американской компании уже не было никого.

Таким образом, Российско-американская компания прошла тот же путь развития, что и Ост-индская.

«Ост-индская компания устранила простой народ от торговли с Индией...»[1] То же самое было сделано Российско-американской компанией по отношению к торговле с Америкой. Но очень скоро английское правительство отстранило от торговли с Индией и ост-индских акционеров, превратив Ост-индскую компанию в простую агентуру короны, используя для этой цели так называемый контрольный совет.

Как указывал Маркс, «Закон Питта от 1784 г., установивший компромисс с Компанией и подчинивший ее наблюдению Контрольного совета, который был в то же время превращен в придаток к министерству, утвердил и урегулировал этот возникший случайно порядок двойственного управления, санкционировал его формально и фактически.

Закон 1833 г. укрепил Контрольный совет, превратил владельцев Ост-индской компании в простых кредиторов, долг которых обеспечивался ост-индскими доходами, предписал Компании распродать свое имущество, положил конец ее коммерческому существованию и преобразовал ее как политическую организацию в простую агентуру короны, — словом, поступил с Ост-индской компанией так же, как она сама обыкновенно поступала с индийскими князьями: лишая их власти, она временно продолжала управлять от их имени».[2]

Мы видели, что так же поступило и царское правительство с Российско-американской компанией: функции контрольного совета выполнялись здесь вначале временным комитетом, а затем советом компании.

Но полное превращение торговой компании в орудие правительственной политики требовало полного отстранения от руководства ее делами представителей купеческих кругов. И купеческий директорат вынужден был вначале отказаться от отдельных функций управления компанией, а затем вовсе сдать дела.

«Таким образом, с 1833 г. Ост-индская компания, — как указывает Маркс, — существовала только по имени и ее как бы лишь терпели».[3] Начиная с 40-х годов XIX века Российско-американскую компанию постигла та же судьба.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 353.
[2] Там же, стр. 332.
[3] Там же.

VI

ПОСЕЛЕНИЕ «РОСС» В КАЛИФОРНИИ

Еще в 90-х годах XVIII века в широких планах экспансии, намечавшихся рыльским купцом Григорием Шелиховым, Калифорния мыслилась как естественный предел «земли российского владения» на западе американского материка. И российское купечество уже тогда, по приказу правительства, спешит на всякий случай создать какой-либо повод для завладения ею в будущем: «Вдоль по матерой американской земле от острова Китака [т. е. Кадьяка. — *С. О.*] к Калифорнии далеко уже и за мыс Святого Илии, во многих местах посредством и иждивением компании, по наставлениям моим, — писал Шелихов в феврале 1790 года, — развезены и оставлены императорские знаки, каковы суть данные мне гербы и доски с надписанием: «земля, принадлежащая России». [1]

Царское правительство также не теряло надежды, что со временем наступит удобный момент для предъявления претензий на все западное побережье Америки и что тайно зарытые «знаки» еще сослужат свою службу. Деятельность компании Шелихова «позволяет... надеяться, — писал Екатерине иркутский генерал-губернатор Пиль в 1790 году, — и в том, что продолжение действий оной со временем достигнет Калифорнии», а наличие в земле зарытых досок «в будущее время и именно тогда, как не трудно будет вашему величеству умножить тамо свои силы, действительно уже служить может неоспоримым доказательством принадлежности таких мест, кои престолу вашему должны быть подвластны». [2]

У берегов Калифорнии водились морские бобры, и это обстоятельство объясняло отчасти тот интерес, который проявляли русские купцы к этому краю. Но количество бобров

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, представление Шелихова иркутскому губернатору И. Пилю, на лл. 52—57.

[2] Архив Государственного Географического общества, фонд Г. IV. I, л. 89.

с каждым годом уменьшалось, тяга же русских к Калифорнии, несмотря на это, все возрастала. И это было вполне естественно, ибо вопрос об организации систематической эксплоатации побережья Америки упирался в создание местной продовольственной базы для русских поселений. Северо-восточные колонии России Камчатка и Чукотка снабжались преимущественно привозимым из метрополии хлебом, к тому же частично его везли гужом. Дальнейшее транспортирование хлеба из Камчатки в американские поселения, помимо чрезвычайно больших добавочных расходов, было невозможно и потому, что привозного хлеба нехватало даже для северо-восточных районов Азии, которые сами нуждались в местном источнике снабжения продовольствием. Доставка хлеба и других необходимых припасов морским путем из Петербурга к тому же была мало надежна. Любое дипломатическое осложнение ставило русские колонии под угрозу голода, ибо в этом случае кругосветные экспедиции становились невозможными. При большой напряженности внешнеполитических отношений конца XVIII века и первой половины XIX века это обстоятельство приходилось постоянно иметь в виду.

Все попытки насадить земледелие в районе Аляски и островов окончились неудачей, и не только из-за отсутствия пригодной для сельского хозяйства туземной рабочей силы, но, главным образом, вследствие неблагоприятных климатических условий. На всем западном побережьи Северной Америки в наилучшем положении в этом смысле была Калифорния. Благодатный климат, богатая растительность, большое количество скота давали все основания для создания здесь «житницы» для русских поселений в Америке. Правда, помимо Калифорнии доставка продовольствия могла еще производиться из Японии и Китая. Однако частые перерывы в торговых отношениях, а также отдаленность Китая от русских колоний, заставили обратить все внимание именно на Калифорнию.

В конце 1805 года русские поселения в Америке посетил корреспондент компании Резанов, одновременно назначенный чрезвычайным послом в Японии. Он застал русские поселения в очень тяжелом положении. «Хлеба нет, — писал Резанов в Петербург, — ибо, как слышно, и кормов на Кадьяке заготовлять некому, а на Ситхе с голоду умирают, потому что у колошей, прекрасными ружьями и фальконетами вооруженных, беспрестанная война, и рыбу там ловить должно под выстрелами».[1] Сделанная Резановым попытка получить продовольствие в Японии окончилась неудачей, и в начале

[1] Архив Института истории Академии наук, Материалы о Российско-американской компании, документ № 133.

1806 года он отправился в Калифорнию, для того чтобы выяснить вопрос о возможности закупок продуктов у испанцев, которым она принадлежала. «Я искренно скажу вам, — заявил Резанов калифорнийскому губернатору, — что нужен нам хлеб, который получать можем мы из Кантона, но как Калифорния к нам ближе и имеет в нем избытки, которых збывать не может, то приехал я поговорить с вами, как начальником мест сих, уверяя, что можем мы предварительно постановить меры и послать на благорассмотрение и утверждение Дворов наших». [1]

Торговля с испанскими колониями, однако, была чрезвычайно затруднена, так как испанским колониям категорически запрещалось вступать с кем-либо в торговые отношения помимо метрополии. Это запрещение вызывало в колониях резкое недовольство, поскольку сама метрополия их ничем не снабжала. Однако, пока испанское господство не было поколеблено, колонии опасались открыто нарушать запрещение.

Не добившись в переговорах с местной администрацией никаких гарантий для нормальных торговых сношений, Резанов после своего визита в Сан-Франциско начал развивать смелую мысль об отторжении Калифорнии от испанцев. В письме от 17 июня 1806 года министру коммерции Резанов указывал: «Ежели б ранее мыслило правительство о сей части света, ... ежели б беспрерывно следовало прозорливым видам Петра Великого, при малых тогдашних способах Берингову експедицию для чего-нибудь начертавшего, то утвердительно сказать можно, что новая Калифорния никогда б не была Гишпанскою принадлежностью, ибо с 1760 года только обратили они внимание свое и предприимчивостью одних миссионеров сей лутчей кряж земли навсегда себе упрочили. Теперь остается еще не занятой интервал, столько же выгодной и весьма нужной нам, и так ежели и его пропустим, то что скажет потомство?» [2]

Но если в письме к министру коммерции Резанов писал, что испанцы «сей лутчей кряж земли навсегда себе упрочили», то в письме к директорам компании он развивает уже практический план, как овладеть этим «лоскутом» земли. Для полного овладения Калифорнией он считает нужным выждать благоприятного момента, но уже теперь следует занять весь район от русских колоний до Калифорнии, еще ни одной из стран формально не принадлежащий.

Указывая на необходимость устроить русское поселение севернее Калифорнии, в Колумбии, Резанов подчеркивает, что именно отсюда «мало по малу можем простираться далее к югу к порту св. Франциско, границу Калифорнии составляю-

[1] *П. Тихменев*, ч. II, приложение, стр. 260.
[2] Там же, стр. 267.

щему. Ежели только к первым началам сим даны будут способы, — пишет Резанов, — то смело сказать могу, что на Коломбию привлечем мы из разных мест жителей, а в течении десяти лет до той степени можно усилиться, что и Калифорнской берег всегда иметь в таком виду, чтоб при малейшем стечении счастливых в пользу нашу политических в Европе обстоятельств, можно б его было включить в число Российских принадлежностей. Гишпанцы весьма слабы в краю сем, — отмечает далее Резанов, — и ежели б в 1798 году, когда Гишпанскому двору война объявлена была, находилась компания наша в соответственных занятиям ее силах, то легко бы частию Калифорнии по 34° северной широты до миссии Санкта-Барбара воспользоваться можно было и навсегда за собою удержать лоскут сей потому, что из Мексики по самому положению природы никакой бы помощи сухим путем подать им не можно».[1]

Подготовка Российско-американской компании к закреплению в Калифорнии начинается уже с 1808 года. В ход был пущен испытанный способ: в Калифорнии также были зарыты медные дощечки с надписью «земля российского владения». По сведениям, сообщенным компанией министру финансов, впоследствии переданным в министерство иностранных дел, эти дощечки были зарыты «гораздо южнее определенной черты под 51° северной широты и именно под 41° и 38°».[2] «В 1808 году крестьянином Сысоем Слободчиковым в бухте Тринидат под 41° северной широты положена железная доска № 1... В 1809 году коммерции советником Кусковым в заливе Малого Бодего положена доска № 14... 1810 года им же против Шарлоттских островов при о. Дундас на малом островке положена доска № 18. 1811 года к мысу Малой Бодего в северном рукаве С.-Франциско, где крепость и миссия испанцев, положена доска без №».[3]

Осенью 1808 года два судна компании под командою помощника правителя колонии Кускова направились к Калифорнии. Занимаясь ловлею бобров, Кусков тайно подыскивал удобные места для устройства поселения. Однако осуществить высадку в намеченном Кусковым заливе Малый Бодего в этом году не удалось. Одно судно экспедиции разбилось, и почти весь его экипаж погиб, на втором же судне, как свидетельствует Тихменев, имевший в своем распоряжении утерянные впоследствии материалы архива компании, экипаж был столь ненадежным, что Кусков не решился оставить его в Калифорнии. «Недостаток строительных материалов, а главное поку-

[1] *П. Тихменев,* ч. II, приложение, стр. 233—234.
[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г., д. № 3645, л. 116.
[3] Там же.

шение к побегу многих из бывших с ним русских и алеутов заставили его отложить свое намерение до более удобного времени», сообщает Тихменев.[1]

Так же безуспешно кончилась попытка Кускова обосноваться в Калифорнии в 1810 году. У острова Шарлотты на промысловую партию Кускова напали туземцы, заставившие экспедицию вернуться в Новоархангельск, и лишь в 1811 году Кускову удалось подыскать место для первого русского поселения в Калифорнии. Обосноваться решено было у небольшой бухты в 15 итальянских милях от залива Бодего, названного именем Румянцева, под 38° северной широты и 123° восточной долготы. В марте следующего, 1811 года, сюда было уже доставлено все необходимое для устройства заселения.

Впоследствии правление компании неоднократно высказывало мнение, что место для русского заселения в Калифорнии было выбрано неудачно. Близость к Сан-Франциско, где находились испанские власти, отдаленность от залива Румянцева, где имелась прекрасная гавань, в то время как на занятом участке гавани не было, и ряд других неудобств вызывали постоянные нарекания компании. Однако Тихменев справедливо отмечает, что все эти неудобства выявились лишь тогда, когда русские вынуждены были ограничиться для заселения лишь тем участком, который они заняли в первый момент. Если же исходить из предположений Баранова и Кускова, считавших, что данное заселение являлось лишь первым шагом по пути овладения всей Калифорнией, то следует признать, что этот выбор давал ряд преимуществ как для дальнейших наступательных действий, так и для обороны.

Место, занятое под поселение, представляло собою плоскую возвышенность протяжением более чем в квадратную милю. Со стороны моря оно было защищено обрывом не менее чем в 70 футов высоты, а со стороны суши также было мало доступно для нападения. Построенное на этом месте укрепление, высотою в 12—15 футов, с башнями, вооруженными 20 орудиями, представляло собою надежную защиту. «Наличие этих пушек, — как отмечает американский историк Банкрофт, — в совокупности с естественною укрепленностью местности, аккуратною сменою часовых и никогда не прекращавшимся их обучением, придавали «Россу»[2] облик военной крепости более чем поселения для пушной охоты и торговли. Крепость была бы недоступна как для аборигенов, так и для сил калифорнийских испанцев, если бы таковые были против нее посланы».[3]

---

[1] *П. Тихменев*, ч. I, стр. 208.
[2] Так было названо поселение в Калифорнии.
[3] *H. Bancroft*, The Works, v. XIX, California, v. II, S.-F., 1885, p. 630.

Порт был устроен в заливе Бодего, а на половине дороги к порту была стоянка, где поселились несколько служащих компании. Кроме того, русскими был занят островок Фараллоны в 15 милях от Дракова мыса, где имелись котиковые лежбища.

Отказ от рассчитанного на продолжительное время плана Резанова, который предполагал начать наступление на Калифорнийское побережье только после овладения Колумбией, и переход к непосредственным действиям по закреплению в Калифорнии были обусловлены изменившейся к тому времени международной обстановкой.

Революция в Испании послужила сигналом к борьбе испанских колоний в Америке за самостоятельность и освобождение от безудержной эксплоатации метрополии. В это же время, в конце первого десятилетия XIX века, внимание британского правительства к событиям на американском материке в связи с борьбой Англии против континентальной блокады несколько ослабело. Этим обстоятельством воспользовались Соединенные Штаты Америки, которые усилили свою экспансию в районе Тихого океана.

Если первые два момента (гражданская война в испанских колониях и ослабление внимания Англии) создавали благоприятную для захватов обстановку, то усилившаяся активность Соединенных Штатов в районах, прилегавших к испанским колониям, заставляла поспешить с закреплением Калифорнии за Россией.

Противодействие Соединенных Штатов имело решающее значение в отказе царизма от захвата Колумбии и в направлении русской экспансии непосредственно на Калифорнию. Когда в 1810 году компания сделала попытку закрепиться в Колумбии, «Северо-американские штаты в то же время отправили свои экспедиции морем и землею на помянутую реку Колумбию, с решительным определением заселиться при оной и далее на берегах Нового Альбиона». Это обстоятельство, по сообщению компании, «было причиною, что правитель наших колоний коллежский советник и кавалер Баранов решился и сам послать экспедицию для осмотра мест ниже Колумбии между губою Тринидат и заливом Сант-Франциско и тем упредить северо-американцев». [1]

Подготовляя захват испанских колоний в Америке, правление Российско-американской компании обратилось в 1809 году в министерство иностранных дел с ходатайством

---

[1] АНХ. фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 442, донесение главного правления Российско-американской компании министру иностранных дел, 13 августа 1817 г., на лл. 87—93.

о правительственной помощи в устройстве заселений в Калифорнии. «Правление в предпринимаемом заселении Нового Альбиона, — докладывал министр иностранных дел Александру I, — испрашивает высочайшей защиты в случае, если бы Американские штаты из зависти что предприняли». В виду того, что компания не располагала достаточными силами, чтобы, овладев территорией, удержать ее в своих руках, правление считало необходимым «произвесть оное от казны», однако Александр, «отказывая в настоящем случае производить от казны на Альбионе поселение», предоставил правлению «на волю учредить оное от себя, обнадеживая во всяком случае монаршим своим заступлением».[1]

Отказ Александра от прямой правительственной помощи компании и одновременное обещание «высочайшего» заступничества в устройстве русских заселений на территории Калифорнии находят свое объяснение в той политике, которая в этот период проводилась царской Россией по отношению к Испании. Эта политика была весьма четко сформулирована в проекте инструкции от имени царя гр. Палену, отправленному в том же 1809 году послом в Соединенные Штаты. Связанный Тильзитским миром с Францией, Александр вынужден был поддерживать кандидатуру на испанский престол Жозефа, брата Наполеона, в противовес поддерживаемой Англией кандидатуре Фердинанда VII. Однако признание королем испанским брата Наполеона Александр ни в коем случае не связывал с необходимостью стремиться к восстановлению былой колониальной мощи испанской державы. Наоборот, стремление к ниспровержению испанского могущества и надежды на возможность новых колониальных приращений за счет раздела испанского колониального наследства проглядывают в каждой строке царской инструкции гр. Палену. «Помните, — гласит инструкция, — что для восстановления мира в Европе я признал королем Жозефа, который является, действительно, единственным находящимся в Испании королем, но не выказывайте никакого особого пристрастия в моих политических отношениях к Испании. Мною руководят всегда только интересы моего государства, и я не решил еще, будет или нет для него выгодно, если Южная Америка последует судьбе мадридского трона».[2]

В другом месте инструкции говорится уже об отделении от Испании не только южно-американских, но и всех других

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, д. № 3646, сообщение государственного канцлера главному правлению Российско-американской компании, 1 декабря 1809 г., на лл. 25—26.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1809 г., д. № 12160, проект инструкции гр. Палену, 1809 г., на лл. 9—29. Перевод с французского.

ее американских колоний. «Я жду, если война в Испании будет еще продолжаться, что обширные и богатые штаты, которыми она владеет в Америке... образуют один или несколько самостоятельных штатов. Трудно правильно учесть все перемены, которые произведет подобное событие в политических и торговых сношениях Европы, но можно надеяться, что оно приведет к значительным переменам. Вы окажете мне услугу, — прибавляет Александр, — хорошо узнав намерения жителей этих различных штатов». [1]

Таким образом, необходимость признания Жозефа испанским королем (ибо к этому обязывал союз с Францией) и в то же время надежда на распад испанской колониальной империи толкали Александра на двойственную политику по отношению к захвату Калифорнии. С одной стороны, Российско-американской компании предлагалось самостоятельно прокладывать себе дорогу, с другой стороны, ей гарантировалось «высочайшее» заступничество. Это было продолжением той же линии замаскированной экспансии, которую правительство последовательно вело с момента возникновения Российско-американской компании. При усилении Испанской империи царское правительство имело возможность избежать международных осложнений, приписав оккупацию Калифорнии частной инициативе компании, в случае же отделения колоний от Испании царизм приобретал плацдарм для дальнейшей экспансии на американском материке.

Прошло немного времени, и «дружба» с Францией сменилась «дружбой» с Англией. Александр сразу признает законным королем Испании еще недавно им игнорировавшегося Фердинанда VII, обещая ему всяческую поддержку.

Если раньше, когда за спиной признанного Россией претендента на испанский престол Жозефа стояли вооруженные силы Наполеона, царская политика была направлена к подрыву колониального могущества Испании, то теперь, после признания бессильного по существу Фердинанда, русское правительство считало возможным уже фактически приступить к отторжению испанских колоний.

8 (20) июля 1812 года в Великих Луках представители России и Испании торжественно подписали договор, по которому между Александром и Фердинандом должны были установиться «не только дружба, но также искреннее согласие и союз». [2] А уже 30 августа ст. ст. того же года на испанской территории в Калифорнии состоялось столь же торжественное открытие русской колонии, наименованной «Росс».

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1809 г., д. № 12160, проект инструкции гр. Палену, 1809 г., на лл. 9—29. Перевод с французского.

[2] Полное собрание законов, т. XXXII, № 25178.

Поскольку центральное испанское правительство, занятое событиями в метрополии, не имело еще возможности активно реагировать на те события, которые произошли в ее колониях, Российско-американская компания не считала необходимым ставить вопрос о правовом оформлении этого захвата. «Калифорнийского» вопроса в дипломатической переписке между Россией и Испанией в это время еще не существовало. Официально Россия ничего не захватывала, а Испания ничего из своих заморских владений не теряла. Что же касается протестов местной испанской администрации, то с ними компания боролась самостоятельно.

Уже с октября 1812 года началась длительная переписка правителя колонии Росс с местными властями и мексиканским вицероем, высшим представителем испанской администрации в Северной Америке. Вицерой требовал немедленной ликвидации русского заселения. Правитель колонии, стремясь затянуть переговоры, ссылался на свое незнание испанского языка, которое мешало ему якобы понять суть требований вицероя. В некоторых случаях правитель Росса предлагал вицерою адресоваться для переговоров в Петербург, мотивируя это тем, что цель высшего правительства, по приказу которого это заселение создано, ему неизвестна, его же обязанность «состоит в том, чтобы [Росс] сохранять и в случае наступательных действий — обороняться».[1]

Отношения с местными властями обострились еще больше, когда корабль «Суворов» доставил в Калифорнию так называемую «прокламацию» главного правления Российско-американской компании. Это было уже второе обращение компании и, как и в первый раз, оно было адресовано не к местным властям, а непосредственно к «благородным и высокопочтеннейшим господам гишпанцам, живущим в Калифорнии».[2]

Компания призывала местное испанское население Калифорнии вести торговлю с русскими, несмотря на категорическое запрещение со стороны центрального испанского правительства. Правление откровенно намекало, что при беспомощности испанских властей их противодействия опасаться нечего: «Имели мы честь писать к вам от 15 марта 1810 года, — ссылалось правление на свою первую прокламацию, — и в надежде, что по ходу тогдашних обстоятельств Европы и са-

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 101, «Историческая записка о селении Росс на берегах Нового Альбиона», на лл. 1—4.

[2] Первая «прокламация», пересланная в Калифорнию в 1810 году через Баранова, приведена полностью в статье *В. Потехина* «Колония Росс» напечатанной в «Журнале мануфактур и торговли», 1859 г., т. VIII.

мой Гишпании, вы не встретите уже затруднений иметь с россиянами торговые связи, тем паче, что они взаимно полезны». [1]

Отношения с местной испанской администрацией становились все более неприязненными. В 1815 году в С.-Франциско были задержаны комиссионеры компании. Алеуты, занимавшиеся промыслом пушного зверя вблизи испанской территории, были захвачены в плен. Начавшие было налаживаться торговые отношения окончательно прервались. Компания, однако, продолжала оборудовать колонии. К 1814 году было закончено строительство кожевенного завода, мельницы, мастерских, кладовых, скотного двора, жилых помещений и пр.

Наконец, в 1817 году впервые запротестовало и испанское правительство. В ноте от 27 апреля (5 мая) 1817 года министр иностранных дел Испании де Зеа Бермудес потребовал от имени короля уничтожения русского заселения в Калифорнии.

Поскольку до того времени вопрос о захвате Россией Калифорнии испанским правительством не поднимался, а возникал лишь при сношении с представителями других стран и в частности с англичанами, компания обычно ссылалась на незаселенность занятой ею территории. Намекая на обычную практику самих англичан, правление писало, что «компания воспользовалась тем же народным правом, которым и все европейские нации пользовались при водворении своих в обеих Индиях». [2]

Когда же пришлось отвечать испанскому правительству, компания вначале попыталась представить дело таким образом, что все изложенное в испанской ноте не соответствует действительности и что никакого русского укрепления в Калифорнии, по существу, не имеется. Компания уверяла, что «селение то, названное гишпанцами крепостью», загорожено деревянным тыном исключительно «для предохранения от нечаянных нападений индейцев, без чего нельзя было бы спокойно предаться сну. . . Равным образом и пушки, там имеющиеся, помещены в селении для того, чтобы сохранить к себе почтение». [3] Чувствуя, однако, всю неубедительность подобных доводов, Российско-американская компания пыталась также утверждать, что территория, занятая Россом, ранее никому, кроме индейцев, не принадлежала. Индейцы же добровольно уступили эту территорию русским, опасаясь, что она может

---

[1] ГАФКЭ, фонд министерства иностранных дел, П-3, 1816 г., д. № 24, «Прокламация» Российско-американской компании, 1813 г., на лл. 18—21.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 442, донесение главного правления Российско-американской компании министру иностранных дел, 13 августа 1817 г., на лл. 87—93.

[3] Там же.

быть захвачена или другими индейскими племенами, враждующими с местным населением, или ненавистными испанцами.

К юридическому оформлению «уступки» индейцами территории Росса компания приступила еще до получения протеста со стороны испанского правительства, предвидя его неизбежность. В 1817 году Гагемейстер составил акт, подписанный индейскими старшинами Чу-гу-ан, Амат-тин, Гем-ле-ле и др., подтверждавшими, что они «очень довольны занятием сего места русскими, что они живут теперь в безопасности от других индейцев, кои прежде делывали нападения, что безопасность та началась только от времени заселения». В этом же акте как бы невзначай вновь подтверждалось, что эта территория прежде принадлежала вышеупомянутым индейцам и была ими добровольно уступлена русским. «Капитан-лейтенант Гагемейстер, — гласит акт, — приносил им [индейским старшинам. — *С. О.*] от имени Российско-американской компании благодарность за уступку компании земли на крепость, устроения и заведения, которые на местах, принадлежавших Чу-гу-ану». [1]

Заключенный с индейцами «договор» был единственным документом, устанавливавшим права компании на территорию Росс, и рассчитывать на этот «договор» особенно не приходилось. Права Российско-американской компании на исключительное владение территорией Росс, как справедливо указывал в письме министру иностранных дел русский посол в Соединенных Штатах Полетика, — «далеки от очевидности». «Достаточно взглянуть на карту, — писал Полетика, — чтобы увидеть, что эта колония вклинилась в испанские владения в Калифорнии и соседние местности. Одна, довольно давняя испанская колония находится в 30 милях на юг от Росса. Город Монтерей, главный город новой Калифорнии, отстоит только на 1° широты от Росса». [2]

По мнению Полетики, компания, аргументируя свое право на эту территорию отсутствием непосредственно на данном участке испанских заселений, упускает из виду, что «дает оружие в руки против самой себя англичанам и американцам, которые в свою очередь могут ей заметить, что на всем протяжении северо-восточного побережья Америки, на которое она предъявляет исключительные права, начиная от 57° широты, существует только одна колония Новоархангельск». [3] И к этому аргументу в переговорах, касавшихся дел компа-

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г., д. № 3646, л. 24.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г., д. № 8735, л. 5. Перевод с французского.

[3] Там же.

нии, по словам Полетики, американцы уже неоднократно прибегали.

Соединенные Штаты как раз в это время активизировали свою колониальную политику и выступили в свою очередь с притязаниями на испанские владения. Флорида уже перешла к Соединенным Штатам. Кроме того договор, подписанный в феврале 1819 года между Испанией и Соединенными Штатами, признавал 42° северной широты границею испанских владений. Таким образом, русским заселениям в Калифорнии с севера угрожали Соединенные Штаты.

В этих условиях правовое оформление калифорнийского поселения превратилось в серьезную проблему для царского правительства. По существу, это был вопрос о подведении базиса под всю дальнейшую экспансию России на американском материке.

После получения в 1817 году ноты Испании с протестом против захвата ее колоний русское министерство иностранных дел решило выяснить условия, на которых возможно было бы достигнуть соглашения с испанским правительством. Выясняли осторожно и не спеша. В начале 1820 года был выдвинут даже проект ликвидации русского заселения в Калифорнии. Не возражая против этого проекта, Российско-американская компания потребовала соответствующих компенсаций. Испанское правительство должно было предоставить компании право свободной торговли с Калифорнией. «При сем порядке вещей, — писало правление министру иностранных дел Нессельроде, — Российско-американская компания охотно желала бы уничтожить оную оседлость, зависть или боязнь в гишпанцах порождающую, и никогда бы более не мыслила искать другого места на берегах альбионских, ежели бы она могла потерю той оседлости заменить постоянною торговлею с Новою Калифорниею, в которую допуск иностранцам, по колониальному праву, а более, чтоб не выказать удивительной беспечности и слабости управления, недозволен».[1]

Это было тонко рассчитанным ходом компании. Заявляя о согласии ликвидировать Росс, правление хотело возложить ответственность за сохранение колонии на правительство, чтобы при случае потребовать от него активной помощи и поддержки. Компания была прекрасно осведомлена о том, что выдвинутый министерством иностранных дел проект был не более, как дипломатической уверткой. Расставаться со своими колониями в Калифорнии царское правительство и не думало, ибо русский император Александр был еще всемогущ в Священном союзе, и мадридский двор искал его помощи и содействия. Именно при помощи купленных у России судов Ферди-

[1] Цитирую по *Тихменеву*, ч. I, стр. 222.

нанд мыслил «снова даровать Европе выгоды, которых она уже давно лишена благодаря волнениям в Новом Свете», т. е. расправиться с революцией в американских колониях. Правда, купленная у России «могущественная» эскадра из пяти линейных 74-пушечных кораблей и трех 44-пушечных фрегатов, призванная возродить славу Испании времен непобедимой Армады, оказалась годною лишь на слом. Однако все же Россия была для правительства Испании единственной надеждой в борьбе с восставшими американскими колониями, которые вдобавок еще поддерживались Англией.

Царское правительство недаром оттягивало переговоры о Калифорнии. Наконец, оно дождалось такого момента, когда не могло быть и речи о невыполнении его требований. Русский посол в Мадриде Татищев, узнав о желании компании отказаться от заселения в Калифорнии взамен предоставления ей права свободной торговли с испанскими колониями, поспешил уверить Нессельроде, что одно отнюдь не исключает другого.

«Будет целесообразнее, — писал он министру 4 (16) февраля 1820 года, — начать обсуждение вопроса об установлении торговых отношений, чтобы тем самым закрепить приобретение, которое здесь имеет место. Право владения будет таким образом санкционировано». [1]

Начав с переговоров о разрешении Российско-американской компании вести торговлю с калифорнийскими колониями, Татищев намеревался затем добиться и санкции на сохранение Росса хотя бы под видом торгового заселения или складочного места.

Согласие испанского правительства на уступку России колоний в Калифорнии в это время имело, правда, лишь формальное значение, ибо американские колонии власти метрополии над собою уже не признавали. Однако, заручившись хотя бы и такой санкцией, можно было впоследствии доказывать свои права на эту территорию. Во всяком случае, согласие потерявшего свои владения испанского короля в международно-правовом обиходе котировалось выше, чем уступка этой территории двумя индейскими старшинами, некогда ею владевшими.

Посол в Соединенных Штатах Полетика в том же 1820 году весьма резонно указывал Нессельроде, что «Испания, которая держит Мексику только моральными узами, готовыми разорваться, если только это уже не произошло безвозвратно, не заставит себя упрашивать, чтобы уступить нам местность, занятую колонией Росс. Обеспечив себя таким образом согла-

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1820 г., д. № 7562, лл. 54—55. Перевод с французского.

сием правительства, можно будет попробовать получить таковое от правительства действительного, которое существует в Мексике, как только императорское правительство окончательно примет решение по этому вопросу».[1]

Однако переговоры с испанским правительством так и не удалось довести до конца. В том же 1820 году в Испании снова началась революция.

После реставрации надежды Российско-американской компании воскресли вновь. Часть членов совета компании уже не соглашалась ограничиться закреплением за Россией фактически занятой территории в Калифорнии. От испанского правительства, настаивали они, необходимо добиться санкции на расширение русской территории, в которую должен быть включен и порт Сан-Франциско. Другая, более осторожная часть членов совета, не отрицая необходимости овладения Сан-Франциско, считала, однако, опасным пока добиваться от Испании каких-либо санкций. Подобная политика, по мнению этих членов совета, могла лишь вызвать озлобление у мексиканского правительства, оставшегося фактическим хозяином в Калифорнии.

Первую группу возглавлял знаменитый мореплаватель И. Ф. Крузенштерн, вторую — не менее знаменитый мореплаватель В. М. Головнин. В представленной в министерство иностранных дел записке Крузенштерн утверждал, что Испания «при нынешнем положении» уступит России как территорию Росс, так и порт Сан-Франциско. «Оставление порта Росс во владении РАК[0] не подлежит значительным препятствиям или сомнению, но другое место, коим овладение было бы несравненно выгоднее для России, есть самый порт Сан-Франциско, который поныне еще неоспоримо принадлежит Гишпании. Посему теперь, доколе не переменились еще обстоятельства, гишпанское правительство вправе уступить сей порт России».[2]

Основанием для подобной уступки Крузенштерн считал то обстоятельство, что испанское правительство за предоставленную ему Россией эскадру должно было уплатить значительную сумму. Крузенштерн не отрицал возможности протеста со стороны мексиканского правительства. Однако в тот момент, когда встанет вопрос о признании европейскими государствами самостоятельности Мексики, можно ожидать, по мнению Крузенштерна, что она согласится санкционировать уступку калифорнийской территории.

Головнин, наоборот, находил, что «уступка испанского короля, наверное можно сказать, республиканцами признана не

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г., д. № 8735, л. 6. Перевод с французского.

[2] ГАФКЭ, фонд министерства иностранных дел, разр. XXIV, 1825 г., д. № 68, лл. 11—12.

будет и, хотя бы мы ее получили, но все же употреблять капиталы на улучшение Росса было бы опасно, ибо республиканцы, узнав об оной, вероятно захотят нарочно поддержать свои права, прервут с нами всякое сношение и будут настаивать об уничтожении наших заведений, а может быть и силу употребят». Головнин рекомендовал предварительно связаться с местным калифорнийским начальством и «выведать расположение оного, как на счет селения нашего Росса, так и будущей уступки залива св. Франциска».[1]

Однако и сам Александр I понимал, что уступка Фердинандом России колоний в Калифорнии имела бы такое же значение, как уступка любой другой, ему не принадлежащей территории. В октябре 1824 года министр финансов Канкрин по настоянию правления Российско-американской компании обратился к министру иностранных дел Нессельроде с предложением возобновить переговоры с испанским правительством по поводу Росса. Нессельроде ответил ему, что он уже сам после восстановления «прежнего порядка» в Испании докладывал об этом деле царю, и «его величество изволил даже признать бесполезным заводить об оном ныне новые прения с гишпанским правительством, поелику власть его, при настоящих смутных обстоятельствах в американских его владениях, не простирает на оные своего действия». Что же касается до революционного мексиканского правительства, то «мы ни в какие сношения с ним не вступаем, — писал Нессельроде, — и, следовательно, не можем обратиться к нему и по делам, относящимся до прав наших над селением Росс и над землею, оным занимаемой».[2]

Между тем, положение русского заселения в Калифорнии становилось все более затруднительным. Притязания Соединенных Штатов на испанское «колониальное наследство» с каждым годом все усиливались. В Калифорнию в большом количестве устремились американские колонизаторы-торговцы. Деятельность американских купцов подрывала и ту слабую экономическую связь, которая была у местного испанского населения с русской колонией, снабжавшей его рядом необходимых товаров. Американские купцы, нередко являвшиеся агентами своего правительства, к тому же всячески восстанавливали местное население против русских. Они искусно пользовались при этом тем обстоятельством, что царское правительство на другом материке поддерживало столь ненавистный жителям Калифорнии испанский абсолютизм.

---

[1] ГАФКЭ, фонд министерства иностранных дел, разр. XXIV, 1825 г., д. № 68, л. 10.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1823 г., д. № 582.

Несмотря на усиление притязаний Соединенных Штатов на испанские колонии, послание Монро конгрессу, которое имело впоследствии такое огромное влияние на весь процесс европейской колонизации на американском материке и уже в 1824 году заставило Россию при заключении американо-русской конвенции пойти на ряд уступок, в то время в колониях еще не оказывало своего действия. Положения, изложенные в послании Монро конгрессу, не подкрепленные в колониях штыками, были доктриной, а реальной опасностью оставалось в Калифорнии противодействие мексиканского правительства.

Еще в 1822 году, когда в Мексике был провозглашен императором Итурбиде, в Росс от его имени явился дон Августин Фернандес де Винцент и потребовал от правителя колонии документов, доказывавших право русских на занимаемую ими в Калифорнии территорию. Не получив требуемых доказательств, ибо таковых, конечно, не имелось, мексиканский посланник заявил, что эта территория принадлежит Мексике, а потому русские должны ее оставить. При свидании с поверенным Российско-американской компании Хлебниковым в Монтерее Винцент вновь заявил, что «правительство Мексиканской империи настоятельно требует, чтобы селение Росс было снято в продолжении 6 месяцев и что в противном случае оно примет меры принуждения».[1]

Непрекращавшиеся угрозы мексиканского правительства одновременно с настойчивым и последовательным проникновением в Калифорнию американцев с еще большей остротой поставили вопрос о необходимости юридического оформления русской колонии. И вот в 1824 году местное колониальное начальство, не надеясь уже дождаться урегулирования этого вопроса через Петербург, предпринимает решительные меры, в результате которых должно было упрочиться русское господство в Калифорнии. Инициатором нового плана закрепления и дальнейшего расширения русских колоний в Калифорнии был декабрист Д. И. Завалишин, приехавший в это время в колонию Росс.

Хотя литературное наследство, оставленное Завалишиным, в количественном отношении далеко оставляет позади написанное другими декабристами, исследователи большей частью игнорируют все, вышедшее из-под его пера. Заслуженная им слава мелкого политикана и враля, писания которого наполнены безудержным самовосхвалением, привела, однако, к тому, что до сих пор не обследовано и то ценное, что имеется в литературном наследстве Завалишина. В этом отношении наибольший интерес представляют сохранившиеся в фонде

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1823 г., д. № 3646, л. 19.

Следственной комиссии материалы, вскрывающие участие и роль Завалишина в деятельности Российско-американской компании.

В начале 1824 года Завалишин прибыл на совершавшем кругосветное плавание фрегате «Крейсер» в колонию Росс. Здесь он мог убедиться воочию, какие огромные возможности таились в эксплоатации этого края и какие ничтожные результаты были достигнуты пока Российско-американской компанией.

Колония Росс представляла собой в этот период небольшую деревянную крепость, вооруженную 17 орудиями малого калибра. Помимо поселенных для производства пушного промысла алеут там было около 50 человек русских. Эта «житница» русских колоний, которая призвана была снабжать хлебом не только русские колонии в Америке, но и Камчатку, засевала всего около 200 пудов пшеницы и 40 пудов ячменя. Вести торговлю с местным населением в сколько-нибудь значительных размерах колония не могла из-за категорического запрещения калифорнийских властей. Плохо обстояло дело и с пушным промыслом. К 20-м годам звери, дававшие ценную пушнину, в районе колонии уже были уничтожены. В заливе Сан-Франциско, правда, еще водились бобры, но вследствие противодействия испанцев русским там не удавалось охотиться. Колония приносила компании одни лишь убытки. К тому же Росс находился под постоянной угрозой уничтожения как со стороны испанцев, так и туземного населения. Было очевидно, что в подобных условиях сохранить колонию Росс было очень трудно, и лишь надежда, что революция в Испании и движение, охватившее Мексику, сделают Росс форпостом для дальнейшей русской экспансии в Калифорнии, удерживала компанию от его ликвидации.

Уже сразу после объявления независимости испанских колоний в 1818 году Российско-американская компания сделала попытку расширения своих владений в Калифорнии. Однако эта попытка встретила столь резкое противодействие местных властей, что о дальнейшем продвижении нельзя было и думать. Для того чтобы предотвратить возможность захвата русскими новой территории, местные власти решили окружить Росс цепью испанских заселений. В 1819 году было основано ранчо Сан-Пабло, в 1822 году — Солано, Сономи и др. Для полного окружения русских поселений у испанцев, однако, нехватило ни средств, ни людей. Таково в общих чертах было в 20-х годах незавидное положение колонии Росс, сила которой заключалась лишь в слабости испанских властей.

Как пишет Завалишин, вскоре же по прибытии в колонию Росс ему стали очевидными: «1) невыгодность места, 2) слабость колонии и 3) нерешительность наша, поощрявшая при-

тязания испанцев и такие действия со стороны калифорнского начальства, о которых они иначе не решились бы и подумать». Суммируя все это, Завалишин пришел к выводу, что «возможность развития колонии «Росс» обусловливалась главным образом занятием более выгодного места, нежели то, которое было занято первоначально».[1]

Завалишин прекрасно отдавал себе отчет в чрезвычайно важном стратегическом положении Калифорнии. Впоследствии, давая объяснения о своих действиях в Калифорнии, Завалишин высказал эту мысль в письме Николаю I от 24 января 1826 года: «Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти. Приобретение ее гаваней и дешевизна содержания позволяли иметь там наблюдательный флот, который доставил бы России владычество над Тихим океаном и китайскою торговлею, упрочили бы владение другими колониями, ограничили бы влияние Соединенных Штатов и Англии».[2]

Завалишин имел в виду довольно значительное расширение территории русской колонии в Калифорнии. В северном направлении колония должна была быть доведена до границ Соединенных Штатов, к востоку — до р. Сакраменто или Сиерры-Невады, а с юга — до залива Сан-Франциско. Эти границы намечались еще до Завалишина, — это были те именно границы, к которым все время стремилась компания. Однако особенность завалишинского плана заключалась в том, что он предполагал действовать иными методами.

Прежде чем перейти к рассмотрению плана Завалишина, остановимся на политической ситуации, сложившейся в это время в Калифорнии. Созданная в 1822 году Мексиканская империя раздиралась гражданской войною. Генерал Итурбиде (дон Августин I) был свергнут. Калифорния не подчинялась Мексике, но самостоятельности официально не провозгласила. В Калифорнии боролись две партии — мексиканская и испанская, называвшаяся еще королевской. Главенствующее положение в мексиканской партии принадлежало военной и чиновничьей верхушке, в испанской — миссионерам. Базою мексиканской партии были городские поселения, испанской — миссии.

Мексиканская партия была несколько сильнее испанской, ибо все же опиралась на те незначительные военные силы, которые имелись в Калифорнии, в то время как единственной силой миссионеров были крещеные индейцы, на которых серьезно рассчитывать не приходилось. Впрочем, и вооруженную силу мексиканской партии надо понимать весьма относительно, ибо солдаты давно не получали жалованья и не имели ни

[1] *Д. Завалишин,* Дело о колонии Росс, «Русский вестник», 1866 г., т. 62, стр. 55.

[2] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 358, л. 2 об.

ружей, ни пороха. Состояние боевых припасов в Калифорнии характеризует факт, имевший место во время прибытия в Калифорнию русского фрегата «Крейсер». Войдя в порт Сан-Франциско, «Крейсер» салютовал семью выстрелами. Ответа на салют не последовало. Для выяснения причин подобного отношения к русскому флагу был послан офицер, которому комендант порта заявил, что охотно отсалютует, если с «Крейсера» будет прислано семь зарядов, ибо у него таковых не имеется.

В этот период, в 1824 году, и прибыл в Калифорнию Завалишин с честолюбивыми замыслами о присоединении ее к Российской империи. «То настоящее положение, в коем я нашел провинцию, — сообщал впоследствии Завалишин Следственной комиссии, — было бы, конечно, выгодно, если бы присоединение сие должно было быть сделано вооруженной рукою. Но как политика держав, в особенности Англии, не допустила бы нас до сего, то единственное средство, против коего бы никто не мог возражать и самое при том надежнейшее, было добровольное поддание Калифорнии под зависимость России. К сей-то цели и устремились все мои действия». [1]

«Калифорния должна бы была, — пишет Завалишин, — объявить себя независимою от Мексики под предлогом, что там еще не установилось правление и что (для успокоения партии мексиканской) независимость сия только будет до того времени, когда оно установится. Засим следовала свобода селиться иностранцам, чем преднамеривалось вводить русских, ибо им легче других приезжать в Калифорнию и проч.» [2]

Попытки Завалишина связаться с мексиканской партией ни к чему не привели. Тогда он берет ориентацию на испанскую партию. Завалишин заводит знакомство с миссионерами и в первую очередь связывается с Иосифом Альтимирой, настоятелем миссии св. Франциска, человеком умным и, что особенно было важно, честолюбивым. Завалишин использует все средства для привлечения монахов на сторону России — «иных по фанатизму, других по корыстолюбию, иных по ненависти к республиканскому правлению, остальных — внуша опасение со стороны Англии». [2]

Вот здесь и именно в этот момент и должна была быть реализована заветная идея Завалишина о создании «Ордена восстановления», возникшая еще раньше. «Орден восстановления» призван был способствовать присоединению Калифорнии к Российской империи.

Генерал-адъютант Левашев в своем резюме по делу Завалишина отмечает, что «Калифорния в таком положении [он

---

[1] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 47, лл. 17 об. — 18 об.
[2] Там же.

имеет в виду анархию, царившую в Калифорнии. — *С. О.*] легко могла сделаться театром действий человека, одаренного умом и предприимчивостью. Завалишин имел и то и другое. В самом ордене восстановления видел он средство к тому».[1]

В записной книжке Завалишина сохранилась запись, названная им «Предначертание о населении, образовании и укреплении земли военного ордена восстановления», которая весьма недвусмысленно раскрывает задачи этой организации.

Завалишин считал необходимым «укрепить северный берег пролива в порте Сан-Франциско, помня возможность высадки на оный. Должно лес обнести стеною со скрытыми батареями, отыскать камень в проливе, иметь на обоих берегах маяки, построить гавань для гребных судов; учредить телеграфы, почту, водою запрудить каналы и построить мельницы и испытать, годна ли земля морского дна для обработки; обнести низменные места стенами, прорыть каналы и сделать шлюзы для нагрузки судов. В Бодеге построить крепость и основать верфь. Осмотреть порт Тринидат и утвердиться в нем».[2]

Завалишин представлял испанской партии дело таким образом, что орден, имеющий своею целью «престол и поход и истребление масонов» (так монахи именовали всех революционеров), уже организован, и во главе его находится сам русский император, позиция которого на Веронском конгрессе была монахам известна, и все это должно было импонировать этим сторонникам реставрации испанской монархии.

В первой же беседе с Альтимирой Завалишин постарался нарисовать картину деятельности мифического ордена так, чтобы она вполне отвечала настроениям и задачам испанских миссионеров в Калифорнии. «Соединяя политические причины с видами религии, я начал ему говорить о учрежденном мною ордене, — рассказывает Завалишин в своих показаниях, — о сходстве видов его с целью, для которой они приезжают в Калифорнию, о будущей силе его, когда он приобретет покровительство монархов, наконец, о помощи, которую сам орден будет подать им в состоянии. Он все слушал внимательно и по всякому моему почти слову восклицал: oxala fuese asi (хорошо когда бы так)».[3]

Опытный политик Альтимира с первых же слов понял, какую выгоду он сможет извлечь для привлечения сторонников из одних только слухов о поддерживающей его международной тайной организации. Прекрасно зная, что «Орден восстановления» существует лишь в воображении Завалишина, Аль-

[1] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 47, л. 171. Разрядка моя. — *С. О.*

[2] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 48, л. 22.

[3] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 47, лл. 84—85.

тимира поспешил его «признать». «Альтимире известно было все, что касается до ордена, т. е. что он еще учреждается», [1] — пишет Завалишин.

После беседы с Альтимирой Завалишин почувствовал уже почву под ногами. С того момента он стал себя именовать великим магистром «Ордена восстановления».

Завалишин попытался привлечь на свою сторону и президента Калифорнии, ибо его роль в принятии конституции, декларирующей отделение Калифорнии от Мексики, была бы решающей. Однако все попытки как-либо воздействовать на тогдашнего президента дона Аргуельо, бывшего сторонником мексиканской партии, окончились неудачей. Тогда было решено воспользоваться приближающимся собранием совещательной юнты и сменить президента. Кандидатом был намечен дон Нориега, сторонник испанской партии. Из четырех членов юнты — троих Завалишину удалось при помощи Альтимиры привлечь на свою сторону. Избрание Нориеги, а вслед за этим объявление Калифорнии независимой казалось делом самого ближайшего будущего.

Внезапный вызов Завалишина по приказу Александра I в Россию лишил его возможности продолжать работу по выполнению этого плана. Но даже после отъезда в письмах, адресованных юнте и лично Альтимире, Завалишин пытается рассуждениями о могуществе ордена склонить испанскую партию к решительным действиям. В письмах «великого магистра» Завалишина к «великому восстановителю» Альтимире за туманными фразами об ордене следуют весьма ясные предложения: «означенное судно привезет порох для вас и на продажу, пушки, ружья и другие снаряды». [2] Очень скоро, однако, стало очевидным, что испанской партии, если она будет придерживаться русской ориентации, придется бороться не только с мексиканской партией, но и с противодействием Англии и Соединенных Штатов. Ни Англия, ни Соединенные Штаты не могли, конечно, допустить закрепления России на этом участке, который обеспечивал его обладателю гегемонию над всей северной частью Тихого океана. Тонко задуманный план Завалишина потерпел полную неудачу.

Более двадцати лет прошло с того времени, как состоялось торжественное открытие колонии Росс, а Российско-американской компании так и не удалось добиться даже формального признания своих прав на территорию, занятую русским поселением. Колония посещалась иностранными кораблями, производила торговые операции, компания несла значительные расходы по ее содержанию, однако, де юре колония эта не суще-

[1] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 47, лл. 17 об. — 18 об.
[2] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 48, л. 88.

ствовала. Не стал Росс и плацдармом для продвижения внутрь страны. Будущность русского заселения в Калифорнии не сулила каких-либо благоприятных перспектив. Наоборот, с каждым годом, с усилением мощи Соединенных Штатов и ослаблением русского влияния на американском континенте, положение Росса делалось все более затруднительным.

Итоги были плачевны во всех отношениях. Росс не стал за это время «житницей» американских колоний, ибо ни размеры принадлежавшей России территории, ни ее местоположение не давали возможности широко развить сельское хозяйство. В самые хорошие годы, по свидетельству правителя колонии Хлебникова, в Россе засевалось «пространство земли в 88 десятин или 211 600 квадратных сажен».[1]

Близость поселения к морю отрицательно влияла на посевы. Злаки, как доносила колониальная администрация, из-за чрезвычайной влажности климата покрывались налетом, называемым «ржавчиной», что плохо отражалось на урожае.[2]

Воспользуемся подробным донесением главного правителя русских колоний в Америке барона Врангеля, посетившего в середине 1833 года колонию Росс, чтобы нарисовать картину экономического состояния колонии через двадцать лет после ее основания, именно в тот период, когда компания делала последние усилия вывести Росс из тупика, в котором это заселение очутилось.

Сама крепость попрежнему представляла собою четыреугольник, окруженный со всех сторон деревянным тыном. На углах укрепления находились деревянные башни, вооруженные пушками. Эта крепость, по сообщению правителя колоний, все еще «в глазах индейцев и здешних испанцев кажется весьма сильною, а может быть и непобедимою».[3] Впрочем, тут же правитель добавляет, что «все почти строения и самый тын с будками столь стары и ветхи», что требуют починки или должны быть заменены новыми.

Взрослое население Росса насчитывало 199 человек, из них 128 мужчин, русских было 41 человек, алеут 42, остальные были креолы и индейцы. К 30-м годам земледелие в колонии по сравнению с серединой 20-х годов значительно выросло, однако, продуктов хватало, в сущности, лишь для прокормления самого Росса. С 1826 по 1833 год включительно, т. е. за 8 лет, в Ситху из Росса было доставлено всего около

[1] Записки *К. Хлебникова* о Америке, «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III, СПб., 1861, стр. 152.

[2] Удаленные от моря участки давали урожай в 10—20 раз больше по сравнению с участками, принадлежавшими России.

[3] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 58, донесение главного правителя колоний главному правлению, апрель 1834 г., на лл. 1—20.

6000 пудов пшеницы и ячменя, т. е. в среднем не более 750 пудов в год. Кроме недостатка плодородной земли положение ухудшалось и чрезвычайно экстенсивными методами ведения хозяйства. Земля не удобрялась, а так как годной для посева земли было недостаточно, то она не оставлялась и под паром. В результате наиболее плодородные участки очень быстро истощались. За недостатком рабочей силы молотьба производилась лошадьми, которые выпускались в так называемый «цирк», устланный снопами. 40 лошадей при 8 погонщиках обмолачивали в сутки до 900 снопов, но потеря зерна при таком методе была весьма значительна.

Другая отрасль хозяйства в Россе — скотоводство, которое по первоначальному плану должно было снабжать солониной и молочными продуктами все русские колонии в Америке, — также не дала ожидаемых результатов. Для снабжения Ситхи нужным количеством солонины (400 пудов в год), при рациональном ведении хозяйства, требовалось не менее полуторы тысяч голов рогатого скота. В Россе же имелось всего 700 голов. Увеличить это поголовье невозможно было из-за отсутствия пастбищ. С июля по ноябрь, когда выгорала трава, русские колонисты вынуждены были отпускать свой скот за пределы поселений.

Пушной промысел в Калифорнии к этому времени почти окончательно прекратился. В районах, занятых русскими, зверь был истреблен, а в испанских охота запрещалась местными властями. Еще в 1826 году алеуты упромыслили в Калифорнии 287 морских бобров и 455 морских котов, а через 7 лет, в 1832 году, были упромышлены лишь 1 морской бобр и 188 морских котов.

Некоторый доход колонии доставляли вначале заказы калифорнийских испанцев на изготовление колес, баркасов, посуды. Эти работы давали до 6 тысяч руб. ежегодного дохода, однако, в 30-х годах таких доходов уже почти не было. Правитель колоний писал: «Теперь подобные сделки редки и ничтожны, потому что иностранцы, овладевшие торговлею в Калифорнии, навезли всевозможные потребности жителей и снабжают их ими за столь низкие цены, что нам невозможно состязаться с ними». [1]

За все время существования поселения в Калифорнии так и не смогли разрешить важнейшего вопроса о рабочей силе. Комплектовалась рабочая сила или из контингента законтрактованных промысловых рабочих, привозившихся из метрополии и из других русских колоний, или же из состава местного населения — индейцев. Связанные кабальными договорами, по-

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 58, донесение главного правителя колоний главному правлению, апрель 1834 г., на лл. 1—20.

терявшие надежду когда-либо вернуться на родину, русские промысловые рабочие, пользуясь близостью иностранной территории, систематически дезертировали из Росса. Уже в 1817 году капитан-лейтенант Гагемейстер во время кругосветного путешествия фрегатов «Кутузов» и «Суворов» вел с испанскими властями длительную переписку о выдаче ему дезертиров из Росса, среди которых были и креолы. Испанские власти согласились вернуть лишь тех беглецов, которые находились в Сан-Франциско. Свой отказ в выдаче всех остальных дезертиров губернатор мотивировал разными причинами. Тут фигурировала и невозможность в ближайшее время доставить их в Сан-Франциско и даже необходимость оставления этих дезертиров для упрочения дружбы с русскими, так как они, владея как испанским, так и русским языком, могут служить переводчиками.

«Мне кажется совершенно невозможным, чтобы вы не возвратили всех их без всякого исключения, — писал по этому же вопросу Гагемейстер губернатору, — принимая в уважение как дружество, существующее между нашими монархами, так и то, что Россия есть может быть единственная империя, которая по примеру других наций не делает никакого вспоможения американским инсургентам». [1]

Испанские власти препятствовали возвращению беглецов в Росс главным образом потому, что испанские колонии сами чрезвычайно нуждались в рабочей силе. При этих условиях не было смысла концентрировать в Россе значительное число русских промысловых рабочих.

Ненадежен был и второй источник рабочей силы — индейцы. Ввиду того, что компания очень низко оплачивала труд индейцев, они очень скоро перестали добровольно наниматься на работу в Росс. Между тем, даже при незначительных размерах посевов колонии требовалось в период уборки урожая не менее полутораста человек. Так, по сведениям 1833 года, в летнее время всего было занято на различных работах 210 человек, из них 49 русских и креолов (алеуты были на пушных промыслах) и 161 индеец. Русские и креолы использовались по преимуществу в качестве часовых и мастеровых, непосредственно же на сельскохозяйственных работах были заняты индейцы.

Каким же образом все-таки компания собирала такое количество индейцев? Правитель колоний в Америке барон Врангель сообщает об этом следующее: «К тому времени, когда снимают хлеб и собираются из ближайших тундр индейцы за соразмерную плату в селения, или же по необходимости,

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 409, л. 35.

когда охотников мало, то силою пригоняются индейцы, сколько удастся, иногда до 150 человек, кои месяца $1^1/_2$ заняты без отдыха полевыми компанейскими работами». Индейцам отпускалась в пищу «одна мука для кашицы». От этой скудной пищи при усиленных работах, — замечает правитель колонии, — «индейцы приходят под конец в крайнее истощение». [1]

Местная администрация прекрасно учитывала, к каким результатам могут привести подобные методы эксплоатации индейцев. Правитель колонии указывал главному правлению, «что не токмо человеколюбие, но и самое благоразумие требует, чтобы индейцев приласкать более. От худой пищи и ничтожного платежа индейцы перестали сами приходить в селение для работы, отчего контора нашлась принужденной отыскивать их в тундрах, врасплох нападать, связывать руки и пригонять в селение как скот на работу. Таковая партия в 75 человек мужчин, жен и детей приведена была при мне в селение с расстояния около 65 верст отсюда, где должны были оставить скарб свой без всякого присмотру месяца на два. Само собой разумеется, каковы со временем должны быть последствия подобных поступков с индейцами, и друзей ли мы в них себе наживаем». [2]

Опасения правителя колоний барона Врангеля имели под собою весьма веские основания. В окрестностях Росса неоднократно поднимались восстания индейцев. В восстаниях принимали участие и беглые русские промышленники. Подобные случаи, как вообще все действия, направленные против компании и вызывавшиеся ее безудержной эксплоатацией, правление предпочитало не предавать огласке и не сообщало о них даже правительству. Однако кое-какие сведения все же в документах компании имеются. Так, в извлечении из колониальных депеш за 1825 год, составленном правителем дел компании Рылеевым, мы находим следующее сообщение: «В прошлом году в окрестностях Росса в нескольких испанских миссиях возмутились индейцы. Миссия св. Инессы разорена до основания. По уверениям калифорнийского губернатора, возмутившимися индейцами начальствовал бежавший из Росса промышленник Прохор Егоров; но стараниями правительства и духовенства сие возмущение было прекращено. Причем начальство колоний наших имело случай оказать калифорнийскому правительству важную услугу, снабдив оное довольно значительным числом пороха и ружей. Этот благоразумный

---

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 58, донесение главного правителя колоний главному правлению, апрель 1834 г., на лл. 1—20.

[2] Там же.

поступок г. Муравьева[1] укрепил наши дружественные связи с Калифорнией, а неприязненные действия Прохора Егорова (наконец, индейцами же убитого) заставили тамошнее правительство более уже не покровительствовать наших беглых, а выдавать нам, что они начали уже исполнять».[2]

В итоге колония Росс в 30-х годах приносила компании ежегодно убытка до 10 тысяч руб. В 1832 году, наиболее урожайном за все последние годы, убыток равнялся 7599 руб. «Можно утвердительно сказать, — писал правитель колоний барон Врангель, — что от содержания Росского отдела и в лучшие урожайные годы компания всегда будет претерпевать убыток, если останется селение на теперь занимаемых местах, не допускающих значительных улучшений по части сельского хозяйства».[3]

Врангель резко ставит вопрос о необходимости занятия равнин р. Славянки, расположенных между заливом Румянцева и Россом, с тем, чтобы ликвидировать имеющееся селение и полностью перевести его на вновь занятые места. Препятствием к такому продвижению и теперь, как и раньше, при возникновении предшествующих проектов подобного рода, было опасение «таковым предприятием возбудить зависть иностранцев, живущих в Калифорнии, и чрез их пронырства поставить и самое правительство Мексики против нас, или даже подвергнуться неудовольствиям нашего правительства за самопроизвольные занятия мест, столь отдаленных от утвержденных границ российских владений в Америке».[4]

Если основою планов Завалишина было достижение самостоятельности Калифорнии путем отделения ее от Мексики, которое, естественно, должно было поставить слабую Калифорнию всецело в зависимость от России, то врангелевский проект строился на договоре России с Мексикой, а следовательно, на сохранении зависимости Калифорнии от последней. Мексиканское правительство было в это время заинтересовано в признании его де юре со стороны России. Это укрепляло, во-первых, его внутреннее политическое положение, а, во-вторых, давало некоторую страховку от возможной интервенции Англии и Соединенных Штатов. Именно на это рассчитывал Врангель, выдвигая в своем проекте признание мексиканского правительства взамен территориальных уступок в Калифорнии

---

[1] Правитель колоний Российско-американской компании.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1825 г., д. № 692, л. 3 об.

[3] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 58, донесение главного правителя колоний главному правлению, апрель 1834 г., на лл. 1—20.

[4] Там же.

в пользу России. «Там хорошо поймут, — писал правлению компании Врангель, — что соседство горсти русских мужиков, так сказать, оторванных от своей родины, никогда не может быть опасным целости владений Мексики, а, напротив, русское поселение на этом месте может остановить, или, по крайней мере, затруднить гораздо опаснейшие для Мексики покушения англичан и Соединенных Штатов». [1]

Для того чтобы не возбуждать претензий других держав, вопрос мог быть поставлен даже не о передаче новой территории в собственность России, а о более или менее долгосрочной аренде ее компанией. Подобная форма была бы даже более удобной. Пятидесятилетняя аренда залива Бодего и равнин, прилегающих к р. Славянке, вполне устраивала компанию. Само мексиканское правительство, добиваясь признания, также стремилось к соглашению с Россией. 11 апреля 1833 года вновь назначенный мексиканским правительством начальник над гражданскими и военными делами Калифорнии бригадный генерал Фигероа обратился с письмом к правителю русских колоний Врангелю. В письме он сообщал о желании мексиканского правительства войти при его посредничестве «в дружеские сношения с императорским С.-Петербургским кабинетом и объявить оному, что мексиканская нация, утвердив свою независимость, следует правилам благоразумной политики и вознамерилась поддержать со всеми прочими народами союз и согласие, коих непременно требуют политика и обоюдные выгоды соседственных держав». [2]

Врангель понимал, что если момент будет упущен и Россию опередят другие державы, признав мексиканское правительство, то пропадет последняя надежда на закрепление русских в Калифорнии.

«Нужно спешить начатием переговоров с правительством Мексики об упомянутом предмете, — торопит Врангель правление компании, — медлительностью можно повредить успеху, допустить англичан или граждан Соединенных Штатов не токмо помешать нам, но и самим занять те места и лишить Российско-американскую компанию одного из прекраснейших приобретений в здешнем крае». [3]

Компании, однако, не удалось добиться согласия царского правительства на немедленное признание Мексики, и официальных полномочий Врангель не получил. Управляющий мини-

---

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 58, донесение главного правителя колоний главному правлению, апрель 1834 г., на лл. 1—20.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1834 г., д. № 61, лл. 161—162.

[3] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1834 г., д. № 1116, л. 13.

стерством иностранных дел через министра финансов уведомил правление компании, что, «рассмотрев вопрос о признании нового порядка вещей, введенного в прежних испанских владениях, в связи с настоящими важнейшими политическими соображениями, государь император не изволил признать еще возможным решиться теперь на такое признание». [1]

Врангелю разрешалось посетить Мексику лишь в качестве представителя Российско-американской компании, «вменив ему между прочим в обязанность удостовериться на месте, до какой степени акт признания русским правительством независимости республики мог бы склонить мексиканское правительство к формальной уступке занятых русскими в Калифорнии земель». В неофициальной инструкции, посланной Врангелю, министерство иностранных дел писало, что «вопрос о признании нового порядка вещей, введенного в прежних испанских колониях, слишком щекотлив и слишком тесно связан с важнейшими политическими соображениями, чтобы ныне возможно было кабинету нашему приступить к какому-либо окончательному по оному заключению». [2]

Все внимание международного жандарма, Николая I, было сосредоточено в этот период на французских и польских событиях. В то же время политика царизма в восточном вопросе реально угрожала столкновением с Англией. Выступить в этот момент с признанием Мексики для царского правительства было небезопасно. Этот шаг мог еще больше обострить отношения с Англией, и без того уже обеспокоенной русским проникновением в Азию и создавшейся угрозой ее индийским владениям. Самым же существенным в позиции русского правительства было то, что признание Мексики шло вразрез с политикой безоговорочной поддержки легитимизма в Испании, которой придерживался Николай. В противовес Александру он не терял надежды, что Испания в самом ближайшем времени сама справится со своими колониями, и тем самым Россия получит все ей необходимое в Калифорнии.

Этой мыслью проникнута и цитированная выше инструкция министерства иностранных дел Врангелю. «Впрочем, может быть, в скором времени, — читаем в инструкции, — России представится возможность приступить касательно Мексики к окончательному решению, не уклоняясь от правил, коими доселе руководствовалась она во всем, что относится до испанских колоний вообще». [3]

Не получив официальных дипломатических полномочий, Врангель очутился в Мексике в весьма затруднительном поло-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1834 г., д. № 1116, л. 15 об.
[2] Там же, л. 17 об.
[3] Там же, л. 18.

жении. Время было упущено. Англия уже признала Мексику, и мексиканское правительство не удовлетворялось предложением России о заключении торгового соглашения без формального признания. К тому же, по словам Врангеля, «министры Англии и Франции употребили свое влияние не допустить министров или вице-президента Мексики вступить в какое-либо со мной сношение». [1]

В конце концов Врангель все же добился того, что мексиканскому послу в Лондоне было поручено вести переговоры с русским представителем о заключении торгового договора с Россией без признания Мексики де юре.

Компания пытается воспользоваться хотя бы этой возможностью для того, чтобы не потерять связи с Мексикой и при случае воспользоваться теми осложнениями, которые неизбежно должны были возникнуть в отношениях мексиканского правительства и Соединенных Штатов. «Отношение Мексики к северным Соединенным штатам весьма много способствует к сближению с Россией, — писал Врангель по возвращении из Мексики, — особенно, если провинция Техас перейдет к северной конфедерации». Американский посол в Мексике Бутлер в разговоре с Врангелем об интересах Соединенных Штатов в заливе Сан-Франциско откровенно ему заявил: «Эту часть Калифорнии мы не упускаем из виду, у нас есть там люди, которые сообщают и доставляют нам всевозможные сведения оттуда, и недалеко то время, когда северная Калифорния перейдет к нашей Северной конфедерации». [2]

Однако напрасно компания всячески доказывала царскому правительству, что угроза со стороны Соединенных Штатов толкает Мексику на уступки России и что в этом случае даже наличие торгового договора сослужит известную службу. Николай I «не признал удобным дать этому делу дальнейший ход», наотрез отказавшись вступить в какое-либо соглашение с мексиканским правительством. А вскоре необходимость в переговорах с Мексикой о калифорнийских делах вообще отпала.

В октябре 1836 года Калифорния объявила себя самостоятельной и изгнала всех мексиканских чиновников. Если в начале 20-х годов, когда Российско-американская компания добивалась отделения Калифорнии от Мексики, провозглашение ее самостоятельности означало подпадение под полную зависимость от России, то теперь положение уже было иное. Выросла новая держава — Соединенные Штаты, которые ждали только момента, чтобы подчинить себе Калифорнию и затем превратить ее в свою территорию. «Американцы

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1836 г., д. № 71, л. 98.
[2] Там же, л. 101.

употребляют все меры, чтобы разжигать ненависть калифорнийцев против мексиканцев, и, кажется, надеются, — доносил правитель колонии Росс, — что Калифорния, отложась от Мексики, вступит есть ли не в подданство, то по крайней мере под покровительство Соединенных Штатов». [1] Компания всячески стремится в этот период, чтобы Калифорния осталась под властью Мексики, ибо это единственное, что могло затруднить внедрение Соединенных Штатов в Калифорнию.

Итоги переворота быстро сказались. В тридцати верстах от селения Росс американец Купер устроил ранчо. Еще одно американское ранчо предполагалось создать на мысе Драко. Было очевидно, что Росс будет очень скоро окружен со всех сторон американскими поселениями. Компания, не испросив даже санкции правительства, делает решительную попытку закрепить за собой ближайшие участки. Правителю Росса было предписано «занять под пашни по крайней мере места, близь самого залива находящиеся... дабы сим самым, дав возможные средства для успешного хода земледелия, упрочить за собою самый залив Бодего, ибо в настоящих обстоятельствах, — писал главный правитель колоний, — должно опасаться излишней скромности с нашей стороны». [2] Но и эта попытка воспользоваться гражданской войною в Калифорнии не дала ощутительных результатов. Кольцо американских поселений вокруг Росса сжималось все сильнее.

Колония Росс всегда приносила компании одни только убытки. Ее сохраняли лишь в надежде на благоприятные обстоятельства в будущем. Теперь и эта последняя надежда была потеряна. В составленной правлением Российско-американской компании в этот период сводной записке отмечается, что влияние Соединенных Штатов, усиливаясь в Калифорнии из года в год, привело к массовому заселению американскими гражданами Монтерея, С.-Франциско и прилегающих к ним районов. «По мере того, как промышленная деятельность сих опытных в спекуляциях пришельцев находила способы извлекать новые выгоды, — отмечалось в заключительной части записки, — маленькое, бесплодное заселение Росс должно было лишиться оных и даже терять надежды на будущее улучшение изменившихся обстоятельств». [3]

В первое время по получении в Петербурге известий о событиях в Калифорнии, когда роль в них Соединенных Штатов не была еще вполне ясна, у директоров компании и в

[1] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 62, л. 1.
[2] Там же, л. 7.
[3] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1839 г., д. № 1305, л. 11.

правительственных кругах мелькнула даже надежда на возможность воспользоваться гражданской войной и округлить территорию русского заселения. Однако с получением подробных сведений о положении в Калифорнии правление компании обратилось 31 марта 1839 года в министерство финансов с ходатайством о разрешении упразднить колонию Росс.

Отмечая, что компания все время не теряла надежды на расширение занимаемой ею в Калифорнии территории, дабы иметь возможность широко поставить там хлебопашество и скотоводство, правление констатирует, что «при настоящих же обстоятельствах надежда сия совершенно рушилась», и потому оно «не находит никакого основания и не усматривает уважительной цели для дальнейшего занятия селения Росс».[1] В политическом же отношении сохранение Росса ничего кроме неприятностей не сулит, так как до сих пор обладание им не закреплено никаким актом международно-правового характера. Наконец, и в стратегическом отношении потеря Росса, по мнению компании, несущественна для русских колоний в Америке, ибо все равно «англичане имеют свои гавани вплоть у наших границ; мексиканцы или калифорнийцы владеют превосходным заливом св. Франциска возле Росса, граждане Соединенных Штатов толпами заселяют берега этого залива и не имеют надобности в недоступной скале Росс».[2]

К этим весьма веским доводам правление компании присоединяло и чисто коммерческие соображения. Если раньше содержание колонии Росс ежегодно обходилось в 45 тысяч руб., то в 1839 году оно уже достигало 72 тысяч руб. Было время, когда пушной промысел в Калифорнии давал 29 тысяч руб. ежегодного дохода, теперь же, в 1837 году, пушные промыслы не производятся вовсе. Остались лишь доходы от сельского хозяйства, которые исчислялись в 8—9 тысяч, и мелкое ремесло (производство кирпича, дубление кож и пр.), которое в последние годы также доходов уже почти не давало.

Русский посол в Вашингтоне Бодиско, получив сведения о предполагаемой ликвидации колонии, поспешил уведомить министерство иностранных дел о том, как будет расценено в дипломатическом мире подобное мероприятие. «Позволю себе заметить, — писал Бодиско 10 (22) августа 1839 года, —

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1839 г., д. № 1305, доношение главного правления Российско-американской компании министру финансов, 31 марта 1839 г., на лл. 1—6.

[2] Там же.

что оставление Бодего и Росса произведет неблагоприятное впечатление на умы».[1] И действительно, сразу же после ликвидации Росса компания на северо-американском побережье начинает терять под видом аренды один свой участок за другим.

Калифорнийские колонии теперь для царизма были потеряны. Правда, несколько лет спустя, в начале 1848 года, когда Калифорния уже была занята американскими войсками, но официально присоединение ее к федерации еще объявлено не было, тот же Бодиско пытался внушить статс-секретарю Соединенных Штатов Бьюканену, что при желании Россия еще может вернуться назад в Калифорнию. Заявление это, сделанное в полушутливой форме, вызвано было тем обстоятельством, что за семь лет от американского подданного Суттера, которому было продано имущество Росса, не удалось еще получить ни одного гроша. До появления в Калифорнии американских войск компания успела заручиться обещанием мексиканских властей гарантировать ей уплату Суттером долга, что было зафиксировано даже в специальном соглашении. После оккупации Калифорнии пришлось обратиться к содействию американских властей или пытаться перепродать им имущество колонии.

«В продолжении моего разговора с г-ном Бьюканеном, — писал Бодиско 12 февраля 1848 года министру иностранных дел Нессельроде, — я вскользь указал на крайность, до которой может быть доведена Российско-американская компания, чтобы спасти свой капитал, — возвратиться в Росс и возобновить там свои сельскохозяйственные и торговые операции». «Я, — продолжает Бодиско, — прибавил смеясь: Вы когда-то завидовали немного этой маленькой колонии, и вот является случай заплатить 30 тысяч долларов, чтобы лишить компанию всякого повода для возвращения». Впрочем, Бьюканен так же мало верил этой возможности, как и сам Бодиско. «Конечно, ответил мне, — пишет Бодиско, — г-н Бьюканен тем же тоном, но начнем с получения объяснений и после этого мы можем решить, на каких условиях мы можем договориться».[2]

Открытие золота в Калифорнии заставило царское правительство пожалеть о том, что оно отказалось от калифорнийских колоний. Николай I распорядился даже в 1849 г. объявить Российско-американской компании, что «полезно было

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1839 г., д. № 217, переписка с Вашингтоном, на лл. 238—239. Перевод с французского.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1848 г., д. № 184, переписка с Вашингтоном, на л. 54. Перевод с французского.

бы оной заняться по примеру других частных лиц добыванием золота в Калифорнии».[1]

Однако компания, ссылаясь на отсутствие надежных людей, и не пыталась выполнить это распоряжение. Служащих компании, как доносило правление, «при существующем обычае предоставлять золото в собственность каждого добывателя, с трудом можно удержать от побегов». По существу же, от открытия золота в Калифорнии компания понесла лишь одни убытки. Участие компании в торговле, широко развернувшейся в Калифорнии благодаря колоссальной иммиграции, было незначительным. В то же время возросшие в Калифорнии цены на хлеб лишили компанию возможности закупать там продукты для других колоний. Как отмечал в своем докладе генерал-губернатор Восточной Сибири, «компания в затруднительном положении... потому что при сделавшейся чрезмерной дороговизне в Калифорнии, колонии лишились средства приобретать хлеб для продовольствия выгодными ценами и заготовляют оный в Балтийском море».[2]

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1849 г., д. № 1727, л. 23.

[2] Там же, л. 51.

VII

ПОСЕЛЕНИЯ НА ГАВАЙСКИХ ОСТРОВАХ И ПРОЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НА о. ГАИТИ

Попытка закрепиться на Гавайских или Сандвичевых островах, предпринятая в начале XIX века, не была личной авантюрой какого-то проходимца, как это впоследствии трактовалось в официальных документах, а входила составной частью в тщательно продуманный план экспансии на Тихом океане, разработанный и одобренный царским правительством.

Если закрепление в Калифорнии призвано было обеспечить господство в западной части северного бассейна Тихого океана, то поселения на Гавайских островах обеспечили бы преимущественное положение России в восточной части этого бассейна. Господство на Гавайских островах означало контроль над важнейшими узлами тихоокеанской торговли. Гавайские острова были промежуточным пунктом, куда неизбежно должны были заходить суда, следовавшие из Америки в Азию и в частности в Китай, который являлся основным пушным рынком. Недаром русские купцы говорили, что «тракт на Кантон — на островах Гавайских».

Такое положение островов в первую очередь побуждало компанию попытаться ими завладеть. «Чтобы утвердить политическое равновесие в Азии, Россия имеет надобность в Сандвичевых островах, по завладении коими предложить может дружбу свою Китаю, Японии, американским колониям, освободившимся от ига испанцев, как равномерно и покровительство островам Филиппинским и прочим»,[1] писал комиссионер компании доктор Шеффер Александру I.

Гавайские острова соблазняли компанию также своими большими природными богатствами, смутное представление о которых сулило частичное освобождение русской промышленности от импортного сырья и создание базы для снабжения

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, записка, представленная Шеффером Александру I, февраль 1819 г., на лл. 1—6.

русского рынка колониальными товарами. На островах предполагалось завести настолько обширные плантации хлопка, что «значительная часть россиян могут быть одетыми бумажными изделиями», развести тутовые деревья и при помощи приглашенных китайских специалистов заняться выделкой шелка. Проект компании предусматривал также разведение мериносовых овец и производство грубошерстных сукон и одеял, разведение сахарного тростника, всевозможных пряностей и, наконец, вывоз с островов сандалового дерева, пушнины и пр.

Кое-какие разведки на Гавайских островах делались Российско-американской компанией еще в 1806 году, когда компанейский корабль «Нева» под командою Лисянского приставал к о. Атуваю (Туаи-Кауаи). Туземный владетель Атувая Томари, собиравшийся в это время воевать с владетелем о. Овайги (Гавайи) Томи-оми, попытался прибегнуть к помощи русских, в частности просил снабдить его порохом и оружием. Однако компанейские офицеры не рискнули вмешаться в борьбу гавайских царьков. В 1809 году тот же корабль «Нева» под командой капитан-лейтенанта Гагемейстера вновь пристал к о. Атуваю. По словам офицеров, король Томари и на этот раз обратился к ним за помощью, прося оставить на острове русских поселенцев для защиты его от Томи-оми.

Все это были лишь предварительные разведки. Внимание Российско-американской компании в это время было направлено на овладение прибрежной полосой Калифорнии. Компанейские суда были заняты перевозкой оборудования для колонии Росс, а посылка в 1814 году на Гавайские острова судна «Беринг» окончилась неудачно: у берегов Атувая «Беринг» потерпел крушение, и весь его груз попал в руки Томари, что впоследствии, впрочем, явилось удобным поводом для посылки к этому острову русских экспедиций якобы для спасения захваченного груза. Таким образом, лишь в 1815 году компания получила возможность вплотную заняться реализацией своего плана проникновения на Гавайские острова.

Однако благоприятствовавшая России в первые годы второго десятилетия политическая конъюнктура к этому времени значительно ухудшилась. На непосредственное овладение Гавайскими островами рассчитывать уже не приходилось. Наполеон был разбит, англо-американская война закончилась. Это дало возможность и англичанам и американцам сконцентрировать свое внимание на северном бассейне Тихого океана. Три державы — Англия, Соединенные Штаты и Россия — зорко следили друг за другом, опасаясь, чтобы кто-нибудь из них не овладел островами. Маскируя свои захватнические планы, они стремились теперь укрепить независимость островов. Это обстоятельство усиливало туземных владетелей, ибо

каждая держава пыталась подкупить их и таким путем утвердить свое господство на островах.

При помощи английских агентов туземный владетель Томи-оми, владевший южной частью о. Овайги, расправился с остальными царьками и стал фактически правителем почти всех Гавайских островов за исключением Атувая и Онигау (Нигау), где утвердился Томари, сын Дожио, убитого владетеля Овагу, Атувая и других мелких островов.

Томи-оми, именовавшийся впоследствии Камехамехи I, вооружил при помощи англичан свою армию огнестрельным оружием, обзавелся артиллерией и даже несколькими судами европейского образца. Окруженный иностранцами (даже губернатором о. Овайги был беглый английский матрос Джон Юнг), он склонялся в сторону той державы, которая в данный момент располагала на островах бо́льшими силами и платила дороже за товары.

В 1794 году, когда к о. Овайги приплыл капитан Ванкувер, Томи-оми заявил о своем желании принять английское подданство, что не помешало ему после ухода Ванкувера предоставить исключительное преимущество американским торговцам и отдать им монопольное право на вывоз всех товаров. Долго отмалчивавшийся Сен-Джемский кабинет в 1812 году, в период обострения англо-американских отношений, когда даже подозрение о принадлежности Гавайских островов Англии могло дать Америке повод к их захвату, вынужден был отклонить предложение Томи-оми о подданстве.

Его соперник Томари ориентировался на американцев. При их помощи он вооружил армию, приобрел несколько орудий и даже мечтал о том, чтобы завести флот для борьбы с Томи-оми.

Такова была ситуация на Гавайских островах к 1815 году, т. е. к моменту, когда Российско-американская компания предприняла решительные шаги к закреплению на островах. Эту операцию правитель русских колоний в Америке Баранов предполагал вначале поручить лейтенанту Лазареву, находившемуся на о. Ситхе. Однако недоразумения между Барановым и Лазаревым привели к тому, что Лазарев на корабле «Суворов» отплыл из Ситхи в Кронштадт. Тогда овладение Гавайскими островами Баранов поручает комиссионеру компании — доктору Шеффер, единственному из команды корабля «Суворов», оставшемуся в колониях.

Доктор медицины Шеффер был типичным авантюристом, каких в то время подвизалось много в колониальных владениях всех держав. Приехав в 1808 году в Россию, Шеффер в следующем году поступил врачом в московскую полицию, где прослужил до 1812 года. В 1813 году он перешел на службу в Российско-американскую компанию и был послан

судовым врачом и комиссионером в кругосветную экспедицию на «Суворове». Перессорившись во время плавания с большинством офицеров, Шеффер в Ситхе был списан с «Суворова» «как лицо нетерпимое на судне». Баранову Шеффер показался вполне пригодной кандидатурой для руководства экспедицией на Гавайские острова, ибо он был врачом, что давало ему ряд преимуществ в сближении с туземными царьками.

Для большей конспирации решено было отправить Шеффера на американском судне «Изабелла», которое в октябре 1815 года доставило его к принадлежавшему Томи-оми о. Овагу (Вагу). Вслед за ним в марте 1816 года для «размена» с туземцами к Гавайским островам прибыли два хорошо вооруженных русских судна — «Кадьяк» и «Открытие».

Шеффер, приехав официально для приема имущества погибшего русского судна «Беринг», решил вначале действовать через Томи-оми, владевшего большинством Гавайских островов. Однако, как сообщается в его путевом журнале, «...прежде, нежели мог Шеффер быть на берегу, некоторые капитаны или шкипера, бывшие прежде в наших колониях, а потом пришедшие туда со своими судами, а наиболее старый Эбез Гунт, Адамс и старый Джон Юнг, давно живущий на сем острове в качестве губернатора и имевший великое влияние на короля, успели уже Томи-Оми и многих лучших островитян уверить, что прибытие его, Шеффера, и ожидаемые им вскоре из Новоархангельска компанейские суда суть неприязненные намерения русских, почему письмо с медалью, наперед присланное Томи-Оми, было не распечатано и возвращено».[1]

Тем не менее Шефферу все же удалось высадиться на берег. Он сумел стать лейб-медиком Томи-оми и якобы в «благодарность» за оказанную медицинскую помощь получил плантации на о. Овагу, где уже находились американские плантации братьев Виншеп.

За шесть месяцев, отделявших приезд Шеффера от прибытия компанейских судов, на отведенных ему плантациях Шеффер выстроил несколько домов, начал разводить табак и разные растения. Полученную в «дар» территорию он постарался расширить за счет скупаемых у туземцев земель. Активная деятельность Шеффера очень быстро восстановила против него американских торговцев, ибо Шеффер, помимо всего, явно претендовал на монопольный вывоз всего сандалового дерева. Поэтому американцы всячески пытались поссорить Томи-оми с Шеффером и, как сообщали свидетели, «рас-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, извлечение из представленного Шеффером журнала его пребывания на Гавайских островах, на лл. 35—37.

страивали короля Томи-Оми и даже довели было до согласия убить его, Шеффера».

Только прибытие компанейских судов спасло Шеффера, который с этого момента решительно меняет курс и начинает ориентироваться на короля о. Онигау и Атувая Томари, противника Томи-оми.

Спасаясь от преследования, Шеффер бежал с о. Овагу, оставив там для охраны русской фактории несколько служащих компании. На компанейском судне «Открытие» он перебрался на о. Онигау, а затем на Атувай, где находился Томари. Как отмечает Шеффер в своем журнале, король Томари принял его «хотя и дружелюбным образом, однако же замечено было в нем некоторое замешательство, происходившее, как после открылось, от таковых же неприязненных внушений северо-американских шкиперов, каковые были сделаны и у Томи-Оми».

Томари, однако, очень скоро учел, что помощь русских будет для него весьма существенна в его борьбе с Томи-оми. Поэтому он внезапно проникся необычайным уважением к России и просил Шеффера исходатайствовать ему покровительство русского императора.

21 мая 1816 года Томари официально «принял русское подданство». По словам одного из служащих, сопровождавших Шеффера, эта церемония была обставлена чрезвычайно торжественно. «Король сам повез российский флаг с судна на берег, где поднял его на флагшток...» Получив одобрение своим действиям «от богов и жрецов», Томари в знак благодарности «построил статуям своим новую морею, или храм, и принес им в жертву разные плоды, скотов и, если не ошибаемся, двух человек».[1] В ознаменование события «король передал еще в дар компании на всегдашние времена целую область, содержащую около 400 семейств индейцев, которая служить может для построения плантажей, фабрик и т. п.»

От имени Российско-американской компании Шеффер заключил с Томари четыре конвенции. Согласно первой конвенции Томари предоставлял компании исключительное право вывоза сандалового дерева с о. Атувай, разрешал ей повсеместно строить фактории и устраивать плантации «с помощью островитян». Вторая конвенция касалась уступки «на вечность в пользу компании половинной части острова Вагу с жителями и что есть в земле оного». Но так как о. Вагу пока еще принадлежал Томи-оми, компания должна была «сделать королю помощь под управлением того доктора Шеффера в звании шефа его войск из 500 человек для возвращения отторгнутых у него островов Вагу, Ранай, Муви, Маракай и про-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 42.

чих, кои король также покоряет высокому покровительству государя императора». Согласно третьей конвенции компания обязывалась купить на свой счет у бостонского капитана Витимора вооруженное судно для экспедиции против короля Томи-оми, причем Томари должен был уплатить за это судно сандаловым деревом. Судно это действительно было Шеффером куплено, а счет к оплате переслан к правителю колоний Баранову. И, наконец, по четвертой конвенции Томари «дарил» Баранову на том же о. Вагу три гавани «без взимания для себя податей». [1]

Решительные действия Шеффера получили открыто выраженное одобрение правления компании. 20 августа 1817 года компания посылает Шефферу инструкцию: «О защите короля Томари от других островных владельцев, ежели токмо оные случатся не по влиянию какой-либо европейской нации, или не от нее самой, ... о уважении сего короля столько, сколько требует образ дикой его жизни». О похождениях Шеффера и о том, что Томари ходатайствует о принятии его в русское подданство, было 25 августа 1817 года доложено Александру, и сообщение это не встретило с его стороны никаких возражений.

Между тем, Шеффер продолжал свою деятельность, направленную к полному овладению Гавайскими островами. По распоряжению Томари, «старшины провинции, в которой гавань Ганнарей, торжественно сдали оную Шефферу с населяющими оную 30-ю семействами. Он осмотрел сию гавань, реку Богмею, озера и все местоположение, заложил на трех возвышенностях крепости, назвав одну Александровскою, другую Елизаветинскою, а третью именем Барклая, а долину Ганнарейскую по желанию короля наименовал по своему имени Шефферовой, равно и прочие урочища, речки, озера и людей переименовал русскими именами. К строению оных крепостей король давал своих людей». [2]

В «The Hawaiian Spectator», где была напечатана небольшая заметка о попытках русских обосноваться на Атувае, написанная по рассказам очевидцев (автор ее прибыл на острова в 1820 году), имеются сведения о том, что построенные Шеффером (в заметке он назван Schoof) форты были вооружены пушками. «По одной стороне построены магазины и утвержден флагшток, на котором при известных случаях вился русский флаг». [3]

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, лл. 19 об. — 20.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, извлечение из представленного Шеффером журнала его пребывания на Гавайских островах, на лл. 35—37.

[3] «The Hawaiian Spectator,» v. I, p. 48—52, Honolulu, 1838.

Аналогичные сведения сообщает и один из служащих компании, вернувшийся на судне «Открытие» с Гавайских островов. Он видел построенные туземцами для Шеффера факторию и магазины. Шеффер велел передать Баранову, что он «скоро будет принимать целую губернию, королем компании подаренную на острове Ваге. Из сего, — как сообщает компания, — заключить должно, что он, Шеффер, отправится на сей остров с войском Томари на купленном для него судне или на другом компанейском». [1]

Одновременно компания вела наступление на принадлежавшие Томи-оми владения и с другой стороны. Еще в ноябре 1816 года, в момент, когда Томи-оми изгнал Шеффера, капитан Коцебу доставил в помощь последнему на бриге «Рюрик» еще одного служащего компании — Элиота, по происхождению португальца. Джон Элиот де-Кастро во многом напоминал Георга Шеффера. Де-Кастро был такой же искатель приключений и также обладал кое-какими сведениями в медицине: он даже служил одно время лекарем в госпиталях в Рио-де-Жанейро.

Идя по стопам Шеффера, де-Кастро быстро стал главным советником Томи-оми, лишившегося с отъездом Шеффера необходимого ему врача. По сведениям Коцебу, Томи-оми также подарил своему новому «наперснику» Элиоту «большое пространство земли». [2]

Таким образом, на территории Томи-оми русские имели уже два участка. Дальнейшего расширения владений на территории Томи-оми и, в частности, на о. Вагу, «подаренном» России Томари, не имевшим на него никаких прав, Шеффер мечтал добиться вооруженной рукой: он предполагал покончить с войском Томи-оми при помощи купленной им шхуны «Лэди».

Обо всем этом совет компании сообщил 19 января 1818 года управляющему министерством иностранных дел. Однако международная обстановка в течение этого, хотя и непродолжительного, промежутка времени изменилась. Позиция, занятая в этот период Россией в Священном союзе по вопросу об испанских колониях в Америке, заставляла правительство воздержаться от того, чтобы санкционировать овладение Гавайскими островами. Опасаясь захвата Англией испанских колоний, объятых революцией, царское правительство на словах выступает защитником Испании и принадлежащих ей ко-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 20 об.

[2] *О. Коцебу,* Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением гр. Н. П. Румянцова на корабле «Рюрике», т. II, СПб., 1821, стр. 18.

лоний, ссылаясь при этом на «принципы международного права», что не мешает ей претендовать на часть испанских колоний в Калифорнии. Все же в такой момент откровенный захват в Тихом океане якобы самостоятельных островов, первенство на которые принадлежало ранее по праву открытия испанцам, а в XVIII веке — англичанам, — был весьма неуместным.

Управляющий министерством иностранных дел Нессельроде сообщил 24 февраля 1818 года министру внутренних дел Козодавлеву: «Государь император изволил полагать, что приобретение сих островов и добровольное их поступление в его покровительство не только не может принести России никакой существенной пользы, но, напротив, во многих отношениях сопряжено с весьма важными неудобствами. И потому его величеству угодно, чтобы королю Томари, изъявя всю возможную приветливость и желание сохранить с ним приязненные сношения, от него помянутого акта не принимать». [1]

Российско-американской компании предлагалось в сношениях с Гавайскими островами придерживаться общепринятых для других государств правил. Одновременно Нессельроде подчеркивал, что «донесения, полученные... от доктора Шеффера, доказывают нам, что необдуманные поступки его дали уже повод к некоторым неблагоприятным заключениям». [2]

Ввиду занятой министерством иностранных дел позиции, совет Российско-американской компании нашел весьма остроумный выход. Баранову, как сообщал совет, якобы было послано предписание постараться принять все меры к вызову Шеффера к себе и затем к отправке его в Петербург. «Но как он иностранец, — пишет совет компании, — и разочтяся с компаниею, может быть, пожелает сам по себе опять обратиться на Сандвичевы острова, дабы обладать подаренною ему землею от другого короля Томи-оми, в чем ему без явного нарушения прав его свободы воспрепятствовать не можно, особенно, когда узнает он, что король Томари не принят в покровительство России, то ежели б случилось, что он подлинно предпринял обратиться паки на те острова на иностранных судах и, может быть, еще и под благовидным каким предлогом, то бы постарался господин Баранов сделать его дружественным для компании, которой он в противном расположении может наделать много вреда». [3]

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 12.
[2] Там же, л. 13.
[3] Там же, л. 21.

Иными словами, компания предлагала использовать иностранное подданство Шеффера для того, чтобы представить все его действия на Гавайских островах как его личные поступки, за которые Россия ответственности не несет, но благами которых пользуется. Однако и само правительство, не имея возможности в это время дать санкцию на захват Гавайских островов, не собиралось их упускать из виду. Задача состояла в том, чтобы выждать более удобного момента.

Уже 5 августа 1818 года, по представлению Российско-американской компании, Александр I «соизволил признать за нужное, для поощрения оных сношений, пожаловать тамошнему владельцу, по имени Томари, золотую медаль на Анненской ленте для ношения на шее, с надписью «владетелю Сандвичевых островов Томари, в знак дружбы его к россиянам», да сверх того, в виде подарка, кортик с приличною оправою и кармазинный плащ с золотыми кистями и такими же позументами». 8 августа 1818 года правление было уведомлено, что Александр предписал подлинный акт о принятии Томари русского подданства обратно не отсылать, «полагая, что сие может огорчить сего владетеля». [1]

Но уже через пять дней правление Российско-американской компании сообщило в министерство внутренних дел о полученном из Макао письме от Шеффера, датированном 20 сентября 1817 года, в котором Шеффер сообщал, что «через политические обстоятельства принуждены были русские оставить остров Атувай», а он сам направляется в Петербург. По сведениям, доставленным лейтенантом Коцебу, «Шеффер со своим отрядом согнан с острова Атувая самим владельцем Томари, от которого не получил он и то пограбленное компанейское имущество, оставшееся с разбитого ее судна Беринга». [2] Уведомляя об этом правительство, компания просила приостановить изготовление для Томари золотой медали и прочих подарков.

Крушение планов Шеффера было вызвано решительным противодействием, которое встретила компания со стороны американских купцов, имевших на Гавайских островах весьма существенные торговые интересы. Гавайские острова были не только необходимой морской базой на торговых путях в Китай, но и единственным местом вывоза сандалового дерева, которое американские купцы с успехом сбывали в Кантоне.

Вначале борьба с Российско-американской компанией велась экономическим путем. Помимо уже существовавшей фак-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 38.
[2] Там же, лл. 32 об. — 33.

тории братьев Виншеп на о. Овагу, подвластном Томи-оми, американцы устроили свою факторию и во владениях Томари. Стараясь всячески заинтересовать Томари в торговых сношениях, американцы перекупали у него по дорогой цене те товары, которые он уже запродал русским. «На острове Атувае, — доносили служащие компании главному правлению, — именем тамошнего короля Томари и его тоенов в 1816 году завели они [американцы. — *С. О.*] факторию для противодействия русским и Российско-американской компании; для чего и купили у короля земли, плантации и все сандаловое дерево, сколько оного находится на том острове, и чего король ни требовал за то от них, они все заплатили. Сверх того откупили и всю годовую провизию, как то: сухую тару,[1] соль, кокосовые орехи и прочее, что король обязался контрактом доставить русским за груз на 12 тысяч руб. таких товаров, какие ему будут потребны».[2]

Однако агрессивная политика компании, выразившаяся в покупке военного судна и подготовке наступления на владения Томи-оми, заставила американцев перейти к более решительным действиям.

Когда купленная Шеффером у американского шкипера вооруженная шхуна «Лэди» прибыла во владения Томи-оми к о. Овагу, где находилась русская фактория с несколькими служащими компании, фактория оказалась разгромленной. Разгромом руководил сам «министр» Томи-оми — Джон Юнг, подкупленный американскими купцами.

«Таким образом кончилась наша фактория на Вагу [Овагу] и подаренные и проданные семейством Томи-оми земли обратились во власть прежних владельцев», меланхолически пишет Шеффер в своем журнале.[3]

Служащие компании были насильно посажены на шхуну и отправлены на Атувай. Но и на Атувае пребывание русских оказалось недолговечным. В мае 1817 года с Овагу на Атувай были присланы от американцев 5 ботов с туземцами и письмо, после чего, как пишет Шеффер, «началась революция против русских».

Американцы — служащие компании, в том числе и капитан находившегося в Атувае компанейского судна «Ильмен» Воздвит, бежали с судов. Вместе с туземцами они захватили Шеффера и его спутников и, насильно усадив в лодку, свезли на стоявшее на рейде компанейское судно «Кадьяк». Под

---

[1] Тара — род съедобного корня.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 43.

[3] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, извлечение из представленного Шеффером журнала его пребывания на Гавайских островах, на *лл.* 35—37.

угрозой расстрела судна из пушек Шефферу было предложено в 24 часа покинуть остров.

Но на «Кадьяке», имевшем пробоину, к тому же не оказалось ни провизии, ни воды. С трудом добрался «Кадьяк» до о. Овагу и здесь в трех милях от гавани Ганноруа (Гонолулу) остановился, дав сигнал о бедствии.

Служащие компании сдали все пушки, ружья и даже сабли и копья под угрозой, что иначе они не будут пущены в гавань. Но и после сдачи оружия «Кадьяк» еще восемь дней стоял за пределами гавани, где в это время распоряжался капитан находившегося там американского судна «Войлс».

Шефферу удалось пересесть на одно из случайно зашедших в Гонолулу иностранных судов. На нем он добрался до Кантона, а оттуда отправился в Петербург, где надеялся «сыскать подкрепление прав своих на здешние острова».[1]

Записка о Сандвичевых островах, представленная по приезде в Россию «коллежским ассесором» Шеффером Александру I, характеризует их «в отношении выгод физических», в отношении «выгод торговли» и, наконец, «в отношении политическом». Соображения Шеффера были подвергнуты в департаменте торговли и мануфактур уничтожающей критике, так как его записка рассматривалась уже в тот период, когда закрепиться на Гавайских островах царское правительство, по существу, не имело никаких надежд.

Шеффер выдвигал проект устройства на Гавайских островах грандиозных плантаций хлопка. Исходя из того расчета, что он собрал 3½ пуда «чистой бумаги» с 10 сажен земли, Шеффер подсчитал, что на Гавайских островах можно возделывать и продавать в Китай и Японию хлопка ежегодно на сумму в 4 миллиона пиастров. По этому поводу рецензент из департамента иронически заметил: «ежели и действительно справедливо, что там хлопчатая бумага родится изобильно, то остается вопрос, кем ее обрабатывать с выгодою и куда сбывать без непосредственной торговли с Японией и Китаем».

Так же скептически было встречено заявление Шеффера о том, что «климат Сандвичевых островов благоприятствует к заведению там мануфактур», что «будущая хлопчатая бумага доставит изделия для половины России, отчего и выгоды представлены немаловажные», что на островах возможно разведение мериносов, разведение шелковичных деревьев и шелковичного червя и впоследствии учреждение шелковых и сахарных фабрик. «Мудрено будет устроить правительству мануфактуры на островах, в другом полушарии находящихся», возражает Шефферу чиновник из департамента мануфактур и внутренней торговли.

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1817 г., д. № 350, л. 45.

Наиболее веские возражения, однако, встретили не экономические проекты Шеффера, а его политические планы овладения Сандвичевыми островами. Исходя из сообщения самого же Шеффера, что меновая торговля с туземцами всецело находится в руках американцев, снабжавших островитян всем вплоть до огнестрельного оружия, пушек и ядер, департамент мануфактур совершенно резонно указывал, что американцы «как их соседи, сильные на море, всякую другую державу, не имеющую в тех морях флота, к сей связи неохотно допустят». Подтверждение этой мысли департамент находил и в отказе английского правительства в 1812 году от принятия в свое подданство короля о. Оваи Томи-оми. Сообщение Шеффера о переговорах Томи-оми с англичанами вызвало лаконическую реплику: «конечно, были достаточные политические причины и для английского кабинета не принять в свое ведение обладателя островов Оваи».

Оставшись не у дел, доктор медицины Шеффер в поисках новых авантюр отправился в Бразилию. Он вошел в доверие бразильского императора, достиг высокого положения и получил даже титул графа Франкендальского. По поручению императора он выезжал в Европу для набора солдат в бразильскую гвардию.

Несмотря на провал гавайской экспедиции Шеффера, Российско-американская компания не желала отказываться от своих планов. Помимо записок Шеффера, поданных им лично Александру, директора и члены компании обивали пороги правительственных учреждений и в разосланных влиятельных сановникам «Мнениях правления» пытались доказать, что Гавайские острова должны принадлежать русским. Ни испанцы, ни англичане, ни американцы, — утверждало правление, — не имеют права на приобретение островов. Испанцы, несмотря на то, что они первыми в начале XVIII века открыли Гавайские острова, не могут и не будут препятствовать их захвату, ибо они и раньше не претендовали на владение ими. Англичане же, хотя Кук и Ванкувер ранее и приставали к этим островам и названы они по имени лорда Сандвича — Сандвичевыми, не могут претендовать на них, так как само английское правительство отказало Томи-оми в принятии его в британское подданство. И, наконец, американцы, для которых острова удобны как транзитный путь в Китай, по мнению компании, не имеют права на владение ими, поскольку до сих пор официально не заявляли о своих притязаниях. Отсюда компания делала вывод, что право на Гавайские острова имела единственно Россия.

Соглашаясь с тем, что предложение Шеффера о посылке новой экспедиции на Гавайские острова для вооруженного их захвата в данный момент невыполнимо, правление выдви-

гало другой план. Следует прибегнуть к посылке двух судов: одного — военного, для прикрытия, и другого — с русскими промышленниками, которые должны там поселиться. Расчет при этом был на содействие того же короля Томари. Ежегодной регулярной посылки одного военного судна, как утверждало правление, будет вполне достаточно для того, чтобы никто больше не претендовал на русские владения на Гавайских островах.

Политическая ситуация не позволила правительству принять и этот проект закрепления на Гавайских островах. Не возражая против закрепления компании на территории островов, правительство решительно отказало ей в помощи вооруженной силой. Министр иностранных дел Нессельроде в письме министру внутренних дел Козодавлеву сообщил ему по этому поводу следующее мнение Александра I: «Что касается до намерения компании стараться о восстановлении с этими островами дружественных сношений, то, одобряя оное и желая полного успеха, его императорское величество уверен, что при благоразумных распоряжениях и осмотрительном выборе со стороны ее правления скромных и осторожных по делам исполнителей компания приобретет сими средствами с большею благонадежностью те же выгоды и пользу, коих ожидает от непрочного сими островами обладания».[1]

На этом пути, однако, Российско-американской компании не удалось добиться успеха. Хотя она и продолжала посылать на Гавайские острова свои корабли (в 1819 году на Гавайские острова был направлен вновь купленный бриг «Бутус», капитан которого должен был встретиться с Томари), все же никаких существенных результатов компания не добилась. Правлению оставалось только сожалеть о чрезмерной горячности Шеффера, приведшей к потере гавайских колоний. «Если бы сей поверенный Баранова, — пишет директор компании Хлебников, — не с таким жаром принялся за дело, а был осмотрительнее и осторожнее, то пользуясь с умеренностию и уменьем обстоятельствами, остался бы сперва владетелем небольших плантаций на Воагу и Атувае, а после мог бы, сообразно силам и обстоятельствам, упрочить, а не увеличивать оные».[2]

Захват Гавайских островов, как мы уже отмечали, должен был послужить первым шагом к закреплению России в северной части Тихого океана. Неудача этой попытки, однако, не

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1819 г., д. № 406, письмо управляющего министерством иностранных дел К. В. Нессельроде министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, 24 июня 1819 г., на лл. 52—55.

[2] [*К. Хлебников*], Жизнеописание А. А. Баранова, главного правителя российских колоний в Америке, СПб., 1835, стр. 168.

остановила деятельности Российско-американской компании по осуществлению аналогичных планов в северо-западной части Атлантического океана.

Предпринятая в начале 20-х годов попытка овладеть о. Гаити из группы больших Антильских островов тесно связана с именами декабристов, близко стоявших к Российско-американской компании.

Остров Гаити как объект будущей русской экспансии часто фигурировал в их беседах. Даже в письмах, написанных на имя Николая I из тюрьмы, декабрист Штейнгель не забывает о Гаити. «Я имел счастие, — пишет Штейнгель, — представлять покойному государю — воскресить флот, поощрить к мореплаванию честных людей, к чему призывают Гаити и Америка».[1]

Овладение Гаити должно было быть осуществлено декабристом Завалишиным при помощи французского генерала Якова Бойе, долгое время служившего в Сан-Доминго. Участник похода на Москву, взятый в плен при Березине, Бойе навсегда остался в России. Известно, что в 1822 году генерал Бойе с разрешения Александра I ездил якобы в интересах французского правительства в Сан-Доминго. Однако, судя по показаниям, данным Завалишиным Следственной комиссии 4 октября 1826 года,[2] поездка Бойе на Гаити имела иной характер. По словам Завалишина, Бойе подал Александру I проект о торговле с о. Гаити. Проект этот был одобрен, однако, было указано на необходимость предварительного признания независимости Гаити со стороны Франции. Только после этого можно было, не обостряя взаимоотношений с Францией, попытаться экономически закрепиться на о. Гаити. Поездка Бойе на Гаити в 1822 году, именно в момент признания Францией независимости острова, имела своей целью отнюдь не «интересы французского», а интересы русского правительства.

Признание Францией самостоятельности Гаити совпало с обострением международной обстановки в связи с греческим восстанием и испанскими делами, когда интерес со стороны русского правительства к дальнейшей экспансии на американском материке, естественно, упал. Зато проекты Бойе оказались весьма заманчивыми для Российско-американской компании, с которой он вскоре сблизился. Для компании Бойе был вдвойне ценным человеком, так как, помимо прекрасного знания обстановки и характера торговли с Гаити, он находился в близких отношениях с тамошними властями. По некоторым

[1] Из писем и показаний декабристов, под ред. А. К. Бороздина, СПб., 1906, стр. 71. Разрядка моя. — *С. О.*

[2] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 47, л. 156.

сведениям, генерал Бойе состоял в родстве с президентом негритянской республики в Гаити, мулатом Бойе.[1]

На Гаити решено было отправить корабль с товарами под командой вернувшегося из Калифорнии Завалишина. По словам Завалишина, план заключался в следующем: «Я поведу корабль, генерал Бойе поедет со мною, я же изложу главные основания для сношений республики с Россией, чтобы посылкою специального агента не выказать слишком большой торопливости; а пока предложенные мною основания будут обсуждаться, а груз будет распродаваться, я займусь учеными исследованиями в Антильском море и посещу разные порта как на островах, так и на материке, собирая в то же время сведения и по предметам прямой торговли между Россиею и посещаемыми местами».[2]

Экспедиция на Гаити должна была отправиться в сентябре 1826 года. Однако этому помешали события 14 декабря 1825 года. Добиваться разрешения правительства на отправку экспедиции на Гаити пришлось уже Мордвинову, в то время, когда некоторые из авторов этого проекта находились в крепости или ссылке.

Вопрос о разрешении Российско-американской компании вести торговлю с о. Гаити поступил на рассмотрение министра финансов лишь в октябре 1826 года. Основания, на которых компания предполагала начать эту торговлю, были те же, что намечались раньше. Непременной предпосылкой было условие, что «правительство даст преимущества пред прочими сбавкою торговых пошлин».[3]

Несмотря на то, что комитет министров признал возможным разрешить компании совершить два рейса на остров Гаити без оплаты пошлин, вопрос этот, в виду протеста министра финансов, был передан на рассмотрение в Государственный совет.

В представлении Российско-американской компании и особом мнении, заявленном в январе 1827 года в заседании комитета министров адмиралом Н. С. Мордвиновым, говорится о тех задачах, которые ставила себе компания, выступая с проектом установления торговой связи с Гаити. Компания особенно подчеркивала, что «остров Гаити может служить выгоднейшим местом складки товаров между северными и южными странами Америки и для доставления оных оттуда в Российско-американские колонии и к восточным берегам Сибири».[4] Значение складочных мест для развития колониаль-

---

[1] *Д. Завалишин,* Записки декабриста, стр. 229.

[2] Там же.

[3] ГАФКЭ, фонд Следственной комиссии, д. № 48, показания Завалишина от 4 октября 1826 г., л. 156.

[4] АВПК и Б, фонд Государственного совета, департамент экономии, 1827 г., д. № 23, л. 2.

ной торговли подчеркнуто было также и в особом мнении Мордвинова. «Англия основала внешнюю торговлю на складочных местах для удобнейшей продажи своих изделий», [1] — писал Мордвинов.

Действительно, устройство складочных пунктов обычно являлось первым шагом по пути к экономическому, а подчас и политическому овладению чужой территорией. В отношении к о. Гаити это имело особое значение. Подобно тому как Гавайские острова являлись необходимой транзитной базой между Северной Америкой и Азией, Гаити должен был стать транзитной базой для связи между русскими колониями в Северной Америке и островами Южной Америки и в то же время связать русские колонии с европейским материком.

Говоря о необходимости завязать торговлю с Гаити, Мордвинов подчеркивал, что «начать должно испытание даже и с потерями, имея в виду будущую для российской торговли пользу и для учреждения благовременно запаса из нужных северо-западным нашим колониям потребностей и из обменных с дикими того края народами товаров, при первом открытии плавания через Панамский перешеек, по сему ближайшему в Тихое море пути». [2] Далее он отмечает «еще ту выгоду, что нынешнее предположительнейшее по времени и по расстоянию плавание» может быть разделено «на два ближайшие — одно из Балтийского моря к о. Гаити, а другое оттуда к колониям, содержа для сих двух переходов особые суда, чрез что последует меньшая потребность в нагрузке для кораблеслужителей провианта, который заменится торговым грузом, да и многие другие извлечет компания удобства и пользы при кратчайших плаваниях». [3]

Планы закрепления на о. Гаити объяснялись не только непосредственными торговыми выгодами компании, но и тем значением, которое приобретал этот остров в связи с изменением положения России после заключения конвенций 1824—1825 годов на северо-американском материке. Колония Росс все еще не стала житницей для американских колоний, и надеяться на дальнейшую экспансию на северо-американском материке, как мы уже не раз отмечали, ввиду препятствий со стороны Англии и Соединенных Штатов, не было никаких оснований. Компания же прекрасно понимала, что «при настоящем положении европейских торговых народов тот из них, который не распространяет торговли, не

---

[1] АВПК и Б, фонд Государственного совета, департамент экономии, 1827 г., д. № 23, особое мнение графа Н. С. Мордвинова, на лл. 6—16.
[2] Там же. В тексте: «Панаминский перешеек». — С. О.
[3] Там же.

расширяет пределов для оной и не отыскивает новых торжищ, неминуемо может потерять и старый свой торг, ибо повсюду может быть вытеснен огромными других капиталами, также избыточеством и дешевизною их товаров».[1] Закрепление на Гаити, по мнению компании, должно было также способствовать проникновению русских в южно-американские государства.

Все эти доводы, однако, не достигли своей цели. Слухи о намерении компании привозить беспошлинно с Гаити кофе, индиго и, в особенности, сахар вызвали сильное беспокойство среди петербургских купцов, обратившихся по этому поводу к министру финансов Канкрину со специальным прошением. Домогательства компании о разрешении беспошлинной торговли с Гаити большинством голосов в Государственном совете были отклонены. Завязать же торговые сношения с Гаити на общих основаниях, с уплатой всех полагающихся пошлин, Российско-американская компания, воспитанная на правительственных привилегиях, не рискнула. Так этот проект и не был реализован.

[1] АВПК и Б, фонд Государственного совета, департамент экономии, 1827 г., д. № 23, особое мнение графа Н. С. Мордвинова, на лл. 6—16.

VIII

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫСЛОВЫХ РАБОЧИХ В РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ В АМЕРИКЕ

Российско-американская компания систематически испытывала недостаток в рабочих руках. Для нее чрезвычайно важно было, кроме того, создать в колониях постоянное русское оседлое население, без чего прочное освоение края было невозможно. В разрешении этого вопроса компания наталкивалась, однако, на непреодолимые препятствия. Господство крепостнической системы снижало до минимума количество свободных рабочих рук в стране и определяло политику правительства, препятствовавшего оседанию русского населения в Америке, несмотря на естественную, казалось бы, в этом заинтересованность.

Вопрос о привлечении в колонии оседлого русского населения был поднят почти одновременно с возникновением компании. «Как истинные силы тамошних областей состоять должны во множестве селений и людства, — писал Резанов в своем плане реорганизации колоний, представленном им правлению, — то и нужно поболее приглашать туда русских, которые бы, подавая пример хозяйственной жизни, смягчили исподволь дикость американцев и приуготовляли желаемые из них общества». Резанов считал необходимым сконцентрировать в колониях как можно больше свободного русского населения, приравнять к нему по правам и креолов, число которых с каждым годом все увеличивалось, ибо русских женщин в колониях почти не было.

Это должно было быть население, независимое от компании, — нечто вроде американских фермеров. По предположениям Резанова, надлежало «всем им отвести земли на возделывание и в постройках сделать помощь от компании».[1]

В 1808 году в Государственном совете рассматривалось одобренное министром коммерции представление компании

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1818 г., д. № 361, л. 30.

о дозволении селиться в американских колониях «людям свободным, как то купцам, мещанам, государственным и экономическим крестьянам, ясашным, отставным солдатам и проч., крепостным с согласия помещиков».

Все государственные налоги, причитавшиеся от поселяемых в колониях, компания обязывалась взять на себя. Однако в Государственном совете этот проект вызвал резкую оппозицию. У матерых крепостников появилось опасение, что возможность уйти в американские колонии могла показаться соблазнительной слишком большому числу российских подданных. Проект был расценен как ущемление дворянских интересов и единогласно провален. Лишь министр коммерции остался при особом мнении. Формальное основание для отказа Государственный совет усмотрел в том, что среди отправляющихся в колонии могли быть лица, обложенные как земскими и городскими, так и рекрутской повинностями, — т. е. казенные крестьяне, мещане и пр. Государственный совет счел необходимым сохранить старый порядок, по которому отправляемые в колонии заключали с компанией временные контракты и от уплаты общих податей и повинностей не освобождались.

Главному правлению Российско-американской компании было сообщено, что «о просившихся остаться навсегда в колониях русских, имеющих на Кадьяке свои домики и семейства, на докладе государю императору не последовало соизволения, а предоставлено им быть там, как и прежде, по контрактам, т. е. быть там с паспортами на 7 лет, платить подати в свое жилище, а ежели начальство потребует, то выехать из Америки и явиться дома».[1]

Однако эти лимитированные сроки для пребывания промысловых рабочих в колониях компания всячески нарушала. Она пользовалась всеми возможными предлогами, чтобы не возвращать обратно законтрактованных рабочих, и десятилетиями удерживала их в колониях с просроченными паспортами. Местная администрация, часто враждовавшая с компанией по случаю «дерзких начальству отзывов», постоянно ссылалась на это обстоятельство в своих донесениях в Петербург.

Компания оправдывалась тем, что у нее «нет возможности по окончании сроков паспортов промышленных, немедленно высылать их из колоний, потому что они находятся в разных местах и на большом пространстве одно от другого, куда мореходные суда заходят не каждогодно, а ежли когда и зайдут, но не имея свежих людей, некем прежних переме-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1818 г., д. № 361, л. 31.

нить, а пост оставить пустым невозможно. По сей причине некоторые промышленные даже и по своей воле, для выплаты долгов своих и приобретения капитала остаются и на другой срок». [1]

В 1821 году, при утверждении новых привилегий, Российско-американской компании удалось добиться отмены обязательного возвращения рабочего по истечении семилетнего срока паспорта. По новым правилам, срок паспорта мог быть продлен еще на 7 лет по ходатайству компании без личной явки рабочего.

При утверждении нового устава компании на третье двадцатилетие (в 1844 году) главное правление добилось и юридического оформления своего права на задержку промыслового рабочего в колониях до выплаты им долгов, т. е., по существу, до конца его жизни. § 12 нового устава гласил: «Если служащие в колониях, по прошествии условленного с ними срока, пожелают остаться в Америке, или если они останутся компании должными по расчетам, то к высылке таковых в Россию компанию не принуждать и по требованиям ее до выезда давать новые паспорты». Для задержки промыслового рабочего в колониях теперь требовалась лишь справка компании о его задолженности.

Новый устав, таким образом, урегулировал вопрос о длительном пребывании рабочих в колониях, но вопрос о широком привлечении поселенцев так и остался нерешенным. Естественным выходом в условиях крепостничества явилось бы предоставление компании права приобретать крепостных крестьян, о чем компания ходатайствовала еще в самом начале своей деятельности. Однако в этом отношении правительство не считало возможным пойти навстречу компании. Право приобретения крепостных было привилегией дворянства, и компании, участниками которой были купцы, самодержавие его предоставить не могло.

Еще раньше, в 1835 году компания сделала попытку создания свободного сословия, так называемых «колониальных граждан», из русских «промышленных». Эти «колониальные граждане» должны были комплектоваться не из молодых, приехавших в колонию русских «промышленных», а из престарелых рабочих, которые за старостью или вследствие увечья не могли возвратиться в Россию. Их и предполагалось оставить в колониях «на вечно», создав из них сословие «колониальных граждан».

Высочайшим повелением компании было позволено «вольнонаемных русских мещан и крестьян, находящихся в амери-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1815 г., д. № 222, л. 108.

канских колониях по найму компании, кои женились на креолках или алеутках, и по болезненному состоянию здоровья, преклонности лет, долговременному там пребыванию, привычке к климату и образу жизни, или потому, что в долгое отсутствие из России лишились в ней ближних родственников, предъявят компании желание постоянно там водвориться и подадут о том письменные просьбы, селить по Кенайскому берегу Америки или где признает главное компании правление, но внутри российских владений».[1]

Устраивая подобные «инвалидные поселения», Российско-американская компания имела в виду использовать предоставленное ей право принимать на службу «детей поселенцев», иначе говоря, создать собственные кадры недоставшей рабочей силы, а из поселенцев создать себе опорные пункты для освоения новых районов. На практике, однако, это ни к чему не привело, ибо общее число поселенных промышленников, получивших пышное наименование «колониальных граждан», к моменту ликвидации компании достигло смехотворной цифры — 94 человек, из них 54 мужчины и 40 женщин.[2]

Капитан Головин, ревизовавший в 1860—1861 годах русские колонии в Америке, в своем отчете прямо подчеркивал, что «колониальные граждане, при тех условиях, в которых они находятся в настоящее время, составляют класс людей совершенно бесполезный и обременительный для компании, пока она существует, для правительства — если оно примет на себя управление краем. Если же надеялись, учреждая сословие колониальных граждан, мало-по-малу заселить край, то и эта цель не достигнута; да и как было ожидать, чтобы престарелые, дряхлые инвалиды содействовали увеличению населения? Дело другое, если бы, разрешая молодым людям вступать в брак, отводили им земли в вечное пользование и селили бы их по нескольку семей вместе, с тем, чтобы сами они и охраняли свою собственность от покушений независимых инородцев, т. е. сделали бы из них нечто вроде американских скваттеров».[3]

Таким образом, вопрос о создании в русских колониях в Америке оседлого населения так и остался неразрешенным.

Из кого же и как формировала компания свои основные рабочие кадры?

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1835 г., д. № 1139, л. 3.

[2] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, СПб., 1863, приложение III.

[3] Там же, стр. 291.

На огромном пространстве от Иркутска до Охотска, хотя, правда, и в небольшом количестве, но все же встречались в конце XVIII и в начале XIX века так называемые гулящие люди. Беглые крестьяне, разорившиеся мелкие купцы и ремесленники — все они стремились на далекие окраины, привлекаемые возможностью укрыться от «бдительного» ока начальства и слухами о легком обогащении. Из них-то и рекрутировались работники для русских колоний в Северной Америке как в тот период, когда еще существовало множество разрозненных, враждовавших друг с другом товариществ, так и тогда, когда в колониях безраздельно господствовала Российско-американская компания.

Каждый корабль, отправлявшийся из Охотска в Новоархангельск — колониальный центр, расположенный на о. Ситхе, — увозил несколько десятков законтрактованных рабочих различных специальностей. В пути они были матросами, по прибытии в колонии становились попеременно то «промышленными», то ремесленниками, а во время частых нападений индейских племен превращались в солдат.

За несколько дней до отплытия кораблей в Америку во всех питейных заведениях Охотска гуляли «промышленные», которых, не скупясь на расходы, «потчевала» компания.

Тут же в трактире вербовщики подсовывали загулявшим «промышленным» закреплявший их на долгие годы контракт, в котором в форме аванса до копейки была учтена и стоимость угощения при вербовке.

На корабль рабочие доставлялись в состоянии невменяемости, а когда они приходили в себя, корабль был уже далеко в море, на пути в Америку. Если же судно не удавалось отправить в море сразу, у «законтрактованных» отбиралась одежда, и, закутанные в мешки, они покорно ждали отправки, ибо искать «управы» на компанию было делом нелегким.

То, что в свое время купеческие товарищества проделывали с некоторой опаской, находившаяся под «высочайшим покровительством» Российско-американская компания делала с достаточной откровенностью. Камчатский комендант Кошелев, очевидно, обиженный недостаточной, по его мнению, суммой, которую ему выплачивала компания за то, чтобы он не видел и не слышал того, что ему по должности видеть и слышать надлежало, весьма правильно рисовал в 1803 году в рапорте царю картину самоуправства компанейской администрации: «Правители делами и торговлею компании в Иркутской губернии, прежде бывшие едва известные из купечествующих, ничем других не превосходящие, но еще и худшие, лишь только вступили в службу компании, как уже, забыв свое состояние, возмечтали о себе свыше, нежели что

они истинно есть. Повсюду превозглашая высочайшее покровительство, заграждают уста маломошных и, надеясь на непосредственное предстательство большого количества знатных особ, членами компании себя объявивших, справедливее сказать, по крайней мере уверяя в том и хвастая, правительства иркутские застращали и принудили смотреть на свою деятельность затворенными очами. Где же способ их стращать не действует, тут заступает место всеослепляющая мзда». [1]

В период, когда компания вербовала для отсылки в колонии новых рабочих, охотские власти предпочитали бездействовать. «Рабочие люди при найме в службу Компании и при разделе промыслов пришедши с островов, — писал тот же Кошелев, — поимы были искажение виду человеческому наносящим образом, и ежедневному пьянству и бесчинству полиция положить конец находила себя не в состоянии». [2] Так происходила вербовка и отправка рабочих в американские колонии. А через много лет, почти инвалидами, в таких же лохмотьях, в каких они отправились в Америку, возвращались эти обманутые рабочие обратно на родину. Каждый из них заработал за эти годы тяжелым, изнурительным трудом значительную сумму. Но вычеты за товары, забранные по высоким ценам в компанейской лавке, «государевы подати» и долги, выплаченные за них компанией, и, наконец, откровенный обман и обсчет — приводили к тому, что многолетние труды «промышленных» не всегда покрывали даже числившиеся за ними долги.

В начале своей деятельности Российско-американская компания сохранила полностью систему расплаты с «промышленными», которая господствовала еще в тот период, когда в колониях подвизалось множество разрозненных объединений. Основная часть «промышленных» получала свою заработную плату не деньгами, а пушниной. Весь промысел делился на определенное количество участков в зависимости от числа «промышленных», а каждый участок затем делился пополам между «промышленными» и компанией. Рабочий получал так называемый «полупай». Это была, в сущности, сдельная оплата, но только не в денежной, а в натуральной форме. Но право «промышленных» на получение половины добытой в колониях пушнины носило, по существу, лишь формальный характер. Существовало множество способов, которые давали возможность компании полностью забирать в свои руки добытую рабочими пушнину. Это были столь надежные способы, что лишь незначительному меньшинству рабочих удавалось возвращаться из колоний с частью причи-

[1] АНХ, фонд коммерческого департамента, 1804 г., д. № 146, лл. 2—3.
[2] Там же.

тавшегося им «полупая». Прежде всего, компания старалась подбирать для работы в колонии людей, обремененных долгами. При зачислении на службу подобного «промышленного» компания выплачивала все его долги, сюда же причислялись и деньги, истраченные на «отвальное» пьянство. Так, еще до приезда в колонии на счете «промышленного» оказывался солидный долг компании.

Этот долг компании «промышленный» обязан был погасить натурой, т. е. частью причитавшегося ему «полупая», причем по очень низкой оценке, далеко не соответствовавшей рыночной стоимости пушнины. Таким путем в руки компании уже попадала некоторая часть «полупая». Другим средством присвоения «полупая» служил кредит, который предоставляла компания «промышленным» в своих магазинах.

По договору с завербованными рабочими они должны были «во время промыслу содержание и пропитание иметь во всем начиная от правителей компании от трудов своих». Таким образом, все «промышленные» находились в колониях на собственном коште. Но так как «от трудов своих» в колониях они могли иметь только рыбу, то естественно, что «промышленные» вынуждены были обращаться не только за одеждой, но и за продуктами питания в компанейские склады и магазины, тем более, что у иностранных купцов приобретать товары «промышленным» воспрещалось. Контракт предусмотрительно оговаривал, что за все товары, посылаемые в колонии сверх того, что необходимо для организации промысла, компания имеет право взимать «вдвое против охотской цены». Однако в действительности, как мы покажем далее, цены компанейских магазинов не в два, а во много раз превышали охотские цены. В данном случае ограбление промысловых рабочих было двойное, так как наряду с сильно повышенными ценами на товары вычеты за них производились пушниной по таксе, установленной компанией значительно ниже рыночных цен.

Некоторая доля сильно урезанного «полупая» перепадала компании и в виде штрафов. «Ежели кто явится не послушен, или кичлив, или строптив, или упивающ вином и делающ дерзости и преступления не в первый раз, — гласил контракт, — такого имеют правители штрафовать с обстоятельною запискою вины законным образом».[1] Согласно контракту, одним из наиболее тяжких преступлений в колониях считалась покупка водки у иностранных купцов, а также самодельное ее приготовление. «Запрещается всем и каждому служащему в компании под каким бы то ни было предло-

[1] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1799 г., д. № 1672.

гом, — гласила статья 11 контракта, — курить вино из трав, кореньев, ягод и компанейского хлеба и продчего, или у приходящих иногда иностранцев и российских покупать или на вещи выменивать и оным вином в компании торговать, друг другу ссужать и довольствовать для пьянства и оное пить и употреблять каким бы то образом ни было».[1] Замеченных в подобном преступлении лишали всего заработанного и сразу же высылали в Охотск. Водку «промышленные» должны были покупать только у компании.

Торговля вином в колониях была вначале монополией хозяев мелких компаний, а затем Российско-американской компании. Водка подбирала последние остатки «полупая», которые по тем или иным счастливым обстоятельствам мог еще сохранить за собою «промышленный». Этот источник обогащения весьма заботливо учитывался компанией. В одном из писем к вдове Шелихова Баранов с полной откровенностью писал о том значении, которое имела водка в период «раздела» промыслов. «Здесь нет надобности ни в золоте, ни в серебре, ни в алмазах. Во всей провизии одна всево тово дороже и важнее, как вы сами знать изволите, живши здесь в нужные времена. По сих же вещах одежды и обуви водка драгоценнее всего на свете промышленным. И ежели надобно привязать, — пришлите только часть и велите продавать умеренно в надобные времена, особливо же при разделах, увидите сколько перейдет промысла и людей завяжется».[2]

Наконец, к тем из «промышленных», которым после штрафов и вычетов за уплаченные долги, за забранные в колониальной лавке втридорога оцененные товары все же могли причитаться остатки полупая, компанейская администрация не стесняясь применяла меры открытого насилия. Об одном из таких фактов рассказывал в своих показаниях участник восстания промысловых рабочих в 1809 году на о. Ситхе Веригин, и этот случай не был единичным. Компания должна была ему 574 руб., но незадолго до отъезда из колоний он был вызван в контору, где ему было предложено подписаться в том, что компания должна ему лишь 300 руб. При этом было ему заявлено, что в случае его отказа об этом будет доложено правителю колоний Баранову и что — «сей не оставит снабдить его на дорогу билетом, т. е. наказать кошками или линьками, чего он убоясь подписался под статьею в книге».[3]

[1] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1799 г., д. № 1672.

[2] Архив Института истории Академии наук, Материалы по истории Российско-американской компании, документ № 14.

[3] АВПК и Б, фонд Сената, 5 департамент, 1821 г., д. № 989, «экстракт», составленный в Петербургской палате уголовного суда, 1816 г., на лл. 26—113.

Если же после многолетнего пребывания в колониях некоторым счастливцам и удавалось вернуться на родину с правом на получение от компании каких-то сумм, то получить их фактически не представлялось никакой возможности. Расчет с вернувшимся из колоний промысловым рабочим затягивался на несколько лет и редко кончался в пользу рабочего. Согласно контракту, окончательный расчет должен был быть произведен в Охотске сразу же по прибытии рабочего из колонии. Но в охотской конторе вновь прибывшего обычно просили немного потерпеть, ибо из колоний якобы еще не прибыли необходимые для расчета сведения. Задерживая окончательный расчет, охотская контора заставляла «промышленных» производить компанейские работы, а снабжая их продуктами, вновь втягивала в долги.

В 1815 году в одном из донесений охотская администрация сообщила об этих махинациях в Петербург. «Компанейская контора, говорилось в этом рапорте, — удерживает промышленных в Охотске под видом расчетов в совершенное их отягощение по прихоти своей на тот конец, чтобы, промедлив с промышленными в окончательных расчетах, кои до того находятся в различных компанейских работах, заставить их невольно забирать у нее товары и харчевые припасы и после, увеличив тем их долги, отправить против желания их в морской вояж. К сему явным доказательством служит то, что некоторые промышленные, возвратясь с островов в 1807 году, ожидали от конторы расчетов, но и до ныне [т. е. до 1815 года. — *С. О.*] оных не получили и в продолжение времени принуждены были забирать от конторы харчевые припасы и протчее, а через то следовать пока в Америку для зарабатывания». [1]

Этот циничный способ обсчитывания и закабаления «промышленных» настолько упрочился в практике Российско-американской компании, что в Сибири возникло даже специальное товарищество по скупке долговых обязательств компании. Губернский секретарь Воинов и тюменский купец Голенецкий скупали за полцены у возвратившихся из Америки промышленников долговые обязательства компании с тем, чтобы полностью взыскать их в свою пользу. Но вырвать деньги у компании не удалось и этим предприимчивым дельцам, несмотря на бесчисленные жалобы, подававшиеся ими во всевозможные инстанции.

Несколько счастливее оказался енисейский первой гильдии купец Толстопятов, скупавший право на «полупай» у родственников умерших в колониях «промышленных». После

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1825 г., д. № 222, рапорт охотского коменданта в министерство внутренних дел, 1815 г., на лл. 34—63.

долгих хождений по судебным инстанциям, где ему приходилось доказывать, что большинство «заборов» приписаны «промышленным» после их смерти, а они, «будучи мертвые, забирать уже и не могут», дело было закончено «полюбовной сделкой». При этом Толстопятов, по его словам, недополучил свыше 52 тысяч руб. и около 11 тысяч котиковых шкур. Тягаться с компанией оказалось не под силу не только отдельным рабочим, но и предприимчивым сибирским купцам и опытным судебным крючкотворам.

Совсем иначе обстояло дело, если должником оказывался «промышленный». Если «промышленный» должен компании какую бы то ни было сумму, то, как сообщала местная администрация, «контора сочиняет для них ращеты (несмотря на то, что к ней таковых не прислано из Америки) — без малейшего отлагательства и, представляя ко взысканию к начальству, требует или платежа или отправления людей в морской вояж, не взирая на то, что они, не считая себя должными, не желают ни за какую плату остаться в службе компании».[1]

Таким образом, «промышленный», попавший в лапы компании, до конца своей жизни не мог высвободиться из-под ее власти.

Российско-американская компания, с переходом колоний в ее руки, не случайно сохранила еще на некоторое время «полупай» как основную форму расплаты с промысловыми рабочими. Стимулируя их работу, она в то же время повышала тягу рабочих в колонии. Однако наряду с этим выплата полупая имела для компании и ряд весьма существенных неудобств. Несмотря на систему выкачивания от промысловых рабочих причитавшейся им пушнины, все же часть ее, хотя и весьма незначительная, оставалась на руках у рабочего и, попадая на сибирский рынок, продавалась дешевле, чем компанейская. Желание рабочих ликвидировать оставшуюся у них после раздела пушнину заставляло их стремиться как можно скорее вернуться в метрополию, так как из-за примитивной обработки пушнина быстро теряла свою ценность.

Система «полупая» в то же время давала какое-то право промысловым рабочим вмешиваться в компанейские дела и даже требовать отчетности. О том, что это обстоятельство играло известную роль, можно судить по «торжественной» речи Баранова, произнесенной им перед рабочими на о. Кадьяке. Начав с благодарности за то, что он застал колонию в полном порядке, Баранов закончил свое выступление весьма неожиданно: «Месяца не можем проводить без вражды и нанесения обиды товарищам и начальникам, пересуживая

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1825 г., д. № 222, рапорт охотского коменданта в министерство внутренних дел, 1815 г., на лл. 34—63.

каждой шаг правителей: хотя сам прежде в деревне своей не более как свиней кормил или кабацким был заседателем, а здесь делается проницательной, всему судья, и высокомысленной министр».[1]

Первый шаг по пути ликвидации «полупая» был сделан компанией в 1803 году. Выплата «полупая» отныне производилась не пушниной, а деньгами из расчета стоимости упромышленной пушнины по твердо установленной таксе. Это нововведение еще более ухудшило положение «промышленных», так как компания таксировала пушнину во много раз ниже ее рыночной цены. Разницу между рыночной и таксированной стоимостью пушнины, которая ранее в небольшой, правда, доле, но все же попадала в руки промыслового рабочего, если ему удавалось вывезти из колонии немного мехов, теперь полностью забирала компания.

«Правление, — писал министру внутренних дел сибирский генерал-губернатор Пестель, — сочинив генеральный контракт для всех промышленных, высшим правительством не утвержденный, само собою решительно положило, чтоб ни один промышленный, в вояже состоящий, ни одного зверя, на часть его доставшегося, в посторонние руки мимо компании не продавал, а отдавал бы ей по учрежденной самою ею таксе, т. е. по самым низким и крайне обидным для промышленных ценам. Напротив, когда еще бедные люди возьмут нужную какую для себя вещь, принуждаются платить ту сумму, какую также назначит правитель компании произвольно, отчего они всегда находятся в двух крайностях и, время от времени задолжаясь, накопляют на себя долги до такой степени, что целой жизни недостаточно для заплаты оных».[2]

Отмена выплаты полупая натурой была лишь первым шагом по пути к полной его ликвидации. Уже в 1805 году Резанов, в бытность свою в колониях, поставил вопрос о необходимости перевести рабочих на твердую заработную плату. В письме-инструкции правителю колонии Баранову Резанов отмечал, что система «полупая» становится главным препятствием к привлечению в колонии русских рабочих. «Менее 400 челов[ек] или паев, — писал Резанов, — составляют ныне всю силу в Америке, держат в подчиненности народы, помогают в постройке, и в то же время, хотя и весьма слабым кордоном, но сколько можно охраняют все пространство берегов американских. В награду трудов своих получают они из приобретаемых зверей половину пая, или участка, а мастеровые и цельной. Число людей по обширности заведений

[1] Цитирую по *Тихменеву*, ч. II, приложение, стр. 49.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1812 г., д. № 78, лл. 2—2 об.

крайне недостаточно и останавливает успехи, а умножить их на сем основании будет для компании и для них самих безвыгодно; поелику разжидятся прибыли от промыслов до того, что обоим сословиям будет в тягость. При всем том сами промышленные до окончания 4-х годичного периода, в котором раздел бывает, тяготятся столько же неизвестностью своего жребия и, вместо чаемых польз, легко могут потерять напрасно труд свой; ибо компания, распространяя свои заведения, должна искать выгод своих в торговле, в которой участвуют одни акционеры, а не промышленные; следовательно, само собою доказывается, что звание промышленных на нынешнем основании долго продолжаться не может. Я думаю, — заканчивает свою мысль Резанов, — мало-по-малу уменьшить полупайщиков, и со временем, предоставя одной компании все от паев выгоды, иметь всюду людей на жалованье».[1] Но решиться сразу на такое мероприятие компания не рискнула, опасаясь потерять и те незначительные кадры рабочих, которые в колониях имелись, и выплата «полупая» в денежной форме производилась вплоть до 1815 года.

В 1817 году, с прибытием в Новоархангельск судов четвертой кругосветной экспедиции под командой капитан-лейтенанта Гагемейстера, в управлении колониями произошел ряд изменений. Гагемейстер сменил на посту правителя колонии, одряхлевшего Баранова, методы управления которого начинали все больше компрометировать главное правление. Постоянное посещение колоний иностранными купцами, частое пребывание там русских военных судов создали деятельности этого кяхтинского купца весьма широкую, но весьма нелестную известность. В этот период, когда компания на каждом шагу не уставала похваляться «благоденствием», каким пользуются туземцы в русских колониях, правление решило убрать человека, который более чем двадцать лет железом и кровью внедрял в сознание туземцев и промысловых рабочих ту непреложную истину, что они рождены, живут и умирают во имя прибылей Российско-американской компании.

Ни на шаг не отступая от основного принципа Баранова — не брезговать ничем, что может принести доход, — компания ныне требовала, чтобы все это было облечено в более «европейскую» форму. Началось изгнание остатков «купечества», а вместе с тем и полная ликвидация «полупая». По распоряжению Гагемейстера в феврале 1818 года, с момента последнего генерального расчета, т. е. с 1815 года, исчислялась уже твердая заработная плата рабочим в колониях. Каждому рабочему выплачивалось по 300 руб. ассигнациями в год. По сведениям

[1] Цитирую по запискам *К. Хлебникова* о Америке, «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III, стр. 27.

комиссионера компании К. Хлебникова, заработок промыслового рабочего при старой системе оплаты в среднем составлял 1561 руб. в четырехлетие. Отныне же ему выплачивались в четырехлетие 1200 руб. Таким образом, введение твердой заработной платы являлось вместе с тем снижением заработной платы промыслового рабочего более чем на 20%.

Новая система оплаты вызвала среди «промышленных» волнения. Как отмечает тот же Хлебников, «промышленные и даже многие из других сословий, лестнее питаются надеждою на неизвестное будущее, нежели с расчетом довольствуются определенным, постоянным положением».[1] Гагемейстер вынужден был пойти на некоторые уступки и помимо жалованья выдавать каждому промысловому рабочему по одному пуду муки ежемесячно.

При новой системе оплаты «промышленные» не имели уже никакой возможности выбраться из колоний. Чем дольше работал человек, тем больше накоплялось за ним долгов. Сохранился весьма любопытный документ, принадлежащий перу правителя русских колоний в Америке и иллюстрирующий цифровым материалом ту кабалу, в какой находились рабочие в колониях. В 1834 году колонию Росс в Калифорнии посетил главный правитель; в своем отчете правлению он уделил некоторое внимание и положению рабочих. В Калифорнии положение компанейских рабочих было несколько лучше, чем в остальных поселениях. Здесь заработная плата равнялась 350 руб. в год и кроме пуда хлеба в месяц рабочему давали по одному фунту мяса в день. Для того чтобы ознакомиться с положением «промышленных», правитель подсчитал годовой забор в колониальной лавке одного из рабочих. Некий Василий Пермитин, на иждивении которого находились жена и пятеро детей, набрал в 1832 году из колониальной лавки в счет годового жалованья, равного 350 руб., разных товаров на 728 руб. 28 коп., т. е. на сумму, больше чем вдвое превышавшую его заработок. «Приложенная для примера выписка вещей и припасов, купленных Пермитиным, показывает, — так пишет правитель колоний главному правлению, — что лишнего ничего не взято, следовательно, нельзя не сознаться в невозможности этих людей содержать себя одним жалованием из 350 рублей в год».[2]

Товары, которые отпускались в колониальных магазинах, были не только дороги, но и чрезвычайно низкого качества. Это в свою очередь влияло на увеличение количества забирае-

[1] Записки *К. Хлебникова* о Америке, «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III, стр. 27.

[2] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 58, донесение главного правителя главному правлению, апрель 1834 г., на лл. 1—20.

мых «промышленными» товаров. Ревизовавший в 1860—1861 годах русские колонии Костливцов сообщает, что «готовые платья и обувь для простого народа дурным качеством своим превышают всякое вероятие, так что сапогов достает лишь на несколько дней, а суконного платья не более как на два месяца. Сколько же должен употреблять на одежду рабочий, получающий от 300 до 350 руб. ассигн. в год, когда цена верхнего суконного платья (бушлат с брюками) стоит от 20 до 30 руб., а сапоги 10 руб., — едва достанет у него жалованья, чтоб одеться, не считая рубашек, исподнего платья, рукавиц, шапки, которые также необходимо купить». [1]

Колониальные магазины пожирали весь заработок рабочего, а для того чтобы нельзя было их обойти, заработная плата выдавалась не деньгами, а компанейскими марками. Эти марки иностранные купцы, конечно, не принимали, а туземцы не могли их использовать в компанейских лавках, ибо сразу стало бы очевидным, что к туземцу они попали в результате запрещенного обмена с кем-либо из служащих или «промышленных». Полученные в счет заработной платы компанейские марки могли оседать лишь в колониальных магазинах, а учитывая постоянную задолженность «промышленных», можно было совершенно избегнуть обмена их на государственные денежные знаки даже при окончательном расчете с отъезжающими из колоний.

За десятилетие — с 1816 года, когда впервые был разрешен выпуск марок, по 1826 год — Российско-американская компания выпустила в обращение марок на 42 тысячи руб., достоинством от 10 коп. до 10 руб. В 1826 году компании разрешен был выпуск марок еще на 30 тысяч руб., дабы обменять те из них, которые пришли уже в ветхость. Наконец, в 1834 году было вновь разрешено выпустить марок в дополнение к имевшимся еще на 30 тысяч руб. Поскольку изъятие марок, пришедших в негодность, и замена их вновь выпускаемыми правительством не контролировались, правление имело возможность целиком покрывать все свои колониальные расходы ничем не обеспеченными марками. Правительство считало выпуск марок частным делом компании, предоставляя правлению в этом отношении полную свободу действий. Когда вопрос о новом выпуске марок был в 1826 году поставлен на заседании комитета министров, «комитет, приемля в соображение, что употребление марок в американских наших колониях вместо ходячей монеты зависит единственно от доверенности тамошних жителей к Российско-американской компании, предложил представить министру финансов объявить пра-

[1] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, СПб., 1863, стр. 106—107.

влению компании, что правительство не препятствует заменить употребляемые там марки новыми, но не считает нужным давать на сие формального утверждения и не приемлет на себя никакого в том ручательства».[1]

Марочная система служила добавочным источником обогащения компании и еще одним средством безудержной эксплоатации промысловых рабочих.

Обманутые при вербовке, систематически обманываемые во время расчетов, потерявшие всякую надежду вырваться из кабалы компании, промысловые рабочие жили в колониях в чудовищных условиях и были обречены на гибель и вымирание.

Известный путешественник капитан Крузенштерн пишет, что рабочие «по недостатку строений... по большей части живут в юртах, т. е. в подземельных, весьма вредных жилищах, и терпят такой же недостаток в здоровой пище, как и на море. Даже соли, сей необходимейшей приправы яств наших, часто у них не бывает. Хлеб хотя им и дается, но, по трудному доставлению оного, в весьма малом количестве; в одном только горячем вине не имеют они недостатка».[2]

Это подтверждает в своих записях и другой участник экспедиции Крузенштерна, врач Лангсдорф, обративший внимание на огромную смертность среди «промышленных». Лангсдорф имел возможность наблюдать за одной партией «промышленных», прибывших в колонию поздней осенью. «Из ста пятидесяти молодых и самых здоровых людей, выбранных в разных местах и присланных в Ситху, — сообщает Лангсдорф, — в феврале уже восемь померли и более шестидесяти лежали больными в казармах. В этих зданиях не было ни печей, ни камельков, и теплота происходила от зараженного испарения множества людей, не имеющих понятия о чистоте. Возвращаясь вечером домой промокшими, работники ложатся в мокрых платьях и тулупах или развешивают их для просушки в своих же спальнях. Одержимых цынгою заставляют стоять на часах и ходить дозором, пока они в состоянии держаться на ногах и пока холод, мокрота и истощение сил не свалят их окончательно».[3]

Промысловые рабочие были лишены какой бы то ни было возможности жаловаться на свое бедственное положение, не говоря уже о том, что жалобы на всесильную компанию были бесполезны. Правительственных чиновников в колониях не было. Из колоний «промышленный» мог выехать лишь тогда,

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1826 г., д. № 709, л. 9.

[2] Извлечение из описания кругосветного плавания капитана Крузенштерна на корабле «Надежда» 1803—1806 гг., «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. IV, стр. 72.

[3] Извлечение из записок Лангсдорфа, «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. IV, стр. 190.

когда компания сама желала его оттуда вывезти, ибо все суда были компанейскими. Передача же жалобы через третье лицо подводилась под «челобитье», составленное «скопом», а контракт гласил, что «буде кто учинит челобитье или прошение или донос скопом или заговором, того имать под стражу и отослать к суду». До «посылки к суду», правда, дело обычно не доходило. Избегая огласки, компанейская администрация предпочитала расправляться с жалобщиками тут же на месте.

Бывали случаи волнений среди «промышленных». Возмущение выражалось не только в отказе подчиняться администрации и в предъявлении ей различных требований, но и в попытках расправиться с колониальным начальством. Эти выступления в иных случаях сопровождались предварительным сговором «промышленных» и выбором руководителей.

Еще в 1795 году, до создания Российско-американской компании, на промыслах компании Шелихова — Голикова имели место крупные волнения. «Промышленные волновались, и зима была пребеспокойная», писал из колоний Баранов Шелихову о зиме 1794/95 года. Рабочие отказывались подчиняться распоряжениям компанейской администрации. «Принадлежательно же до бунта поселщиков, — сообщал Баранов, — то они таковое уже и здесь по первому началу оказали, вышли вовсе из повиновения вашего Ивана Григорьевича [1] и начали было дерзостные производить своеволства и в мену мяхкой рухляди от иноверцов входить, устращивая господина Поломошнова разбить лавку и проч., возлагая с криком на вас вину, что обмануты обнадеживаниями всегдащними выдачами провианта, а теперь не выдают, или очень мало, а к вояжным кормам не зделали привычки». [2]

Вскоре после этого в письме к графу Зубову жена Шелихова сообщила, что «промышленные «зделали заговор, что когда выдадутся им ружья для безопасности от диких и когда следовать будут на матерой берег судном, то б, оным овладев, пуститься в Курильским островам. И одного из между себя выбрали мореходом. У них нашлись уже приготовленные три ружья с припасами, но правитель компании, открыв сей заговор, троих главных озорников по данному в предписании здешнего главнокомандующего наставлению наказал линьками и разослал порознь в артели к промышленным и тем предприятие их обессилил». [3]

В период деятельности Российско-американской компании наиболее значительные волнения промысловых рабочих имели место в 1809 году на о. Ситхе. Во главе колониального управления в это время находился тот же Баранов, установивший

[1] Иван Григорьевич Поломошнов — приказчик компании.
[2] Цитирую по *Тихменеву*, ч. II, приложение, стр. 95.
[3] Там же, стр. 109.

в колониях настоящий каторжный режим. Рабочих за малейшие провинности наказывали линьками, кошками, на несколько лет отправляли на малообитаемые острова, куда не доставлялось никакого продовольствия. Жестокость Баранова в обращении с туземным населением и с русскими рабочими доходила до чудовищных размеров. По словам капитана Головнина, посетившего колонии в 1818 году, Баранов прославил себя «долговременным пребыванием между дикими, а еще более тем, что вместо того, чтоб их просветить, он сам одичал и стал на степень ниже человека дикого».[1]

Избавиться от Баранова, уйти из ненавистных колоний куда-либо на неизвестные острова, где можно было бы начать новую жизнь, — вот те радужные перспективы, которые манили группу «промышленных», подготовлявших выступление. В организации и в плане, который она наметила, заметно влияние известного восстания 1771 года на Камчатке под руководством Беньевского, захватившего полуостров и затем с группой рабочих купца Холодилова отправившегося на казенном корабле на поиски новых земель.

У «промышленных» на о. Ситхе в 1809 году возникла тайная организация на манер казачьего круга, во главе которого временно находился избранный голосованием «хорунжий», который впоследствии должен был быть сменен атаманом. Выборы происходили на собрании группы промысловых рабочих в лесу, вдали от крепости. Когда встал вопрос, «кто распоряжать и командовать будет ими и продчими в действиях революции», решили до возвращения остальных участников заговора, находившихся в это время на промыслах, атамана не выбирать, но выбрать хорунжего. До возвращения промысловой партии избрали «из первых зачинщиков Ивана Попова и нарекли вместо приличного имени атамана, почтенным Донского войска наименованием хорунжим».[2]

Восстание Августа Беньевского служило постоянной темой разговоров среди промысловых рабочих. Почти все привлекавшиеся впоследствии по этому делу указывали, что в разговорах между собою «более всего выражаема и одобряема была произведенная в Камчатке злодейственная изменническая революция с объяснением, как убит был там по началу командир капитан Нилов, как ограбили казну и многие партикулярные имения, взяли холодиловское судно и ушли, тот Август с сообщниками своими, прикащиком Чулошниковым и

[1] Записка кап. *Головнина* о нынешнем состоянии Российско-американской компании (1818 г.), «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. I, стр. 53.

[2] АВПК и Б, фонд Сената, 5 департамент, 1821 г., д. № 989, «экстракт», составленный в Петербургской палате уголовного суда, 1816 г., на лл. 26—113.

промышленниками помянутой компании, в вояж на острова следовавшими и тут зимовавшими и прочая, что плану сему и они следовать за лучшее предположили».[1]

Восстание предполагали начать с убийства Баранова и близких к нему начальников. «Положились вначале решить жизнь его, Баранова, — говорит в своих показаниях «промышленный» Сидоров, — офицеров тому же подвергнуть или перевязать, а почтенных из служителей, особливо приверженных к нему, Баранову, награжденных медалями, без исключения покончить же». Жгучая ненависть к служащим, награжденным разными значками отличия и занимавшим в колониях мелкие начальственные должности, имела под собою весьма веские основания. Это была та верхушка, на которую опиралась компания в эксплоатации и притеснении промысловых рабочих. Характерно, что аналогичным способом предполагалось разделаться и с туземной верхушкой, также подкупленной компанией. Предполагалось «почетных» туземцев, т. е. тойонов, «убить, которые будут препятствовать, или связать и посадить в удобное место».[2]

В этих планах было много наивной фантастики. Особенно сказалось это при обсуждении вопроса о том, куда направить захваченный корабль. Было решено «как исправятся, судно погрузят и пойдут на найденные Наплавковым по истории Филипсейские острова по ту сторону экватора и за Туречиной в четвертой части света места изобильные, а людей никого нет, от коих лежит пролив ширины сто верст, за коими живут арапы». Это стремление отправиться в такое место, где бы можно было жить «по своей воле»,[3] характерно для всех участников заговора.

Предательство одного из участников помогло Баранову узнать о готовящемся «бунте». Восемь лет тянулось следствие по этому делу. Вначале его вел сам Баранов, подвергавший арестованных утонченным и разнообразным пыткам. А через несколько лет, когда обвиняемые были привезены в Охотск, дело перешло в судебные органы. Однако главному правлению сразу же стало ясно, что привоз «промышленных» для суда в метрополию был крупной ошибкой. На следствии всплыли чудовищные злоупотребления колониальной администрации, раскрытие которых грозило компании крупным скандалом. Комиссионер компании на Камчатке Хлебников писал директорам компании по прибытии арестованных, что если их «будут судить в каком-либо присутственном месте, то они могут от-

[1] АВПК и Б, фонд Сената, 5 департамент, 1821 г., д. № 989, «экстракт», составленный в Петербургской палате уголовного суда, 1816 г., на лл. 26—113.

[2] Там же.

[3] Там же.

крыть истины, долженствующие послужить ко вреду и посрамлению компании».[1] Хлебников предлагал лучше «предать все это дело забвению». Но приостановить начатое дело уже нельзя было, и правление направило все свои усилия к тому, чтобы собранный следствием дискредитирующий материал не получил огласки, «то есть постараться, — как говорит в своих «Замечаниях о русской Америке» капитан Головнин, — чтоб промышленные были обвинены, а компанейские грехи прикрыты».[2]

Дело о волнениях на о. Ситхе дошло до комитета министров, предложившего Сенату вынести свое решение не только по вопросу об арестованных рабочих, но и «учинить заключение о жестоком обращении правителя американских островов Баранова с промышленными компанейскими».[3]

С апреля по май 1817 года, т. е. через 8 лет после открытия заговора, это дело слушалось в Сенате. Компании все же удалось повернуть дело в свою пользу. Приговорив оставшихся за эти годы в живых обвиняемых к различным срокам наказания, Сенат «не нашел» в материалах следствия данных против Баранова, поскольку обвинения исходили от «преступников», изобличенных уже в заговоре, и, следовательно, таких людей, «коим и закон не дозволял верить».

По приказу царя в колонии все же должен был быть направлен морской чиновник для расследования. Однако дело это тянулось до того времени, пока не пришло известие, что престарелый Баранов умер. Тогда Сенат принял решение, «что высочайше повеленного в действиях Баранова исследования за смертью его производить не можно».[4]

---

[1] Замечания *В. М. Головнина* о Камчатке и русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах, «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», СПб., 1861, вып. II, стр. 79.

[2] Там же.

[3] АВПК и Б, фонд Сената, 5 департамент, 1821 г., д. № 989, л. 172.

[4] Там же, лл. 270—271.

IX

ТУЗЕМНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

В своих отчетах компания обычно подразделяла туземное население североамериканских колоний на три категории: «действительно зависимых», «полузависимых», «совершенно независимых».

К «действительно зависимым» правление компании причисляло алеут — жителей Алеутских островов, которых компания расселила по территории многочисленных островов, занимаемых ею, а также, по всей вероятности, эскимосов, которые в документах компании проходят под именем алеут. К «полузависимым» относились так называемые кенайцы, жившие на побережьи у Кенайского полуострова, — одна из ветвей многочисленной группы атабасков, а также другие атабаскские племена, населявшие внутреннюю часть Аляски. Что же касается тлинкитов, то они считались «не совершенно зависимыми».

По существу, две последние категории можно считать «совершенно независимыми», и лишь алеуты и эскимосы в полной мере испытали всю тяжесть колониального гнета.

Директор Гудзонбайской компании Симпсон, посетивший в 1842 году русские поселения в Америке, отмечал в своих записках, что в это время число алеут вряд ли достигало десятой доли того количества туземцев, которое там было в момент русского завоевания. «В этом обстоятельстве, — пишет Симпсон, — нет никакой таинственности; это происходило от лишений и угнетения. Одно уже естественное богатство страны служило орудием к ее оскудению; ее морские коты и выдры были для них точно такою же гибелью, как сандал для сандвичан и серебряные рудники для индейцев Испанской Америки». [1]

[1] Извлечение из путевых записок *Симпсона,* директора Гудзонбайской компании, 1841 и 1842 г., «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. IV, стр. 231.

В охоте на морских бобров, наиболее ценный вид пушнины, алеуты были незаменимы. Даже много лет спустя, почти накануне ликвидации Российско-американской компании, главное ее правление отмечало, что «ни негр Гвинеи, ни кули Китая, ни рабочий из Европы — алеута заменить не могут в искусстве и привычке к промыслу зверей».[1]

Для того чтобы обратить свободолюбивый народ в рабство, потребовались десятилетия тяжкой эксплоатации и жесточайшей расправы с непокорными.

С. С. Шашков именно этими причинами объясняет массовые убийства туземцев в первый период русского завоевания.

«Истреблять инородцев побуждало промышленников не одно стремление к грабежу и далеко не ревность об интересах правительства, — тут были более тонкие виды. Алеуты превосходно умеют промышлять бобров, чему русские не выучились еще до сих пор, а в то время совершенно не знали, как взяться за дело. Промышленникам нужно было закабалить себе алеутов в работники; но этого нельзя было достичь при многочисленности туземцев, постоянно бунтовавших и принимавших русских вооруженною рукою. Нужно было истребить большую часть этих непокорных, остальные неминуемо должны были сделаться русскими холопами».[2]

Это полностью относится и к эскимосам. Еще в 1784 году Шелихов на Кадьяке приказывал захваченный в плен «мужской пол отбить и отвесть в чундру и всех переколоть копьями», что и было «учинено»,[3] а через несколько лет Баранов уже чувствовал себя на Кадьяке в относительной безопасности. Один морской офицер, посетивший русские колонии в Америке, следующим образом характеризует методы борьбы Баранова с алеутами и эскимосами: «Горе было тем, которые сопротивлялись ему: он губил их нещадно, развозил на пустынные острова, отнимал все средства к взаимному сближению, и перемешивал их племена, чтоб между ними не мог составиться какой-либо злобный заговор противу русских. Он страшен был дикарям; они считали его грозою небесною и, не имея возможности противиться ему, принуждены были сделаться его рабами и забыть прежнюю вольность, которой в недавнее еще время пользовались так необузданно».[4]

Свободные некогда туземцы становились рабами мелких промысловых компаний, а несколько позднее Российско-американской компании. «Приходят российские люди во Америку и на наши острова Лисьи и Андреяновские для промыслу мор-

[1] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. 1, л. 4.

[2] *С. С. Шашков*, Российско-американская компания, Соч., т. II, СПб., 1898, стр. 633—634.

[3] ГАФКЭ, Государственный архив, 1789 г., д. № 2742, л. 4.

[4] *А. Марков*, Русские на Восточном океане, М., 1849, стр. 53.

ских и земленых зверей, — писали алеуты в 1799 году в одной из жалоб Павлу I на российских промышленников, — мы оных принимаем к себе дружески, но только они с нами поступают варварски, жен и детей насильно в наложницы берут, за бобровым промыслом с весны рано неволею посылают сот за пять верст и продерживают до осени, а дома оставляют хромых, больных, слепых и тех заставляют на компанию рыбу промышлять и другие работы компанейские работать без платы и за непасением кормов с голоду помирают. Оставших женской пол посылают на компанейские работы и до смерти убивают, на пустые острова неволею увозят, да у таковых детей обирают, которой сам на костылях ходит, а кормить их некому». [1]

Исчерпывающие данные о хозяйничании промысловых компаний и на Алеутских островах привозили из своего путешествия также И. И. Биллингс и другие мореплаватели. Все это неоднократно делалось достоянием гласности и доходило до сведения высшей администрации. Иногда издавались указы о необходимости более гуманного отношения к алеутам, но так как никаких мер контроля не принималось, то все оставалось попрежнему. Иллюзии о возможности государственной помощи, которые порою создавались у алеут после посещения колоний правительственными экспедициями, быстро исчезали.

Так, в 1791 году Баранов писал Шелихову: «Биллингс утвердил, повидимому, алеутам много, они развратились и, корм с нуждою доставляя, за всякий шаг требуют заплаты, я принужден был по-началу перерабатывать их предрассудки. Ни малейшей не причинено им обиды, но доведены к послушанию». [2]

Однажды алеуты добрались даже до Павла I. Это было незадолго до утверждения привилегий Российско-американской компании, когда конкуренция между подвизавшимися в колониях компаниями достигла особенного напряжения.

Купец Киселев, которого компания наследников Шелихова постепенно вытесняла с островов, решил использовать алеут для борьбы с конкурентом. План Киселева был весьма прост. Доставленные в Петербург алеуты должны были рассказать Павлу, как их эксплоатируют купцы и в особенности компания Шелихова, которой противопоставляется по методам обращения с туземцами компания Киселева. Тот факт, что Киселев помог жалобщикам выехать с островов, должен был служить доказательством, что он является их защитником.

---

[1] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1797 г., д. № 203.

[2] Архив Института истории Академии наук, Материалы по истории Российско-американской компании, документ № 181.

И вот летом 1796 года шесть алеут вместе с иеромонахом Макарием тайком покинули Уналашку и направились в Петербург с жалобой, подписанной всеми алеутскими старшинами. На Курильских островах они зимовали. Здесь один из алеут умер, а двое заболели и принуждены были возвратиться обратно. В мае 1798 года, почти через два года после своего выезда с Алеутских островов, двое алеут (третий умер в Москве) прибыли, наконец, в столицу.

Алеутам был оказан любезный прием. Они были приняты царем, однако, ни к каким положительным результатам это не привело. Указ Павла от 4 июня 1798 года предписывал «прибывших... сюда алеут отпустить во-свояси, наградив приличною по обычаю их одеждою».

Жалоба алеут была оставлена без последствий, а иркутскому губернатору предписывалось, чтобы он «вошел в представляемые ими обстоятельства и старался все оное сладить, дабы последовало обоюдное [т. е. алеут и купцов. — *С. О.*] удовлетворение и притеснение было отдалено».[1]

Иеромонах Макарий, выехавший с алеутами, должен был быть наказан за самовольную отлучку с островов церковным «покаянием», и лишь после долгих хлопот был прощен «ему сей его поступок из монаршего снисхождения к просьбе алеут».

Выехали алеуты обратно на родину в сопровождении сенатского курьера. В январе 1799 года два алеута достигли Иркутска, где остались зимовать. И здесь в Иркутске происходит нечто загадочное. Почти накануне своего отъезда из Иркутска оба алеута внезапно умерли. Николай Луканин умер 6 марта, Никифор Свиньин — 16 марта.

Бесспорно, что возвращение этих делегатов на родину для компании наследников Шелихова было бы весьма невыгодным. К этому времени вопрос о создании монопольной Российско-американской компании был окончательно разрешен, борьба между конкурирующими купцами была закончена, а возвращение гонцов с вестью, что жаловаться на притеснения бесполезно, могло вызвать стихийное возмущение туземцев.

На это обстоятельство намекают представители алеут в своем обращении к московскому митрополиту еще на пути в Сибирь: «Не доведите до такого опасного состояния, дабы по нестерпимости наших родников от притеснениев от российских людей не могло бы вытить междуусобия и не последовало б со обоих сторон в новых и старых христиан великого кровопролития».[2] Таким образом, иркутские купцы, уже готовившиеся стать акционерами находившейся под покровитель-

[1] АВПК и Б, фонд канцелярии генерал-прокурора Сената, 1797 г., д. № 203.

[2] Там же.

ством царя Российско-американской компании, не были заинтересованы в возвращении на острова этих двух алеут.

Юридически в момент своего возникновения Российско-американская компания не обладала никакими правами над туземными племенами и в частности над алеутами.

Еще указом 1779 года было запрещено взыскание ясака со всех жителей Алеутских островов и взамен этого никаких обязательств на алеут правительством возложено не было.

Во всяком случае, в правилах и привилегиях Российско-американской компании, утвержденных Павлом 8 июля 1799 года, об отношении алеут к компании ничего не сказано.

Только в правилах, утвержденных 13 сентября 1821 года, появляется раздел «Об островитянах», утверждающий право компании в принудительном порядке пользоваться трудом туземцев. Наиболее полно этот вопрос был разработан уже в правилах, утвержденных 10 октября 1844 года.

В действительности же эти правила лишь фиксировали положение, сложившееся с давних времен, ибо компания с первого дня встала на путь пользования рабским трудом туземного населения.

Алеуты, согласно положению, управлялись своими тойонами, однако, под надзором старшин, управляющих и байдарщиков, утвержденных главным правителем колоний. «Алеутам воспрещается отлучаться куда бы то ни было без особого на то дозволения начальства, а в свободное от компанейской службы время дозволяется заниматься рыбною ловлею по берегам, ими самими обитаемым, и то лишь для собственного и семейства их пропитания». «Алеуты, начиная с 18 до 50-летнего возраста, обязаны служить компании для ловли зверей, причем компания имеет право требовать на службу не более половины из означенного возраста работников». «Алеутам воспрещается как продажа, так и дарение мягкой рухляди помимо компании». «Алеуты обязаны продавать компании упромышляемых ими зверей по утвержденной главным правлением таксе. Вместо наличных денег они обязаны принимать от компании или товар по компанейской таксе или компанейские марки». «Воспрещается алеутам входить в расторжки или торговые сношения с кем то ни было помимо компании, хотя бы те сношения и не имели предметом торговлю пушным промыслом». «Колониальное управление распоряжается алеутами для заготовления продовольствия рыбою и птицею как на время промыслов, так и на прочее время года, не выдавая им за это никакой особой платы». И, наконец, «компания имеет право или обязанность препятствовать развитию между алеутами роскоши, т. е. употреблению хлеба, чая и других подобных предметов».

В приведенных пунктах положения «Об островитянах» нуждаются в некотором уточнении лишь два момента. Это вопрос о самостоятельности тойонов во внутреннем управлении алеутами и, во-вторых, вопрос о том количестве алеутского населения, которое было занято на работах компании, по сравнению с его общей численностью.

На родовую верхушку ставка делалась с давних времен. Начиная с того момента, когда купцы переходят к эксплоатации пушных богатств Алеутских островов путем устройства оседлостей, они пытаются использовать в целях воздействия на алеут уважаемых старейшин, которых русские называли тойонами. Уже в 1791 году Баранов писал в одном из писем Шелихову: «Тайонам двадцати лутчим платье какое полутче с выкладками мишурными не запомни прислать, ста два три порисковать можно на счет компании. Нужно привязать их, дабы иногда действовать, можно и политикою, а не силами, европейские обстоятельства и в Кинаях расположение компании нудят сделать народов в наших занятиях усердными и преданными, когда располагаемся на дальние времена».[1]

Вскоре тойон фактически превращается в компанейского приказчика.

Согласно инструкции, как свидетельствует Костливцов, тойоны избирались обычно из «отличающихся знатностью рода, хорошим хозяйством и искусством в промысле зверей». Избранные тойоны утверждались главным правителем компании, непосредственно подчиняясь начальникам отделов. Их служба не ограничивалась сроком и нередко продолжалась пожизненно.

«Во время службы каждый из тоёнов получает 250 руб. ассигнац. жалованья в год, разные пособия припасами, подарки, а иногда награждаются главным правителем медалями с надписью «за у с е р д и е»; в случае же увольнения от службы по преклонности лет или болезни, Компания всегда оказывает им достаточное вспомоществование для обеспечения их существования. Должностной тоён, пользуясь разными льготами от Компании, живет гораздо лучше и состоятельнее прочих алеут».[2]

Обязанности тойонов предусматривались определенной инструкцией. «Правила для тоенов, избираемых в старшины», возлагали на них следующие обязанности: «Старшина должен назначать алеут в промысловые отряды: и летом на промысел морских бобров, а зимою на клепешный и стрелебный промыслы; также и на китовый и птичьи промыслы».

[1] Архив Института истории Академии наук, Материалы по истории Российско-американской компании, документ № 181.

[2] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 78.

Выделив алеут, обязанных пойти на промысел, и выдав им полученные от байдарщика орудия промысла, старшина обязан «иметь неослабный надзор, чтобы промышленники радели о промысле и со всевозможным усердием старались о пользе Компании и собственно своей, а не теряли времени в бездействии и праздности».[1]

Все алеуты обязаны были работать как непосредственно на промысле, так и на заготовлении для компании кормов и пр. На этом виде работы могут «быть употребляемы и старики,

Алеуты на компанейских работах

женщины и подростки обоего пола, кои без отговорок должны исполнять приказания старшины для общей пользы селения».[2]

Кроме того на старшину возлагались и чисто полицейские функции. «Старшина должен строго надзирать, чтобы никто из вверенных ему алеут нигде праздно не шатался и не смел бы отлучаться из селения без дозволения старшины».

[1] Правила для тоенов, избираемых в старшины над общими селениями алеут в Кадьякском отделе, § 2, Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний.

[2] Там же, § 3.

Таковы были обязанности тойонов или старшин в алеутском селении. Итак, тойон — не что иное, как компанейский приказчик. Как пишет Давыдов, «начальник... диких ни чем почти от других не отличается кроме имени тоена, или, что еще хуже, делают его пружиною утеснения других островитян».[1]

Что же касается количества туземцев, действительно занятых на компанейских работах, то это ни в какой степени не соответствовало нормам, указанным в уставе. В бытность Костливцова в американских колониях ему от имени алеут была предъявлена жалоба на игнорирование компанией устава, ибо при снаряжении бобровых партий «почти все взрослые высылаются на промысел, а в домах их остаются одни старики, женщины и дети, от чего семейства их терпят недостаток в продовольствии». Доверенные алеут указывали, «что лучшее время года проводят они в занятиях по бобровому промыслу и возвращаются домой тогда, когда уже вся периодическая рыба уходит в море, от чего они не имеют возможности делать для своих семейств своевременно достаточных на зиму продовольственных запасений, которые состоят преимущественно из юколы, то есть сушеной или вяленой рыбы».[2]

Даже Костливцов, который пытался выгородить компанию, не мог отрицать рабского положения алеут. Но он пытается это приписать не компании, а чисто природным условиям. «Лично он не раб, он не крепостный какого-либо господина, никто его ни к чему не принуждает, — но; вникнув ближе в его положение, нельзя не сознаться, что он раб окружающих его обстоятельств, в полном смысле этого слова».

При этом Костливцов отмечает, что алеут никогда не бывает праздным. «Трудясь всю свою жизнь усиленно и весьма часто, по роду самых промыслов, с опасностию жизни, можно было бы надеяться, что алеуты, если не все богаты, то, по крайней мере, живут в довольстве, обеспеченные всем необходимым. — Но, к сожалению, в действительности представляется совершенно противное».[3]

В сущности, отношения между алеутами и компанией во многом напоминают так называемую систему «мита», которая имела место в Перу и Мексике на золотых и серебряных разработках. По требованию колонистов, индейские деревни должны были выделить для работы на рудниках

---

[1] Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним, СПб., ч. II, 1812 г., стр. 116.

[2] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 61.

[3] Там же, стр. 49—50.

в Перу седьмую часть своего населения, а в Мексике — четвертую часть. Рабочие получали нищенское жалованье, которое выплачивалось им в конце периода насильственного «найма». Здесь же, в русских колониях, процент привлекаемых к работам компании был значительно выше, а в отдельные периоды охватывал все трудоспособное население.

В момент расцвета деятельности компании, в первые десятилетия XIX века, принудительные работы туземного населения организовались следующим образом: главная партия в составе около 500 байдарок отправлялась в апреле с о. Кадьяка вдоль американского материка до бухты Бобровой, возвращаясь обратно только к концу августа. В эту партию подбирались самые молодые эскимосы, ибо во время промыслов нередко приходилось обороняться от нападавших тлинкитов. Вторая партия, насчитывавшая около 200 байдарок, плавала с начала апреля до конца августа вдоль островов к северу от Кадьяка. Третья, в количестве 40 байдарок, занималась промыслом на островах к северу от Кадьяка и одновременно перевозила необходимые припасы с одного острова на другой. Четвертая партия (50 байдарок) плавала в западном направлении от Кадьяка.

Каждый отправлявшийся на промысел делал себе новую байдарку, которая для туземца представляла значительную ценность. После возвращения с промысла байдарка для дальнейших плаваний была уже совершенно непригодна. Оставшиеся старики и дети в компанейских байдарках посылались на ловлю птиц. Каждый из них должен был наловить такое количество птиц, чтоб из него вышло семь парок,[1] т. е. около 300 штук. «Есть ли один за старостию и болезнию не достал положенного числа, то дополняют оное тем, что у другого найдут излишнее. За штатное число семи парок Компания ничего не платит. Промысел птичей весьма опасен, особливо для стариков... Всякому, доставшему семь парок, отдают одну, приказывая вместо оной заплатить пять черных лисиц, или 8 так называемых сиводушек и красных».[2]

Женщин посылали на чистку рыбы, пошивку парок, а также собирать ягоды и копать сарану.[3] «Доставание сараны, — как свидетельствует Давыдов, — очень трудно и удобное для сего время весьма коротко; почему беременные женщины или имеющие грудных детей, не могши накопать оброчного количества, принуждены бывают покупать оное

[1] Парка — одежда, сшитая из шкурок птиц или животных.
[2] Двукратное путешествие, ч. II, стр. 127.
[3] Сарана — употребляемая в пищу луковица дикой лилии.

у других. Когда созревают ягоды, то посылают их также набирать оных положенное число, смотря по урожаю, от 4-х до 8 ишкатов.[1] Сие продолжается до глухой осени и платы за то никакой не полагают».[2]

Вначале компания развозила туземцев по всем островкам. В итоге кадьякские эскимосы были рассеяны по 65 различным местам. Но затем, в связи с истощением пушного зверя, в течение трех лет, начиная с 1841 года, все туземцы были сконцентрированы в семи селениях.

Как отмечали ревизовавшие колонии Костливцов и Головин, «алеуты, ныне, по распоряжениям колониального начальства, соединенные в большие селения, в некоторых местах собраны в слишком большом числе, так, что трудно заготовлять на зиму достаточные запасы рыбы и других жизненных припасов. Живут же они большею частию в небольших домишках, из кое-какого леса, до половины врытых в землю, сверху также покрытых землею, без окон и печей».[3]

В отчетах компании часто фигурирует такса, согласно которой алеутам выплачивалась стоимость упромышленной ими пушнины. Это являлось доказательством «независимости» туземцев.

Устав гласил, что туземцы, «если пожелают продавать что-либо из приобретенной ими мягкой рухляди, то сие не иначе им дозволяется, как для одной компании исключительно, по таксе, которую правление ее имеет представить правительству». Такая такса действительно существовала и даже через определенные промежутки времени повышалась. За шкуру морского бобра в 1804 году полагалось 10 руб.,[4] в 1827 году — 20 руб., в 1836 году — 30 руб., а в 1852 году — 50 руб. За чернобурую лисицу в 1804 году — 2 руб., в 1852 году — 9 руб. За белого песца в 1804 году — 8 коп., в 1836 году — 20 коп. и т. д.[5] Однако, как компания сама констатировала, «сия промышленность — т. е. покупка зверей у зависимых алеут — по крайней лености и беспечности алеут — не составляет для компании почти никакого счета и если она... покупает зверей от диких, то покупает их не от своих островитян, но от народов, почти нисколько от нее не зависящих».[6]

---

[1] Ишкат — около четверика.

[2] Двукратное путешествие, ч. II, стр. 129.

[3] Доклад комитета об устройстве русских американских колоний, СПб., 1863, стр. 108.

[4] Здесь и ниже — в ассигнациях.

[5] См. Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, приложение XI.

[6] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли. 2 отд., 2 ст., 1824 г., д. № 603, л. 19.

Ссылка на «леность» туземцев была излюбленным приемом компании в тех случаях, когда ей надо было подыскать оправдание для применения к ним принудительных мер.

Но при той системе эксплоатации, которая существовала по отношению к туземцам во владениях Российско-американской компании, — у последних нехватало времени даже на подготовку для зимы пропитания, а не только для самостоятельного занятия охотой на пушного зверя. «Есть ли прежде, — суммирует свои впечатления о жизни туземного населения в русских колониях Давыдов, — американцы терпели недостаток в съестных припасах от лени, то ныне происходит сие от другой причины, а имянно: женщины запасают рыбу, ягоды, сарану и прочее для компании во все то время, когда ход рыбы в реки продолжается; мущины же проездят все лето за промыслом бобров морских и птиц, возвращаясь осенью, то есть не задолго до отходу рыбы в море. Таким образом, работая в лучшую пору на других, не имеют они почти нисколько времени сушить рыбу и запасать оную собственно для себя». [1]

Согласно положению, алеуты имели право жаловаться главному правлению на злоупотребления со стороны местной администрации или отдельных работников компании.

Начальник Охотского порта в своем донесении иркутскому гражданскому губернатору в 1815 году справедливо указывал, что если бы алеуты со всеми своими жалобами «относились в главное правление Российско-американской компании, существующее в С.-Петербурге, и ожидали бы от оного себе удовлетворения, то уверительно можно сказать, что таковые жалобы никогда до главного правления не достигали, хотя бы компания существовала и еще несколько столетий». [2]

При таком положении, писал далее начальник охотского порта, — «алеуты навсегда останутся в утеснении и всегда будут претерпевать от русских промышленников то, что и теперь по часту терпели, ибо алеуты, будучи народ крайне тихой и покорной, не зная русских обыкновений и не имея у себя из своих единоземцев знающих русскую грамоту, правописания, не имея на островах никого себе защитников, никогда не покусятся при всех терпимых ими угнетениях упрашивать кого-либо из промышленных русских людей, обретающихся от компании по островам Атхе и другим Андреяновской гряды, для написания прошения в главное правление и изъяснения всех терпимых ими обид, да и полагать можно, что редкий из промышленных, обретаясь в артеле

[1] Двукратное путешествие, ч. II, стр. 74.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1815 г., д. № 222, л. 69.

оного отдела, пожелает изъяснить противу товарища своего на бумаге то, о чем жаловаться будет алеут».[1]

Единичные случаи, когда отдельные алеуты на компанейском судне приезжали в Охотск, не меняли, в сущности, положения. За три года к охотскому коменданту поступила лишь одна жалоба, но это происходило отнюдь не потому, что для них не было оснований. В 1812 году на прибывшем в Охотск компанейском судне «Финляндия» находился алеут Гилев, словесно жаловавшийся охотскому коменданту на различные «притеснения и обиды» со стороны компанейских служащих, «заключающиеся наиболее в том, что многие из промышленных, проживая по островам, отнимают от алеут жен и дочерей, берут их к себе в наложницы и поживая с ними на островах, при отправлении в Охотск некоторых берут с собою, а других оставляют на островах в тягость обществу».[2]

Охотский комендант сделал только одно: заставил промышленников, вывезших с собою алеуток, на них жениться. Штурманского помощника Дубинина «на взятой... им с острова Атхи наложнице, женке — принудили обвенчаться законным порядком, что выполнено и с промышленными, привезшими в Охотск с островов Андреяновской гряды алеутских девок, все они... были обвенчаны в продолжении зимы 1814 года церковным порядком».[3]

Следствием тяжелого рабского положения алеут являлось быстрое их вымирание.

Вопрос о размерах туземного населения в начале русской колонизации вряд ли может быть разрешен с достаточной точностью. Те сведения, которые сообщаются Шелиховым, насчитавшим в русских колониях около 50 тысяч человек, были «сильно преувеличены» в целях придания большего значения присоединению к России американских колоний.

В первый период освоения колоний ни о какой переписи говорить не приходилось, а позднее главное правление компании предпочитало не делать достоянием гласности сведения, которые бесспорно у него имелись. Так было в 1824 году, когда, несмотря на неоднократные требования со стороны министра финансов о представлении компанией сравнительной ведомости о количестве родившихся и умерших в колониях, таковая под разными отговорками представлена не была.

Однако и представленная перечневая ведомость за несколько месяцев по Россу и за год по новоархангельской и

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1815 г., д. № 222, л. 70.

[2] Там же.

[3] Там же.

кадьякской конторам показала, что количество умерших было больше количества рождений, и на полях Канкрин даже сделал помету: «Более умирает — стало быть, дурно им жить».[1]

Впрочем, дальнейших выводов из данных о положении туземцев в американских колониях правительство предпочитало не делать.

Располагая даже неточными сведениями о количестве туземного населения в американских колониях, мы можем все-таки говорить о вымирании его во время господства там Российско-американской компании. По сведениям Хлебникова, на одном только о. Кадьяке с 1792 года по 1817 год из 6510 человек туземного населения убыло 2195 человек.[2] В 1824 году, по сведениям главного правления, общее число алеут обоего пола равно было 8405,[3] а в 1859 году, незадолго до ликвидации компании, число алеут уменьшилось до 4363.[4]

Будучи фактически рабами компании, «совершенно зависимые» туземцы все же не являлись ее «собственностью». Но в колониях имелись не только фактически, но и юридически принадлежавшие компании рабы, обычно использовавшиеся для целей личного обслуживания компанейской администрации и для ряда работ.

В своих отчетах главное правление неоднократно подчеркивало, что с приходом компании на острова и американский материк рабство, имевшее место у туземных народов, было ликвидировано. Это утверждение до известной степени соответствовало действительности. У всех туземных племен, за исключением тлинкитов, рабы были отобраны, но благодаря этому свободными они не стали, ибо перешли в собственность компании. Эти самые калги или, как они назывались позднее в колониях, — каюры — считались на «вечном услужении» у компании. Кроме того и отдельные промышленники — компанейские приказчики и пр. — имели своих каюр.

Однако с приходом русских войны между туземными племенами прекратились, и, следовательно, отпал и основной источник пополнения рабов, вместе с тем количество калгов или каюр постоянно уменьшалось. Тогда компания нашла выход: «Когда число каюр, — как сообщает Давыдов, — от

---

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1824 г., д. № 635, л. 11.

[2] Архив Государственного Географического общества, Записки *К. Хлебникова* о Америке, ч. III, стр. 118 об. — 119.

[3] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1824 г., д. № 635, л. 11.

[4] Архив Государственного Географического общества, фонд Веселаго, д. № 49.

работ и от разных нещастных случаев поуменшилось, стали набирать в оные из островитян за некоторые проступки; и разумеется, что с того времени число преступников на Кадьяке должно было увеличиться».[1]

Каюры ловили у затонов рыбу, промышляли клепцами лисиц, работали на солеварнях, кирпичных заводах, рубили дрова, использовались в качестве гребцов, т. е. на самых различных работах. В зимнее время, не имея надобности в большом количестве каюр, компания распределяла их во избежание лишних расходов в туземные селения на прокормление. Каюр, по словам Давыдова, компания «употребляет... в работы до старости, или до того времени, как родные найдут возможность выкупить». Даже инвалидность не спасала каюра от работы. «Есть ли каюра охромеет, или руку потеряет, или чрез иной случай сделается неспособным к отправлению работ; то сему находят должность пугать ворон с развешенной юколы, или что-либо тому подобное».[2]

В своих отчетах компания обходила вопрос о каюрах-рабах. Поэтому установить их число не представляется возможным. Лишь в одном отчете, относящемся к 1810 году, главное правление пишет о каюрах, что оно пользуется их трудом в результате «добровольного давания приверженными к русским островитянами своих каюр обоего пола для помощи в тех работах и упражнениях, коими русским заниматься неспособно и некогда».[3] Там же приводится число каюр — 500 человек.

Туземные племена — кенайцы, чугачи и другие, которые компанией именовались «полузависимыми», — ни в какой зависимости от компании не были. У компании с ними были более или менее нормальные отношения, компания изредка покупала у них пушнину, нанимала их на компанейские работы. В отчетах же они фигурировали как «полузависимые» для придания компании большего веса.

Разряд туземцев, «несовершенно зависящих» от компании, составляли тлинкиты (колоши), которые проживали на территории русских колоний в Америке.

§ 280 устава гласил, что компании предоставляется право оказывать им «покровительство». Однако ревизовавший в 1860 году колонии статский советник Костливцов не без остроумия отмечал, что этот параграф устава говорит лишь о «приятном заблуждении» компании и ни в какой степени не соответствует действительности.

«Хотя в уставе компании, ныне действующем и в проектированном вновь, инородцы эти и названы несовершенно зави-

[1] Двукратное путешествие, ч. II, стр. 115.
[2] Там же, стр. 121.
[3] АНХ, фонд министерства финансов, 2 отд., 1819 г., д. № 10, л. 47.

сящими от колониальной власти и обитающими во владениях колоний, — но я, с своей стороны, — пишет Костливцов, — полагал бы справедливее назвать их совершенно независимыми. Калоши, ни в каком отношении, не могут считаться зависимыми от Компании; скорее можно сказать, что сами компанейские заселения на американском берегу зависят от них; достаточно последним, как там выражаются, зашуметь, чтоб Новоархангельский порт, со всем населением его, лишить всякого свежего продовольствия и возможности показаться даже на несколько сажен за укрепления».[1]

Контр-адмирал М. Д. Тебеньков, бывший главным правителем колоний с 1845 года по 1850 год, в одном из своих отчетов прямо заявлял, что «одно только разъединение или безначалие их (калош) спасает нас от их посягательства. Имея весьма много причин снисходить им или давать другой оборот их дерзким поступкам, я не могу однако быть уверенным, чтобы Ситха рано или поздно, при таком направлении дел, избегла кровавой развязки».[2]

Не имея вооруженной силы в достаточном количестве, колониальное начальство постоянно опасалось обострения отношений с тлинкитами. В случае недовольства тлинкитов Ситха обрекалась на полуголодное существование. Все население переходило на старую солонину, соленую рыбу, ибо выходить за пределы укрепления в это время было весьма небезопасно.

Экономически заинтересовать тлинкитов в торговле с колониями компания так и не смогла, так как сама постоянно испытывала затруднения с доставкой товаров.

О том, насколько зависела компания от тлинкитов, можно судить по письмам колониальной администрации. В одном из писем правитель колоний Муравьев сообщал, что в 1823 году «промысел морских зверей (исключая котов) неудачен и крайне затруднителен по причине опасности от колош, которые всячески стараются препятствовать оному. Колоши сами промышляют бобров, и потому для компании гораздо было бы полезнее приобретать бобры покупкой от них, чем собственным промыслом. Но в колониях именно не было тех товаров, кои берут колоши за свои бобры, и потому не на что их было покупать».[3]

Уже с первых лет появления русских сопротивление тлинкитов носило упорный характер. Баранов, описывая Шелихову одно из своих столкновений в 1792 году с тлинкитами, сооб-

---

[1] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 66.

[2] Там же, стр. 66—67.

[3] АВП, фонд министерства иностранных дел, П-3, 1805 г., д. № 7, л. 28.

щал, что «отпор противу их произведен был хотя и очень мужественно россиянами из ружей, а американцами [1] — стрелами из луков и рукопашно копьями, — но без успеху, ибо нападшие все одеты были в три и четыре ряда из дерева плетеными куяками, или по-нашему латами, прикрытыми лосинными толстыми плащами, и имели претолстые деревянные на головах каски со изображениями разных чудовищных лиц, почему ни пули, ни кирпичи, ни стрелы и ни копья не в силах были их поражать, и ежели бы не случилась быть с ним однофунтовая пушка, то бы были они жертвою, ибо нападавшие бились с ним с крайнею жестокостью до самого свету, будучи повелеваемы голосом одного человека, чего в диких прежде никогда замечено еще не было, и заступая с храбростью места убитых». [2]

В 1801 году тлинкиты уничтожили так называемую Михайловскую крепость на о. Ситхе, в 1805 году в Якутате селение Слава́россия. Борьба с тлинкитами осложнялась тем, что эти замечательные стрелки были вооружены ружьями, которые они выменивали у иностранцев. В своем отчете в 1860 году капитан Головин писал, что «не так давно еще ни один русский не смел без оружия удалиться на 50 шагов от Новоархангельской крепости. В настоящее время вражды этой нет, но торговые сношения происходят только с ситхинскими калошами, живущими в десяти саженях от Новоархангельска». [3]

Жить в колониях приходилось под постоянной угрозой. Морской офицер А. Марков, посетивший в середине 40-х годов Новоархангельск, рассказывает, что на жилища тлинкитов все время «наведены пушки во всех направлениях, как с крепости, так и с судов, которые становятся в линию против их селения». [4]

Но это помогало мало. Нападения тлинкитов на русские поселения и даже более того — на центр русских поселений имели место вплоть до ликвидации Российско-американской компании.

В 1852 году тлинкиты разорили расположенное в 20 верстах от Новоархангельска небольшое русское поселение, а в 1855 году напали даже на Новоархангельск. Захватив на окраине Новоархангельска церковь, тлинкиты открыли сильный огонь. Положение осажденных было весьма критическим, ибо численность тлинкитов была во много раз больше, чем

---

[1] В данном случае Баранов имеет в виду бывших с ним алеут.

[2] АВПК и Б, фонд Непременного совета, д. № 140, письмо А. А. Баранова Г. И. Шелихову, 1792 г., на лл. 36—45.

[3] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 310—311.

[4] *А. Марков,* Русские на Восточном океане, стр. 35.

русских. Лишь в результате переговоров с тлинкитами удалось снять осаду с Новоархангельска.

Родовым старейшинам тлинкитов во время их приездов в русские укрепления устраивались торжественные приемы, преподносились всевозможные подарки, но гарантировать себя от неожиданного нападения тлинкитов, равно как и получать от них всю добываемую ими пушнину, — не удавалось.

Правда, еще в конце 30-х годов при помощи всевозможных подарков и длительного спаивания удалось сделать стахинского тойона Куатху убежденным «руссофилом». В ознаменование своей преданности России Куатха по увещанию местного священника во время поминок по умершем родственнике отказался от приношения человеческой жертвы и проявлял во всем свою полную лойяльность по отношению к колониальному начальству. По ходатайству компании, Николай I «в феврале 1839 года высочайше повелеть соизволил наградить стахинского колошенского тоена Куатху парчевым кафтаном с приличным поясом и шапкой».[1] Но не успели подарки достигнуть колоний, как Куатха уже оказался «недостойным всемилостивейшей награды». Тогда был найден другой тойон Кухкан, которого решено было возвести в звание «главного тоена колош, в российских владениях живущих», передав ему одновременно с этим присланные для Куатхи кафтан, пояс и шапку.

Использованию тойонов компания придавала огромное значение. По мнению правителя колоний, в целях «большей значительности и влияния главного ситхинского тайона не только между колошами, но и между русскими было бы полезно, чтобы почетное звание сие давалось с высочайшего разрешения», а главное правление при этом добавляло, что эти лица не только были бы полезны, но и «по близкому соседству с англичанами необходимы не только для пользы компании, но и вообще для усиления нашего влияния на колош, в русских владениях живущих».[2]

В 1842 году должность главного тойона была санкционирована царем, и согласно специально составленному клятвенному обещанию Кухкан обязывался «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови».[3]

Заканчивая характеристику политики компании по отношению к туземному населению, следует остановиться на ее отношении к вопросу о крещении алеут и вообще к деятельности церкви на территории русских колоний.

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1842 г., д. № 1430, л. 1.
[2] Там же, л. 2.
[3] Там же, л. 13.

При создании Российско-американской компании Шелихов и его наследники всячески подчеркивали наличие неограниченных возможностей для распространения «веры христовой» в русских колониях в Америке. По их ходатайству и за их счет в 1793 году в американские колонии была отправлена духовная миссия во главе с архимандритом Иоасафом. Однако сразу же по прибытии в колонии Иоасаф столкнулся с открытым противодействием со стороны компанейских приказчиков. В 1795 году в одном из своих писем Шелихову из Кадьяка Иоасаф писал: «Я крещу американцов, не делая никакова препятствия компании ни в чем, ибо каюры остаются каюрою, аманат аманатом и каждой промышленник при своей должности, а то, кажетца, не мешает, что он крещенной, но всегда делается мне в том препятствие». [1]

Это не помешало Иоасафу сообщить уже в 1796 году, что им окрещены на Кадьяке и прилежащих островах 6740 человек.

Вызванный с Кадьяка Иоасаф был в 1799 году посвящен в епископы и отправлен обратно. Однако компанейский корабль «Феникс», на котором он ехал, погиб.

В 1803 году возник вопрос о посылке в колонии нового епископа, однако, компания отнеслась к этому предложению весьма сдержанно: привилегии уже были получены, и в рвении к «вере христовой» надобности уже не было.

Главное правление ответило Синоду, что в новом епископе пока потребности не ощущается и что «пребывание тамо епископа, учрежденного единственно для посвящения из тамошних урожденцев в духовный сан, еще не время, за неназначением доныне главного сборного места, где бы оседлости компании были обеспечены со стороны хорошего климата и почвы земли для хлебопашества и других заведений». [2]

Но компания не только выступала против учреждения епископства в колониях, что потребовало бы от нее значительных расходов. Она всячески пыталась дискредитировать деятельность находившихся уже там священников.

То главное правление сообщает, при соответствующем случае, что духовенство в русских колониях «по ошибке очень извинительной, увеличило число новокрещенных христиан» и что ни для кого не секрет, что «одни и те же семейства алеут были вдвойне и даже втройне под разными именами и разными миссионерами внесены в списки новокрещенных». [3]

---

[1] Цитирую по *Тихменеву*, ч. II, приложение, стр. 103.
[2] АВПК и Б, фонд канцелярии Синода, 1809 г., д. № 273.
[3] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1826 г., д. № 738, л. 7.

В другом случае главное правление обращается с просьбой к правительству о защите компании от беспрестанно ездящих на Курильские острова камчатских земских начальников и лиц духовного звания. Первые, как сообщает правление, ездят «под видом осмотра, не имеют ли в чем нужду тамошние жители, а последние будто бы для проповеди, а все вообще для получения меховых вещей на табак и водку». Ввиду этого компания просит «чтоб и сии острова освобождены были от посетителей сих». [1]

Что касается духовного ведомства, то оно платило компании тем же. Получив из колоний от кого-нибудь из духовных лиц записку об уменьшении там народонаселения, Синод представлял ее куда следует, и начиналась долголетняя переписка, полная взаимных колкостей. В результате становились известными такие факты, которые компания вряд ли стала бы предавать гласности.

Главное правление противодействовало увеличению числа миссионеров в колониях до самого конца существования компании. Когда в 1850 году Синод поднял вопрос об увеличении числа миссий в колониях в целях более широкого крещения туземного населения, главное правление вновь запротестовало, считая эту меру несвоевременной и предлагая сначала закончить крещение чукчей, с которыми Синод уже более ста лет ничего не мог поделать.

«Умножение числа миссий к обращению туземных племен в православие, — как писало в 1850 году главное правление обер-прокурору Синода, — едва ли может привести к желаемым и прочным последствиям прежде ослабления в тех странах неприязненного для нас влияния с востока англичан и подчиненных им туземцев и с запада чукчей. Для прочного водворения православия между туземцами Камчатской епархии весьма было бы полезно, чтобы первоначальные усилия миссионеров были, по возможности, сосредоточены в земле чукчей, пограничных с Камчаткою, так как только с обращением этого народа в христианство можно будет ожидать несомненных успехов в распространении веры и среди прибрежных племен Северной Америки». [2]

Эта длительная борьба, которую компания вела с Синодом, имела известные основания. Прежде всего содержание духовенства и церквей в колониях дорого обходилось компании. Так, например, с 1849 года по 1859 год на содержание духовенства ушло 345 856 руб. 38 коп., на содержание церквей — 71 723 руб. 18 коп. Таким образом, за десять лет ком-

[1] АНХ, фонд коммерческого департамента, 1809 г., д. № 435, лл. 3—4.
[2] АВПК и Б, фонд Синода по Камчатской епархии, 1847 г., д. № 2743, л. 18.

пания израсходовала свыше 400 тысяч руб. на эту цель, что составляло около 10% суммы, израсходованной на оплату всех служащих и рабочих колонии за это же время. Между тем, деятельность духовенства среди покоренных алеут не только не приносила компании какой-либо пользы, но даже мешала ей. Священники вмешивались в распоряжения компанейской администрации, постоянно посылали доносы в Петербург. Бывали случаи, когда духовенство настолько портило отношения с туземцами, что вызывало возмущения, направлявшиеся в конечном счете против компании.

Что касается деятельности церкви среди непокоренных тлинкитов, то духовенство и здесь обнаружило полную неспособность добиться желательных для компании результатов. Оно ограничивалось лишь крещением тлинкитов и наблюдением за выполнением ими обрядов.

Еще Резанов в своем письме директорам компании писал в 1805 году: «О духовной миссии скажу вам, что она крестила здесь несколько тысяч, но только, что литерально сказать — крестила. Видя нравы кадьякцов несколько смягченными, не отношу я ни мало к трудам миссии, но ко времяни и собственным способностям их. Монахи наши никогда не шли путем иезуитов в Парагвае, не искали развивать понятия диких, не умели входить в обширные виды ни правительства, ни Компании. Они купали американцов и когда по переимчивости их умели они в полчаса хорошо крест положить, то гордились успехами и, далее способностями их не пользуясь, с торжеством возвращались, думая, что кивнул, мигнул и всио дело зделано». [1]

Требуя, чтобы проповеди туземцам произносились на их родном языке, Резанов заставлял колониальное духовенство заниматься составлением словаря тлинкитского наречия. Но дело это подвигалось весьма медленно, ибо, по словам Резанова, этим представителям духовенства «всякое новое дело медведем кажется».

Резанов рассказывает далее, как духовенство вредило интересам компании:

«На полуострове Аляске завелся было на озере Илямне, что названо озером Шелихова, торг с горными народами, великие пользы открывавшей. Монах Ювеналий тотчас улетел туда для проповеди, крестил их насильно, венчал, отнимал девок у одних и отдавал другим. Американцы всио буйство его и даже побои долго сносили, но наконец опомнились, что етого урода и избавиться можно, и, посоветовавшись между собою, кончили тем, что убили преподобного; да об нем и жалеть бы нечего, но принесли в жертву ожесточению

[1] *Тихменев*, ч. II, приложение, стр. 214.

своему и всю артель русских и кадьякцов, не оставя ни одного живого».[1]

От положения алеут в поселениях Российско-американской компании немногим отличалось и положение так называемых креолов. Не имея возможности формировать оседлое население в колониях из русских переселенцев, не получив прав на приобретение крепостных, компания попыталась создать особую категорию «колониальных граждан» из креолов. Уже с самого начала своего существования компания поддерживала захват «промышленными» женщин у туземцев, оправдывая это насилие соображениями «высшего» порядка. «На все сие ежели смотреть с точки зрения политической, — писало главное правление, — то связи русских с алеутками необходимы как для открытия каких-либо вредных замыслов, так и для прочных связей, ибо рождающиеся от них дети поневоле соединяют с русскими тех алеут, кои находятся с ними в родстве, да и самые дети, будучи все крещены, навыкают быть уже русскими, а не алеутами, а таковое перерождение есть прочность для русских».[2]

В 1818 году главное правление представило министру внутренних дел Козодавлеву составленный еще Резановым проект о создании из креолов «сословия колониальных граждан». Проект этот имел в виду «креолов употребить на пользу отечества и компании таким образом, чтобы из тех, кои способны быть воинами, составить компанейский гарнизон для защищения тамошних портов и крепостей, и для сего нескольких из них вызвать в Россию и обучить их разным приемам фронтовой службы, барабанным боям и протчему, а других способных употребить к мореходству, к письменным делам, или к торговле и к каким-либо необходимым там ремеслам или к возделыванию земли».[3]

Взрослых креолов-мужчин числилось в это время в колониях около двухсот. В отличие от русских «промышленных» они, находясь на компанейской работе, могли иметь собственное хозяйство.

Однако, стремясь создать контингент, из которого можно было бы систематически черпать необходимые рабочие руки, компания сама же низводила креолов до уровня рабов.

Положение креолов в русских колониях в Америке впервые было оформлено в уставе Российско-американской компании, утвержденном в 1844 году, при очередном продлении на следующее двадцатилетие ее привилегий. Специальный

---

[1] *Тихменев*, ч. II, приложение, стр. 214.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1818 г., д. № 222, л. 108.

[3] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1818 г., д. № 361, л. 1.

раздел «о креолах» формально ставил их в одинаковое положение со свободным сословием Российской империи — с мещанами, но ряд оговорок, сделанных в уставе, сводил независимость креолов на-нет.

Так, например, креолы, проучившиеся на средства компании хотя бы самое короткое время, попадали в зависимость на 10—15 лет, причем креолы, обучавшиеся на месте, в колониях, обязывались прослужить не менее 15 лет, на 5 лет больше, чем обучавшиеся в России.

В отчете по обозрению колоний в 1860—1861 гг. Костливцов справедливо отмечает, что в уставе не без умысла замалчивается вопрос о том, чему должен быть обучен креол, платящий столь высоко за право учения. «Неужели, — пишет он, — за обучение читать и писать или работать топором, как простой дровосек, он должен выслуживать этот же длинный срок?» [1]

При таком положении прямой целью устройства школ для креолов было их закабаление на службе компании. Все малолетние креолы хотя бы непродолжительное время посещали эти школы, и тем самым все креольское население попадало в длительную зависимость от компании.

По прошествии обусловленного срока службы креолы должны были быть освобождены от зависимости, «ежели не состоят должными компании». Но эта оговорка и составляла основное препятствие к освобождению после пятнадцатилетней кабалы, ибо условия жизни в колониях, как мы видели на примере промысловых рабочих, неизбежно приводили к поголовной задолженности.

На 1 января 1861 года, незадолго до ликвидации дел компании, в колониях числилось уже 1896 креолов, из которых 783 составляли трудоспособное мужское население. Они, как и все остальные туземцы, находились в рабской зависимости от компании.

Подводя итоги, напомним еще раз, что политика компании была правительственной политикой, и правительство отдавало коренное население колоний в полную зависимость от компании. И только тогда, когда вопрос о ликвидации компании был уже решен, правительство приняло позу бескорыстного защитника туземцев и использовало факты, известные ему уже в течение десятилетий, в качестве материала для обвинения компании в незаконной их эксплоатации.

---

[1] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 35.

X

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Конвенция 1825 года, предоставлявшая англичанам право свободного плавания по рекам, протекавшим из английских владений в русские и имевшим выход в океан, делала английских купцов фактически хозяевами всей территории вдоль речных путей сообщения. Стараясь не упускать из своих рук эти районы, Российско-американская компания устроила на материке редуты, которые должны были вести торговлю с туземцами и тем самым препятствовать развивавшемуся английскому обмену с туземным населением.

Юго-восточная граница русских колоний в Америке вплотную соприкасалась с владениями английской Гудзонбайской компании. Гудзонбайская компания обладала монопольным правом торговли с индейцами в Северной Америке как к северу, так и к западу от границ Соединенных Штатов. В противоположность Российско-американской — Гудзонбайская компания сама пушным промыслом не занималась, ограничиваясь по преимуществу тем, что выменивала меха у туземцев. После предоставления англичанам права плавания по рекам, протекавшим на русской территории, агенты Гудзонбайской компании развили широкую деятельность среди индейских племен, населявших русские колонии. Для Российско-американской компании, которая также часть пушнины выменивала у туземцев, конкуренция с англичанами была не под силу. Англичане платили дороже, да и ассортимент их товаров был подобран с учетом потребностей индейцев, в то время как Российско-американская компания пыталась сбыть им всякую заваль.

Обострение отношений между двумя конкурирующими компаниями дошло до того, что в 1834 году агенты Российско-американской компании рискнули даже на открытое нарушение русско-английской конвенции и отказались пропустить мимо форта св. Дионисия (у устья р. Стахин) судно Гудзонбайской компании. Результатом этого столкновения

явился иск, предъявленный Гудзонбайской компанией к Российско-американской компании, на сумму 22 118 фунтов стерлингов (около 135 тысяч руб. серебром).

Но внезапно столь обостренные отношения с Гудзонбайской компанией сменились горячей дружбой. В 1839 году «с высочайшего соизволения» между Российско-американской и Гудзонбайской компаниями был подписан контракт об отдаче Гудзонбайской компании в аренду части русских владений на северо-западном берегу Америки. Гудзонбайская компания получила сроком на 10 лет, считая с 1 июля 1840 года, территорию от 54°40′ северной широты к северо-западу до линии, проведенной между мысом Спенсера при заливе Креста и горою Доброй Погоды.

Предоставление Гудзонбайской компании части приморской полосы, до того времени эксплоатировавшейся Российско-американской компанией, не было результатом коммерческой сделки, имевшей своею целью пользу компании. Это была попытка русского правительства ликвидировать один из поводов, могущих в какой-то мере привести к обострению русско-английских взаимоотношений, что для России в этот момент было бы весьма невыгодным. Именно в этот период, с августа 1839 года по июль 1840 года, русский посол в Англии барон Бруннов вел в Лондоне переговоры о режиме в проливах. По этому вопросу, чрезвычайно обострившемуся в связи с поражением, нанесенным египетским пашою Турции, существовали две точки зрения: австрийская точка зрения, провозглашенная Меттернихом, предусматривавшая совокупную гарантию целостности Турции со стороны всех европейских государств, и английская, которую защищал Пальмерстон, хотя и ограничивавшая Россию на Ближнем Востоке, но не предусматривавшая полной гарантии целостности Турции. Россию значительно больше устраивала позиция Англии, и в этот момент хоть сколько-нибудь обострить отношения из-за интересов конкурентной борьбы с Гудзонбайской компанией для русского правительства не имело никакого смысла.

Уступая в арендное пользование Гудзонбайской компании часть своей территории, русское правительство хотело вместе с тем поставить предел и домогательствам американцев, настаивавших на возобновлении 4 статьи конвенции 1824 года о праве свободного плавания на территории русских колоний в Америке. Недаром русский посланник в Соединенных Штатах Бодиско с большим опасением относился к этому соглашению. В депеше от 10 августа 1839 года Бодиско писал Нессельроде: намерение «сдать в аренду Гудзонбайской компании эксплоатацию северо-восточного побережья заставляет меня обратить внимание государственного министерства на неблагоприятное впечатление, которое должно произвести это реше-

ние, и на последствия, к которым оно может привести, как только оно достигнет сознания американских судовладельцев».[1]

Однако Нессельроде считал, что при союзе России с Англией претензии, предъявленные Америкой, не имеют существенного значения. «В политическом отношении, — писал Нессельроде министру финансов 4 января 1839 года, — желание сблизиться с Гудзонбайскою компаниею посредством отдачи ей в арендное содержание помянутых земель заслуживает, по моему мнению, полного одобрения. Приведение в действие такого предположения представило бы нам ту непосредственную выгоду, что оно устранило бы как соперничество в меховой торговле с туземцами, так и часто представляющиеся случаи столкновения с англичанами и гражданами Соединенных Штатов, подававшие уже неоднократный повод к неприятной переписке с их правительствами. В особенности же сделка эта отклонила бы от нас всякие дальнейшие объяснения с правительством Соединенных Штатов на счет... не совместных с нашими выгодами домогательств оного о возобновлении предоставленного им конвенциею права свободного плавания в морях и проливах, прилежащих к владениям нашим в Америке».[2]

Согласно контракту Гудзонбайская компания отказывалась от своего иска к Российско-американской компании и в виде аренды платила ей по 2 тысячи выдр ежегодно. Заключенный вначале на десять лет, контракт этот возобновлялся несколько раз и сохранил свою силу вплоть до окончательной ликвидации Российско-американской компании.

Ход конфликта с Гудзонбайской компанией и его разрешение, последовавшее по прямому указанию правительства, чрезвычайно характерны для того положения, которое заняла Российско-американская компания к началу 40-х годов. Американские поселения начинали терять свое былое значение для царского правительства. Они превращались, по существу, в разменную монету для оплаты всевозможных выгод и преимуществ, получаемых на Ближнем Востоке. Но, несмотря на это, существование Российско-американской компании еще не потеряло в глазах правительства смысла, так как теперь, к 40-м годам, компания почти полностью превратилась в государственную организацию, перед которой были поставлены новые задачи.

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, канцелярия, 1839 г., д. № 217, лл. 238—239. Перевод с французского.

[2] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25, письмо управляющего министерством иностранных дел К. В. Нессельроде министру финансов Е. Ф. Канкрину от 4 января 1839 г., на лл. 32—38.

§ 1 утвержденного в 1844 году устава Российско-американской компании гласил о том, что компания образована «для промыслов на матерой земле С.-З. Америки и на островах, как Алеутских и Курильских, так и во всей части Северо-Восточного моря». Но такое определение и тогда уже мало соответствовало действительности. Промысловая деятельность компании в этот период уступала место непосредственным функциям по управлению территорией, занятой Россией в Америке. Эти задачи Российско-американской компании с полной ясностью были сформулированы в проекте нового устава, представленном на рассмотрение правительства в 1861 году. Здесь уже нет места недоговоренности. § 1 проекта нового устава определял функции компании и указывал, что она организована «для управления российскими колониями в Америке».

Мысль эта для российских правительственных кругов была не нова. Еще в 1841 году, т. е. до утверждения устава на предыдущее двадцатилетие, в Государственном совете было отмечено, что «компания есть коммерческое сословие, но и некоторым образом и власть правительственная, а привилегия ее заключает в себе не одно право, но вместе с сим и обязанность». [1]

Сибирский генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, которому в этот период было поручено ознакомиться с положением компании, писал в докладе царю, что «компания в затруднительном положении, что кяхтинская торговля не представляет ей уже верного сбыта ее произведений... что при сделавшейся чрезвычайной дороговизне в Калифорнии колонии лишились средства приобретать хлеб для продовольствия выгодными ценами, и заготовляет оный в Балтийском море, ибо на берегах Охотского он обошелся бы еще дороже». [2]

Характеристика экономического положения компании, как мы видим, достаточно безотрадна. По существу, Российско-американская компания уже тогда стояла на пороге полного экономического краха. Если бы речь шла об обычном коммерческом предприятии, то совершенно естественно встал бы вопрос о его ликвидации. Но Муравьев настаивал на сохранении компании и оказании ей необходимой материальной помощи. Сибирский генерал-губернатор в данном случае только отражал точку зрения правительства, которое считало, что роль Российско-американской компании в прокладывании путей царской экспансии на востоке еще не закончена и маскировка экспансии частной инициативой еще могла

[1] АВПК и Б, фонд Государственного совета, департамент экономии, 1841 г., д. № 3914, л. 144.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1849 г., д. № 1727, л. 51.

быть полезна царизму. Немаловажное значение имел также вопрос об управлении далеко еще не освоенными землями в Америке.

«По моему мнению, — писал Муравьев, — существование Российско-американской компании для правительства, по крайней мере, до времени, необходимо, ибо взять на себя управление северо-американскими нашими владениями было бы сопряжено с весьма значительными издержками, единовременными и ежегодными, а между тем управление наше и силы в Охотском море и Камчатке в таком еще положении, что распространиться на американский берег было бы преждевременно. Смею думать, с другой стороны, что оставить северо-американские наши владения, если компания не в состоянии была бы ими управлять, не соответствовало бы правительственным видам. Оба эти соображения приводят к заключению, что правительству придется оказать содействие компании в настоящем, как мне известно, трудном ее положении». [1]

Но самым существенным, что заставляло сохранить компанию, было подготовлявшееся продвижение к Амурскому краю. И не случайно Муравьев, опасаясь, что компания, в связи с тяжелым финансовым положением, может сократить свой флот, предлагал полностью укомплектовать компанейский флот офицерами и матросами действительной службы, взяв их содержание на казенный счет.

В доказательство необходимости сохранить Российско-американскую компанию Муравьев ссылался на пример иностранных компаний, указывая, что «быстрые успехи английской Ост-индской компании, поддерживаемой и, можно сказать, направляемой правительством, могут служить нам некоторым примером, с тем еще благоприятным для нас различием, что от С.-Петербурга и до Восточного океана сплошь великая империя вашего величества».

И в действительности в конце 40-х и первой половине 50-х годов компания сыграла исключительную роль в деле продвижения России на Восток и в возвращении некогда оставленных царизмом районов Приамурья.

Поставив во второй половине 40-х годов XIX века перед собой задачу возвращения некогда оставленного русскими Приамурского края, царское правительство должно было предварительно разрешить вопрос о судоходности устья р. Амур и о наличии выхода из Амура в океан. Открытое исследование этого края было для царизма невозможно. Китай только что потерпел поражение со стороны Англии в результате так называемой опиумной войны. В 1842 году Китай подписал Нан-

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1849 г., д. № 1727, лл. 51—52.

кинский договор, положивший начало целой системе неравноправных договоров, заключенных Китаем с капиталистическими государствами. Но Нанкинский договор все же не удовлетворил всех требований английской буржуазии по отношению к Китаю. Нанкинский договор 1842 года в английских буржуазных кругах считали «умеренным», подчеркивая при этом, что понесенные в итоге войны убытки не оправдываются добытыми преимуществами. «Умеренность» англичан при заключении Нанкинского договора обусловливалась тем, что английское правительство опасалось чрезмерным нажимом на Китай вызвать против себя выступление других держав, также претендовавших на закрепление в Китае.

В этих условиях открытая разведка России в районе Амура послужила бы своеобразным поощрением действий Англии в Китае и могла толкнуть ее на предъявление новых требований китайскому правительству. Но дальнейшее наступление Англии на Китай вовсе не входило в расчеты царского правительства, с другой стороны, — период, следовавший вслед за опиумной войной, был наиболее удобным для того, чтобы добиться от Китая возвращения Амурского края России мирным путем.

Таким образом, необходимо было действовать активно, но вместе с тем в высшей степени осторожно. И в этих условиях была незаменима Российско-американская компания, по заявлению главного правления, самый верный, надежный и добросовестный агент правительства, «который оному необходим во всех особенных случаях, где оно находит неудобным действовать от своего лица».[1]

В 1844 году министерство иностранных дел сообщило главному правлению, что обследование р. Амура по повелению царя предлагается компании взять на себя.

Весною 1846 года компанейское судно «Константин» под командою Гаврилова начало свои работы по обследованию устья Амура. Несмотря на кратковременность работ экспедиции, она, не разрешив окончательно вопроса о состоянии устья р. Амура, все же в большой степени способствовала изучению этого района.

Поручая в 1849 году обследование устья р. Амура капитан-лейтенанту Г. И. Невельскому, сибирский генерал-губернатор предлагает одновременно с этим Российско-американской компании отправить к устью Амура сухопутным путем торговую экспедицию, имевшую своей целью основание в этом крае русских поселений и вместе с тем привлечение коренного населения — гиляков на сторону России при помощи выгодных для

---

[1] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 545.

них торговых операций. Необходимость подобной экспедиции объяснялась министерством иностранных дел в отношении к главному правлению тем, что для России особенно важна связь с гиляками, «обитающими близь устья Амура на северной стороне его, которые, как равно и прочие их соплеменники, повидимому, считают себя независимыми от Китая».[1]

В течение нескольких летних месяцев 1849 года торговая экспедиция компании производила мену с гиляками, сообщая ценные сведения о их потребностях и составляя описание этого края.

В 1850 году торговая экспедиция компании вновь действовала в Приамурском крае параллельно с экспедицией капитан-лейтенанта Невельского, и первое русское поселение на Амуре, так называемое Петровское, было основано в июне 1850 года капитан-лейтенантом Невельским и начальником компанейской торговой экспедиции Орловым. Во главе этого заселения оставлен был служащий компании Орлов, который вел попрежнему активный обмен с туземным населением.

В принятом в этом же году специально назначенным комитетом решении по поводу колонизации Амурского края особенно подчеркивалось, что поселения здесь должны быть устроены в виде факторий Российско-американской компании. Компанейский флот, основной кадр ее служащих — все теперь было брошено на освоение Амурского края.

В 1851 году служащие компании были уже поселены на посту Николаевском. Посылаемые компанией из этих постов экспедиции углублялись все дальше и дальше, изучая огромную территорию Амурского края, прокладывая новые пути, основывая новые поселения.

Так продолжалось до 1858 года, до заключения с Китаем Айгунского договора, возвращавшего России Амур, после чего деятельность компании здесь становилась излишней.

Много энергии и средств было потрачено компанией по постройке порта в заливе Аян, призванного заменить неудобный Охотский порт. Новый порт, соединенный двухсотверстной дорогой с урочищами по р.р. Мае и Алдану, имел большое значение как база, на которую можно было опереться в продвижении на Амур.

Генерал-губернатор Восточной Сибири в особом представлении в Сибирский комитет в 1859 году отмечал, что «участие, которое принимала Российско-американская компания в самом начале амурского дела, имело тем бо́льшую важность, что действия Компании положили начало делу, результатом которого были последующие события. Небезызвестно, что первые решительные действия наши на Амуре в 1850 году, когда

[1] Цитирую по *Тихменеву*, ч. II, стр. 62.

правительство признавало нужным не делать их гласными, совершались под фирмою Компании. Так были основаны первые посты наши на устьях Амура».[1]

Таким образом, вплоть до середины 50-х годов правительство было весьма заинтересовано в продолжении деятельности Российско-американской компании. В этот период были приняты все меры для того, чтобы вывести компанию из того тяжелого финансового положения, в котором она очутилась, путем предоставления ей монополии не только в пушной, но даже и в чайной торговле.

Незадолго до пятидесятилетнего юбилея Российско-американской компании главное правление, подводя итоги ее деятельности, делило всю историю компании на три периода.

«Первый период неустройства и несоответственного употребления способов и богатств компании продолжался до 1821 года. Второй период постепенного введения порядка и отчетности, при иссякающих источниках колониального богатства можно считать до 1838 года и, наконец, третий период приведения в совершенный порядок управления компании начался с 1838 года и продолжается доныне, но постепенный упадок чайной торговли и препятствия, встречающиеся в выгодном сбыте мехов внутри России, угрожают видимою опасностью дальнейшему успеху дел компании».[2] Иными словами, в первый период существования компании была пушнина, но не было порядка. Во второй период порядка было больше, но зато пушнины стало меньше. И, наконец, в третий период порядок был полный, но касса опустела. Надо признать, что эта характеристика деятельности компании была весьма близка к истине.

Внешне положение Российско-американской компании и во второй и в третий периоды было весьма благополучным. Компания попрежнему из года в год объявляла о выплате дивиденда, причем в размерах, значительно превышавших учетный процент. В общей сложности с 1797 по 1859 год включительно, в переводе на серебро, компанией было выдано дивиденда 5 734 308 руб. 99 коп. Если считать, что у компании в среднем было в этот период 7484 акции, то получается, что на 150 руб. серебром за 62 года акционеры получили по 766 руб.[3] 20 коп. Дивиденд с 1826 по 1861 год, в переводе на серебро, колебался в среднем от 13 до 20 руб. ежегодно, что соста-

---

[1] Доклад комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 63.

[2] АВПК и Б, фонд департамента народного просвещения, 1847 г., д. № 3179, л. 11.

[3] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 226.

вляло от 8 до 13% годовых.[1] Однако онакомление с деятельностью Российско-американской компании за первое двадцатилетие ее существования показало нам, что выплата дивиденда вовсе не означала успешности дел компании. Правление выплачивало в общем сумму во много раз меньшую, чем это следовало по балансу, так как значительная часть акций фактически не существовала в действительности.

Но за внешним благополучием деятельности компании скрывалось весьма тяжелое экономическое положение, с каждым годом все более ухудшавшееся. Нагляднее всего это видно из данных о добыче компанией пушнины. Если сравнить ведомость о количестве упромышленной пушнины за первое двадцатилетие существования компании с данными последнего двадцатилетия, то мы должны будем констатировать значительное истощение пушных богатств в колониях, как результат хищнических методов ведения хозяйства.

С 1797 года по 1821 год морских бобров было добыто 72 894, а за период с 1842 по 1861 год — 25 602, т. е. на 47 292 шкурки меньше. То же самое мы наблюдаем и в отношении добычи морских котов. С 1797 по 1821 год компания вывезла из колоний 1 232 374 шкурки морских котов, а за период с 1842 по 1861 год — всего лишь 338 604 шкурки, т. е. на 893 770 шкурок меньше.

Но положение компании стало затруднительным не только вследствие истощения пушного промысла. В числе причин, обусловивших ее тяжелое экономическое положение к концу 40-х годов, был и ряд других обстоятельств, главным образом — потеря основного рынка сбыта пушнины, каким для компании долгие годы являлся Китай, а также затруднения в снабжении колоний хлебом.

Падение покупательной способности китайского потребителя, вызванное внедрением капиталистических держав в «Срединную империю» в конце первой половины XIX века, утечка серебра, в связи с огромным ввозом опиума, разорение ремесленников и мелкого купечества из-за невозможности конкурировать с иностранными купцами и, наконец, появление на китайском рынке канадских мехов — все это резко сократило размеры сбыта в Китае русской пушнины. Именно разорение мелкого и среднего круга потребителей особенно больно ударило по компании, поскольку ввозимые ею в Китай меха принадлежали к наиболее дешевым сортам.

[1] Начиная с 1844 года, число акций было твердо стабилизировано и равнялось 7484. С 1845 г. акции компании исчислялись уже в серебре. Стоимость акции в 500 руб. ассигнациями с округлением была исчислена в 150 руб. серебром.

Из 18 тысяч средней годовой добычи котиков 8 тысяч шли в Китай через Кяхту; другая часть котиков со времени открытия Шанхая отправлялась в этот порт, и лишь небольшой процент попадал в Россию для внутренней торговли. В Китай же шла основная масса добываемых компанией шкурок речного бобра (около 2 тысяч штук), и лишь такие дорогие меха, как морской бобр, сбывались в Китае в небольшом количестве. Таким образом, до появления иностранной конкуренции в Китае находила спрос почти вся пушнина, за исключением морских бобров.

С падением русской торговли в Китае следовало искать новых рынков и, в первую очередь, европейских. Однако овладение новыми рынками оказалось компании не под силу.

Несмотря на высокое качество сырья, Российско-американская компания получала меха среднего, а иногда и низкого сорта из-за скверной их обработки. Для китайского рынка эти сорта были приемлемы. Иначе обстояло дело на европейских и американских рынках. Вывозя часть своих мехов в Нью-Йорк и главным образом в центр мировой пушной торговли — в Лондон, компания принуждена была ввиду скверной обработки сбывать их задешево.

В 1865 году служащий компании Рутковский был командирован в Лондон, где знакомился с постановкой дела на предприятиях фирмы Оппенгейма и К⁰, занимавшейся выделкой шкур морских котов. «Здесь я имел случай, — сообщал Рутковский, — видеть котовые шкуры из колоний и из островов Lobus и Castillas; последним отдают на лондонском рынке большое преимущество, и я мог сам убедиться, что шерсть и пух на них гораздо рослее и гуще. Посолка этих шкур очень тщательная, и в бочках совсем нет рассолу. В шкурах, последне-полученных из колоний, некоторые, а именно до 500 шт., с красными и на вид пухлыми пятнами, и против оных шерсть легко можно выдергивать пальцами, пух однакож держится, но г. Шерстер показывал мне подобные шкуры выделанными и на них голые места. Несколько шкур, лежавших на днах бочек, слиплись и потемнели от того, что на них не было соли».[1]

Российско-американская компания предполагала было наладить у себя в колониях выделку мехов по последнему слову техники, однако, этому мешало отсутствие у нее квалифицированных специалистов. Пытались переманить опытных мастеров из торгового дома Лемпсона в Лондоне, но и это не удалось: английские предприниматели не отпускали нужных им мастеров, да к тому же английские законы сурово карали за разглашение производственных секретов.

[1] АВПК и Б, фонд Государственного совета, архив Буткова, д. № 15.

Одновременно с кризисом меховой торговли в Китае падал также и сбыт мехов в России, куда компания ввозила наиболее ценные сорта, главным образом, морских бобров. Как отмечало в 1845 году правление компании, «оптовые покупатели, видя, что главнейшие компанейские меха, приобретаемые ими дорогою ценою, сбываются с большим трудом и требования на них делаются реже, стараются заменить их мехами менее ценными, которые постепенно, входя в употребление, еще более ограничивают в публике потребность в мехах высших сортов».[1] Рассчитывать на то, чтобы сбыть на русском рынке дешевые сорта мехов, не нашедшие покупателя в Китае, также было трудно. Котик, основной предмет компанейского промысла, мех, потребляемый «третьим сословием», не имел еще в те годы в России достаточно широкого круга покупателей.

Как мы уже указывали, в этот же период Российско-американская компания испытывала большие затруднения в снабжении колоний хлебом. Нахождение золота в Калифорнии вызвало небывалый приток эмигрантов. В связи с этим сельскохозяйственные продукты в Калифорнии настолько вздорожали, что компании было выгоднее везти их в колонии чуть ли не из Петербурга.

Тот дефицит, который образовался вследствие падения торговли в Китае и истощения наиболее ценных видов пушнины, компания могла бы компенсировать двумя путями. Одним из этих путей могло быть использование новых видов пушнины, которые до сего времени в бюджете компании не занимали значительного места, другим путем могло стать развитие торговли предметами потребления на окраинах России — Камчатке, Амуре и др.

В последний период существования компании добыча некоторых видов пушнины дает значительное увеличение. Растет добыча выдр, речных бобров и пр., в значительно большем количестве добываются также моржевый зуб, бобровая струя. Это были весьма ценные продукты экспорта, шедшие в Англию и другие страны. Но несмотря на увеличение добычи по этим видам промыслов, компания все же не смогла использовать все свои возможности и тем самым покрыть образовавшийся дефицит, не смогла она также наладить вытапливание китового жира, добычу каменного угля и льда, экспортировавшегося в Калифорнию.

Неудачею окончилась также попытка компании компенсировать дефицит путем расширения торговых операций внутри страны. Это требовало перестройки методов работы, но мо-

---

[1] АВПК и Б, департамент народного просвещения, 1847 г., д. № 3179, л. 12.

нопольный характер компании делал ее неспособной к такой деятельности. Там, где компания сталкивалась на равных основаниях с конкуренцией других коммерческих предприятий, она не могла выдержать соперничества и отступала. Как отмечалось в записке о Российско-американской компании, составленной в Государственном совете к моменту обсуждения вопроса о продлении ее привилегий, «торговля компании с сибирскими инородцами, возникшая, было, с учреждением порта Аяна, затем торговля на Амуре и в Камчатке ныне прекратилась. Причины этого заключаются в том, что ни в торговых сношениях с тунгузами, ни в торговых операциях на Амуре компания не имела монополии, без которой она не могла выдержать соперничества не только иностранных купцов на Амуре, но даже сибирских торговцев в Аянском округе».[1] Будучи правительственной агентурой, Российско-американская компания укрепляет свое экономическое благосостояние путем внеэкономических мероприятий, призванных поставить ее в особо привилегированное положение по сравнению с конкурентами. Правительство, поддерживая компанию в своих интересах, не только создало ей монопольное положение в местах добычи, т. е. на американском материке и прилежащих островах, но и предоставляло ей монопольное положение на рынках сбыта. Преимущественное положение компании в области пушной торговли создавалось как путем недопущения новых конкурирующих предприятий, так и путем фактического обложения других мехоторговцев в пользу компании.

Еще в 1834 году крупные петербургские меховщики Чаплины обратились в министерство финансов с ходатайством о разрешении им торговать с Соединенными Штатами и вывозить оттуда меха, в частности выдру, на кяхтинский рынок. Это было весьма выгодное для казны предложение, ибо Чаплины предполагали вывозить в Китай и русские мануфактурные изделия. Однако Чаплиным в ходатайстве было отказано, так как правительство усмотрело в этом возможность нанесения ущерба Российско-американской компании. Письмо, написанное по этому поводу министру финансов главным правлением, весьма недвусмысленно раскрывает те мотивы, которые заставили правительство отказаться от выгодного предложения петербургских меховщиков.

«Во-1-х, — пишет правление, — от увеличения количества выдровых мехов иностранными, те же меха русского произведения упадут в цене и следовательно торгующие оными должны будут понести убытки, и, во-2-х, что из иностранных выдр канадские имеют превосходнейшую доброту в сравнении

[1] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. II, лл. 71 об. — 72.

с русскими и норвежскими, почему китайцы, обратясь при промене к лучшему сорту, могут оставить вовсе требование низких сортов, предполагая, что из России могут получить те и другие, в каком случае торг российскими выдрами может обратиться в совершенный убыток ко вреду купечества и промышленников и расстройству дел Российско-американской компании». [1]

Правительство превратило Российско-американскую компанию, по существу, в хозяина всей пушной торговли внутри страны. Диктуя свои условия, не допуская торговли теми сортами, которые она считала своею монополиею, компания при помощи правительственных органов пресекала в самом корне какую бы то ни было конкуренцию.

В начале деятельности компании, когда пушная торговля являлась основою ее доходов, было издано запрещение ввозить из-за границы в Россию морских и речных бобров и морских котов. Тем самым на эти виды пушнины для Российско-американской компании создавалась полная и неограниченная монополия. Но к 50-м годам, когда основу доходов компании составляла уже не пушнина, а чайная торговля, политика правительства в отношении ввоза в Россию некоторых из прежде воспрещенных видов пушнины меняется. Импорт этих мехов в Россию разрешается, но с обложением пошлиной частично в пользу Российско-американской компании.

Тариф 1857 года снимал запрещение с ввоза морских котов и речных бобров, оставляя его в силе для морских бобров, вся добыча которых почти полностью продавалась компанией в России. Этот тариф устанавливал пошлину с речных бобров по 1 руб. 20 коп. и с морских котов по 60 коп. с фунта, причем 25% с ввозных платежей было предоставлено Российско-американской компании. Под видом оплаты компании за отказ от предоставленных ей привилегий правительство снабжало ее новыми значительными дотациями. Отныне компания стала наживаться на разрешении ввоза так же, как недавно она наживалась на запрещении ввоза тех же мехов. Так поддерживалась искусственно жизнь в нужном еще для внешне-политических целей царизма «частном» предприятии, которое в экономическом отношении уже давно находилось на грани краха.

Не менее характерно в этом отношении было предоставление Российско-американской компании особых преимуществ в торговле китайским чаем. Чайная торговля, которой компания занималась, обменивая в Кяхте чай на меха, к 40-м годам

[1] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1834 г., д. № 1103, лл. 21—22.

также начинает испытывать серьезные затруднения. Кризис чайной торговли был вызван не только изменением ситуации в Китае в связи с открытием его портов для иностранной торговли и появлением там товаров иностранного происхождения и даже не повышением цен на чай. Кризис чайной торговли был вызван изменением торговой ситуации в самой России.

В одной из своих докладных записок главное правление указывало, что, начиная с 1841 года, компания «в сбыте получаемых ею чаев начала чувствовать те же невыгоды, которым подвергалась общая чайная торговля, от следующих причин: 1) от произведенного кяхтинскими торговцами усиления своих капиталов, отчего вдруг количество вымена увеличилось почти на 30%, а цена оптовой продажи сообразно с тем понизилась, 2) с возвысившихся с умножением количества вымена и развития в Сибири золотопромышленности цен на перевозку чаев».[1]

Изыскивая способы борьбы с конкурентами, привозившими чай через Кяхту, компания делает попытки ввоза в Россию чая непосредственно через Шанхай. При этом правительством было предоставлено компании право продавать чай по ценам, «наиболее приближающимся к ценам кяхтинского чая», что, по существу, давало ей возможность продавать чай ниже существовавшей в России средней цены.

Разрешение компании торговать чаем не через Кяхту, а через Шанхай имело для правительства еще и тот смысл, что эти экспедиции были своего рода разведкой морских путей в Китай, предпринятой по примеру других держав. Нессельроде поддерживал ходатайство компании о разрешении ей торговать чаем через Шанхай и приводил следующие доводы: «Дозволение компании вывезти из китайских портов означенное количество чая могло бы иметь и ту выгоду, что через этот опыт прояснился бы для нас вопрос о морской торговле с Китаем, быть может, что таким образом без официального от китайского правительства позволения установился бы незаметным образом новый путь торговых сношений с сим государством, подобно тому как наши купцы без официального же со стороны китайцев позволения торгуют на западной их границе (в Чугучаке и Кульдже)».[2] Таким образом, разрешая Российско-американской компании морскую торговлю чаем, правительство преследовало двоякую цель. С одной стороны, компания используется как замаскированная форма царской экспансии, с другой стороны, во имя этих же правительствен-

[1] АВПК и Б, департамент народного просвещения, 1848 г., д. № 3179, л. 34.

[2] АНХ, фонд департамента мануфактур и внутренней торговли, 2 отд., 2 ст., 1849 г., д. № 1727, л. 37.

ных заданий она ставится в преимущественное положение сравнительно с ее конкурентами.

Начиная с 50-х годов, Российско-американская компания доставляет ежегодно морским путем в среднем около 8 тысяч пудов чая, что равнялось 30% общего количества импортируемых в Россию китайских чаев.

Чайная торговля становится в последние годы существования Российско-американской компании основным источником ее доходов. Общая сумма ежегодного валового дохода компании в период с 1857 по 1861 год равнялась в среднем 952 275 руб. серебром, из них 421 912 руб. получались от чайной торговли, 301 030 руб. от так называемых «приценок», т. е. от накидок на товары, привозимые в колонии для продажи промысловым рабочим и туземцам, 20 651 руб. от прочей торговли и только 208 682 рубля от пушного промысла.[1] За доставляемый в Россию чай компания должна была выплачивать в год казне 210 658 руб. таможенных сборов. Однако уплаты правительство от компании не требовало, давая ей тем самым новую замаскированную ссуду. К 1867 году задолженность компании по пошлинам превышала уже 700 000 руб.

Но в конце 50-х и начале 60-х годов, когда царизм, как мы увидим ниже, уже не имел никакой надобности в компании, отношение к ней правительственных кругов резко меняется. В последние три-четыре года существования компании, когда ликвидация ее задерживалась лишь приисканием покупателя для американских колоний, деятельность компании подвергалась жестокой критике со стороны как отдельных министров, так и специально созданных комитетов. Столько времени замалчивавшийся вопрос о деградации Российско-американской компании отныне фигурирует во всех записках о ее деятельности.

Министр государственных имуществ в письме к министру финансов в конце 1862 года следующим образом характеризует положение компании: «Главный промысел колоний, бобровый, постоянно упадает, вообще пушной промысел начинает уступать первенство Канаде и Англии, откуда меха стали получаться в Европе в огромном количестве и несравненно дешевле. Китоловный промысел в колониях перешел в руки американцев. Рыбный промысел едва удовлетворяет потребности колоний, несмотря на чрезвычайное обилие различных и хороших пород рыбы в морях и реках колоний. В отношении земледелия и скотоводства ничего не сделано. К минеральным богатствам края компания почти не прикасается. Все торговые сношения компании ослабевают и идут к упадку. Ее

[1] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. II, л. 72 об.

торговый флот самый ничтожный, и она для собственных надобностей принуждена зафрахтовывать чужие корабли».[1]

Комитет из представителей различных ведомств, рассмотрев материалы ревизии колоний, к маю 1863 года закончил свою работу. В своем заключении комитет отметил, что русские колонии в Америке «представляют совершенный застой как в отношении колонизации, так и в отношении промышленности, торговли и гражданства, и что вообще компания далеко не оправдала тех надежд, какие возлагало на нее правительство. Это именно, с одной стороны, есть прямое следствие безусловной монополии, отстраняющей всякую возможность конкуренции и отнимающей побуждения к энергической деятельности, но, с другой стороны, в естественных климатических и географических условиях края заключается главнейшая причина его настоящего состояния».[2]

---

[1] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. I, лл. 317 об.—318.

[2] Там же, ч. II, лл. 41 об. — 42.

XI

ПРОДАЖА РУССКИХ ВЛАДЕНИЙ В АМЕРИКЕ

Исход Крымской войны, которая всему миру «. . .показала гнилость и бессилие крепостной России»,[1] изменил положение Российской империи как колониальной державы в бассейне Тихого океана.

Проблема дальнейшей экспансии на американском материке, по существу, была снята для России уже в середине 20-х годов XIX века. Война же со всей остротой поставила перед царизмом не раз и до того времени возникавший вопрос о мерах защиты, а следовательно, и о сохранении русских поселений в Америке.

К началу восточной войны Российско-американская компания не располагала почти вовсе вооруженной силой, годной для оказания сопротивления иностранному вторжению. «Все места российско-американских колоний, — как сообщало колониальное управление русскому послу в Соединенных Штатах Америки, — хотя и имеют некоторые укрепления, но таковые надежны только против дикарей и почти неспособны для военных действий».[2]

Даже центр колониального управления Новоархангельск, хотя и имел, как доносило управление, «несколько более средств обороны, но никакого серьезного нападения выдержать не в состоянии».

По условиям обороны правление делило колонии на три группы. Первая группа — район во главе с Новоархангельском, где «местные способы обороны недостаточны и едва ли собственными средствами компании могут и впоследствии быть усилены» и о полной беспомощности которого союзники прекрасно были осведомлены, так как в августе 1853 года порт этот посетил английский фрегат. Вторая группа — поселения по островам Алеутской гряды и американского мате-

[1] *Ленин,* Соч., т. XV, стр. 143.

[2] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, л. 55.

рика, которые, по мнению компании, защищать не следует вовсе, постольку, поскольку они «мало известны иностранцам». Наконец, третий район — компанейские поселения на азиатском берегу, включая Сахалин. Эти пункты входили в черту общего охранения русских границ, и о их защите должно было позаботиться правительство.

Таким образом, из всей обширной территории, принадлежавшей компании, правление считало наиболее уязвимым центр колониального управления — Новоархангельск, где была сосредоточена большая часть колониального имущества.

Будучи в курсе всех дипломатических интриг, имея повсеместно тайных и явных агентов, правление Российско-американской компании было прекрасно осведомлено о лондонских настроениях, сигнализировавших о неизбежности вмешательства Англии в восточную войну, и по-своему готовилось к защите своих владений.

Спешно закупая для колоний винтовые пароходы и переправляя на судах, снабженных «нейтральным гамбургским флагом и соответственными документами», воинские команды в колонии, Российско-американская компания предполагала, однако, строить защиту своих владений отнюдь не на активном сопротивлении.

Уже 14 января 1854 года при получении в Петербурге первых известий о появлении в Черном море союзного флота главное правление Российско-американской компании сообщило министерству иностранных дел проект плана действий, обеспечивавший полную безопасность русских колоний.

План этот был разработан в Англии, т. е. в той стране, от нападения которой он призван был защищать русские колонии, и неофициально санкционирован руководителями английской внешней политики, которые как раз в это время готовили разрыв с Россией. «Как только война между Англией и Россией сделалась неизбежной, — сообщает Банкрофт, — представители Российско-американской и Гудзонбайской компаний встретились в Лондоне на совещании по поводу затруднительности этого случая».[1]

Исходя из предпосылки, что «компания может опасаться неприязненных действий против колоний лишь от Англии, без всякого участия со стороны американцев», правление к январю 1854 года уже заручилось от английского правительства при помощи английской Гудзонбайской компании гарантией неприкосновенности для русских колоний. Юридически это должно было быть оформлено в виде договора о нейтралитете между Российско-американской и Гудзонбайской компаниями.

[1] *H. Bancroft*, The Works, v. XXXIII, History of Alaska, 1730—1885, S.-F., 1886, p. 570.

Новоархангельск

Гарантируя Российско-американской компании полную неприкосновенность со стороны не только английского, но и союзного флота в целом, Гудзонбайская компания должна была получить продление аренды на сравнительно незначительную полосу русских владений в Америке.

25 января 1854 года, т. е. через одиннадцать дней после того, как Российско-американская компания вошла с ходатайством в российское министерство иностранных дел «о дозволении главному правлению войти в прямое сношение с дирекциею английской Гудзонбайской компании... и предложить ей исходатайствовать от своего правительства признание нейтралитета владений и судов обеих компаний»,[1] был получен положительный ответ.

Управляющий министерством иностранных дел Л. Синявин уведомил правление, что «его императорскому величеству благоугодно было изъявить на сие всемилостивейшее соизволение с тем, чтобы, по взаимном двух компаний соглашении, оно было ими представлено на утверждение обоюдных правительств».[2]

Однако многие не верили в возможность подобного соглашения. Даже для лиц, близко стоявших к компании, но не полностью посвященных в предшествовавшие переговоры, подобный исход дела представлялся парадоксальным. В согласии английского правительства на переговоры усматривали лишь ловушку.

Тайный агент Российско-американской компании в Гамбурге спешил уведомить правление, что «в Лондоне замышляют распоряжения, в высшей степени вредные для интересов компании». Агент настаивал на необходимости послать в Лондон «без малейшего промедления» уполномоченного с правом действовать самостоятельно «во всех обстоятельствах, даже и на случай продажи владений одной из нейтральных держав, если бы понадобилось».[3]

«Я не верю, чтобы английское правительство действительно занималось теми предложениями, которые могут быть вами ему сделаны относительно ваших земель», писал агент, и это мнение было всеобщим. Даже некоторые члены совета Российско-американской компании, узнав в закрытом заседании о переговорах правления с Гудзонбайской компанией, высказывали опасения, что «сношение» Российско-американской компании с Гудзонбайской о нейтральности владений обеих компаний «могло только обратить внимание английского пра-

[1] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, л. 2 об.
[2] Там же, л. 9.
[3] Там же, л. 13.

вительства на Новоархангельск и побудить оное к таким распоряжениям, которые, может быть, англичане и не сделали бы без этого сношения». [1]

Однако пессимистические предположения в данном случае не имели основания. Договор о нейтралитете между Российско-американской и Гудзонбайской компаниями был санкционирован английским правительством, вслед за тем он был официально санкционирован Николаем I, о чем уже 31 марта 1854 года было сообщено в Лондон правлению Гудзонбайской компании. Таким образом, к моменту начала войны русские поселения были уже в полной безопасности.

Предварительные переговоры, которые велись между Российско-американской и Гудзонбайской компаниями, естественно, были окружены глубокой тайной, и колониальная администрация, оторванная от столицы, даже не могла предполагать о столь благополучном исходе конфликта между Россией и Англией на американском материке.

Колониальное управление, получив от русского посла в Соединенных Штатах сведения о намерении английского и французского правительств отправить эскадру «немедленно по объявлении ныне неминуемой войны с Россией для блокады портов императорских поселений в Северной Америке и даже для занятия оных в случае, ежели представится им возможность», [2] поспешило выработать собственный проект действий для обеспечения сохранности имущества компании. Однако проект этот базировался не на договоре с английской Гудзонбайской компанией, представители которой в колониях, также не будучи осведомлены о происходящих в метрополии переговорах, а может быть в целях устрашения, даже пытались приступить к агрессивным действиям по отношению к Российско-американской компании. Свой план колониальное начальство строило на договоре с американскими купцами.

Располагая сведениями, что «Гудзонбайская компания принимает уже меры для того, чтобы захватить все, что только будет можно», [3] агент Российско-американской компании, он же вице-консул в Калифорнии, Костромитинов, снесшись предварительно с русским послом в Соединенных Штатах, срочно приступил к оформлению фиктивного договора на передачу всего имущества и привилегий Российско-американской компании «Американо-русской компании из Сан-Франциско», с которой компания и до того времени имела ряд тор-

[1] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, л. 18 об.
[2] Там же, л. 50.
[3] Там же, л. 51.

говых соглашений. Договор заключался сроком на три года: с 1 мая 1854 года по 1 мая 1857 года.

Составленный и подписанный обеими сторонами в Новоархангельске договор весьма недвусмысленно говорил о своей основной цели — если не заставить англичан вовсе отказаться от нападения на русские колонии, то, во всяком случае, дать возможность компании, под предлогом нарушения собственности граждан нейтрального государства, требовать впоследствии от Англии удовлетворения за понесенные убытки.

Недаром пункт 9 этого договора, имея в виду подобное обстоятельство, гласил: «Все случаи и обстоятельства, какого бы рода и свойства ни были, но независимые или выходящие из круга коммерческого управления Российско-американской компании, не должны считаться за нарушение партией первой стороны [Российско-американской компанией. — *С. О.*] сего контракта и что партия второй стороны [Американо-русская компания. — *С. О.*], купив ныне имущество и привилегии партии первой стороны, принимает таковое за свой собственный счет и риск, ... но ни под каким предлогом в вышеупомянутом случае не будет претендовать с Российско-американской компании, т. е. с партии первой стороны».[1]

За все имущество и привилегии Американо-русская торговая компания якобы обязывалась уплатить Российско-американской компании 7 миллионов долларов. «Акт этот, — как писал Костромитинов о фиктивном соглашении, — был бы представлен в случае крайности».

Одновременно, по инициативе русского посла в Соединенных Штатах Стекла, был разработан другой проект, рассчитанный на подрыв английской торговли в Тихом океане.

Как сообщал правителю русских колоний Воеводину вице-консул в Калифорнии Костромитинов, он получил от Стекла депешу, в которой последний «полагает весьма вероятным, что начальство колониальное уполномочено выдавать письменные позволения (letters of marque)[2] желающим оных». По мнению Стекла, «у берегов Тихого океана найдется не один флибустьер, который пожелает воспользоваться благоприятным случаем войны между Россиею и западными державами и, вооружа так называемый приватир[3] под русским флагом, пуститься в погоню за французскими и английскими купеческими кораблями».[4]

---

[1] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, л. 48.

[2] Патент на занятие каперством.

[3] Приватир — частное судно, занимающееся каперством, т. е. нападающее с разрешения одной воюющей державы на торговые суда другой стороны и получающее в виде приза захваченную добычу.

[4] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, л. 51.

В каперстве видели единственное средство, которое в какой-то степени могло приостановить овладение англичанами всею торговлей в Тихом океане. «Россия не имеет флота, который бы мог владеть Тихим океаном», — писал некий «американский гражданин», изъявивший желание взять на себя организацию каперства, — «поэтому все ее корабли будут взяты. Колонии тоже... Ясно, что Россия должна употреблять все средства уничтожить торговлю Франции и Англии в Тихом океане, которая огромна, с Китаем, Австралиею, Северною и Южною Америкою и с восточными Индиями». [1]

Организационным центром русского каперства должен был стать Сан-Франциско, где предполагалось закупить суда и снабдить их «letters of marque». В Ситхе или в другом русском порту эти суда должны были вооружиться и укомплектоваться русскими офицерами и матросами. Размеры каперского флота, который Россия могла бы сформировать в Сан-Франциско, как казалось вначале, ограничивались только ее покупательными средствами. За 2 миллиона долларов предполагалось выслать против английских и французских торговых судов от 6 до 8 хорошо вооруженных каперов. Залог успеха усматривался в том, что союзники не смогут сосредоточить в Тихом океане более или менее сильную эскадру, так как необходимость одновременно иметь суда в Атлантическом океане и в Балтийском, Средиземном и Черном морях заставит их распылить наличный состав флота.

Но уже при первых попытках перейти от теоретических выкладок к практическим мероприятиям выяснилось, что события последних лет значительно понизили возможность быстрого создания каперского флота.

С одной стороны, плачевно окончившаяся попытка флибустьеров ограбить мексиканские провинции, с другой стороны, арест незадолго до описываемых событий мексиканского консула в Сан-Франциско, пытавшегося по поручению мексиканского президента Санта-Анна сформировать каперскую эскадру, — все это чрезвычайно затрудняло деятельность русского вице-консула по созданию каперского флота.

Не лучшие результаты, как очень скоро выяснилось, мог дать и фиктивный договор с сан-францискскими купцами. Подписанный контракт, который должен был обеспечить покровительство и защиту русским колониям со стороны Соединенных Штатов, в нужный момент оказался бы ни к чему не обязывающей бумажкой.

---

[1] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, лл. 53—54.

Русский посланник в Соединенных Штатах Стекл сообщал министру иностранных дел о результате своих бесед с рядом политических деятелей Америки, что, «несмотря на их желание покровительствовать нашим колониям и даже заинтересованность в этом, им кажется невозможным доказать англичанам, что этот контракт не фиктивен и, в особенности, что он заключен до войны, и таким образом он не может принести никакой реальной пользы».[1]

Подобное заявление руководителей американской внешней политики являлось весьма недвусмысленным намеком на то, что наилучшим выходом для России была бы продажа ее колоний Соединенным Штатам. Впрочем, сразу же после этого царскому правительству было сделано конкретное предложение.

Но в интересы Англии отнюдь не входило, чтобы, использовав угрозу английского флота, Америка приобрела новые территории. И в тот момент, когда американцам, — как сообщал агент Российско-американской компании, казалось, что «падение колоний наших неизбежно»,[2] помощь пришла, как мы уже отмечали, не со стороны дружественной Америки, а со стороны враждебной Англии.

Более того, опасения со стороны Англии толкнуть Россию на продажу колоний Соединенным Штатам были столь велики, что она не только строго соблюдала соглашение Российско-американской компании с Гудзонбайской, но не воспользовалась даже теми правами, которые оставались за нею и после подписания договора о нейтралитете.

Статс-секретарь английского министерства иностранных дел Адингтон сообщил Гудзонбайской компании, что нейтралитет «будет только территориальным и ограничится только землями и что действия нейтральности не будут простираться на море, а потому в море все русские корабли и имущество как компании и правительства, так и частных лиц, отправленные в колонии или идущие оттуда, будут подвержены взятию английскими крейсерами, и что берега и порты тех владений могут быть подвергнуты блокаде».[3]

Однако за весь период войны ни один из портов в русских колониях не был блокирован, и ни одно судно не было захвачено. Лишь остров Уруп в сентябре 1855 года посетили английский фрегат «Пик» и французский «Сибиль», но это не являлось нарушением соглашения о нейтралитете, который предусматривал лишь северо-западный берег Америки и не распространялся на Курильские острова.

---

[1] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, лл. 61—62. Перевод с французского.

[2] Там же, л. 52 об.

[3] Там же, л. 20.

Вся выгода создавшейся ситуации была, конечно, своевременно учтена русской дипломатией. Русский посланник в Соединенных Штатах Стекл в своем письме к князю А. Д. Горчакову, вспоминая впоследствии заключенное Российско-американской и Гудзонбайской компаниями соглашение о нейтралитете, отмечал, что это был нейтралитет «целиком в нашу пользу, так как мы не имели никаких возможностей напасть на английские владения, тогда как англичане могли бы овладеть нашими». Стекл прекрасно вскрыл причины столь непонятной, на первый взгляд, политики Англии: «Этот акт снисходительности, — писал он Горчакову, — так мало согласный с английским эгоизмом, имел секретный повод. В то время распространился слух, что мы собираемся продать наши колонии Соединенным Штатам, и чтобы воспрепятствовать этой продаже, британское правительство санкционировало конвенцию двух компаний».[1]

Как сообщал Стеклу бывший государственный секретарь Соединенных Штатов Марси, английский посол в Вашингтоне во время восточной войны неоднократно пытался выяснить в министерстве, действительно ли поднимался вопрос о продаже русских колоний Соединенным Штатам. К этому следует прибавить, что, несмотря на военное преимущество союзников в Тихом океане по сравнению с Россией, союзный флот все же был чрезвычайно связан восстанием тайпингов. Если нападение на русские колонии было делом нетрудным, то дальнейшее сохранение захваченной территории при опасности столкновения с Америкой требовало наличия в этом районе значительных сил. Восстание же тайпингов отвлекало почти полностью союзные корабли в китайские воды, где разрешались актуальнейшие для европейских колониальных держав вопросы.

Итак, Крымская война побудила поставить вопрос о продаже колоний в виде фиктивного соглашения. Это открывало перспективы возможного оформления того же вопроса в форме соглашения реального.

Хотя заключенный Костромитиновым договор с Американо-русской компанией и не имел для Российско-американской компании никаких юридических последствий, тем не менее правление недаром неоднократно его упрекало за то, что в договоре фигурировала «уступка земель». Уже в августе того же 1854 года Стекл сообщал управляющему министерством иностранных дел Синявину: «Этот проект контракта и слухи, распространяемые английской печатью о намерении импера-

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, письмо от 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), на лл. 36—41. Перевод с французского.

торского правительства продать свои владения, подали американцам мысль, что мы могли бы их уступить им».[1]

В фиктивном договоре с американскими купцами была приблизительно определена та сумма — 7 миллионов долларов, — вокруг которой и велись в дальнейшем переговоры о продаже колоний.

На запрос, сделанный в 1854 году калифорнийским сенатором Гвином и государственным секретарем Марси о возможности продажи колоний, Стекл ответил, что Россия «никогда не имела подобного намерения». Однако уже нельзя было недооценивать политическое значение подобного предложения. Становилось очевидным, что появился еще один претендент на русские колонии помимо Англии.

С окончанием войны и заключением Парижского мира сразу всплыл вопрос о дальнейшей судьбе русских поселений в Америке. Вопрос этот был продиктован тяжелыми уроками Крымской войны. «В случае войны с морскою державою мы не в состоянии защитить наши колонии»,[2] — писал великий князь Константин в одном из писем министру финансов Княжевичу.

Под «морскою державою» имелась в виду, в первую очередь, Англия. «Северо-американские штаты, — писал Константин в это же время министру иностранных дел Горчакову, — следуя естественному порядку вещей, должны стремиться к обладанию всею Северною Америкою и поэтому рано или поздно встретятся там с нами, и не подлежит сомнению, что овладеют нашими колониями даже без больших усилий, а мы никогда не будем в состоянии возвратить их». Константин предлагал далее продать Соединенным Штатам русские колонии и тем самым «разрешить дружелюбно и с выгодой для нас вопрос, который в противном случае разрешится против нас и притом завоеванием».[3]

Соглашаясь в принципе с необходимостью ликвидировать колонии в Северной Америке, министерство иностранных дел опасалось, однако, нежелательного обострения отношений с Англией и настаивало на отсрочке продажи колоний до истечения срока привилегий Российско-американской компании, т. е. до 1 января 1862 года.

Посланнику в Соединенных Штатах было поручено «выведать мнение вашингтонского кабинета по сему предмету». На записке о предполагаемых условиях продажи была сделана помета, что все изложенное «осталось без исполнения, пока

---

[1] АНХ, фонд главного правления Российско-американской компании, 1854 г., д. № 28, лл. 61—62. Перевод с французского.

[2] АНХ, фонд канцелярии министра финансов, лит. Ш., 1857 г., д. № 1, л. 11.

[3] Там же, л. 6.

не кончится вопрос об уничтожении контракта между компанией нашей с С.-Франциско, условия которого могут чрезвычайно уронить ценность владений наших в С[еверной] Америке». [1]

Помета эта была сделана 29 апреля 1857 года. Однако в декабре того же года, по получении соображений Стекла по этому поводу, обсуждение вопроса о продаже колоний возобновилось. Великий князь Константин в своем втором письме Горчакову, посвященном продаже колоний, отмечал, что ныне монопольная компания, подобная Российско-американской, не может служить маскировкой правительственной политики и что в данный период компания лишь толкает Россию на обострение отношений с Америкой и, по существу, будет вредить русско-американской торговле в целом. Эти неутешительные выводы базировались на заявлении Стекла, что «время монополий миновало, и в Тихом океане они теперь возможны не более, чем где бы то ни было». [2]

Появление нового претендента на русские поселения казалось царизму тем более опасным, что отторжение колоний могло явиться результатом не только официального обострения взаимоотношений России и Америки, на что Россия сразу же после Крымской войны, конечно, не решилась бы, но могло последовать и в результате «мирного проникновения».

Так было с восстанием мормонов. Слухи о попытках мормонов переселиться на север на территорию не то Гудзонбайской, не то Российско-американской компании заставили русское правительство насторожиться. «Президент, — сообщал Стекл, — смеясь намекнул мне на эту возможность. Я спросил, — писал он далее, — явятся ли мормоны у нас завоевателями или мирными. — Это вы, — ответил он, — должны разрешить этот вопрос, что же касается нас, то мы будем очень рады избавиться от них». [3]

Отмечая, что слухи о переселении мормонов на русскую территорию пока еще преждевременны, Стекл добавил, что в том случае, когда это станет фактом, Россия будет поставлена перед альтернативой вооруженного сопротивления или отказа от части своей территории. Вопрос о продаже приходилось форсировать. На телеграмме Стекла о беседе с президентом по поводу слухов о переселении мормонов на рус-

[1] АНХ, фонд канцелярии министра финансов, лит. Ш., 1857 г., д. № 1, л. 1. В данном случае речь идет о договоре между Российско-американской и Американо-русской компаниями.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1856 г., д. 4, письмо от 1/13 ноября 1857 г., на лл. 21—23. Перевод с французского.

[3] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, л. 27, письмо от 20 ноября (2 декабря) 1857 г. Перевод с французского.

скую территорию Александр II наложил резолюцию: «Это подтверждает идею урегулирования теперь же вопроса о наших американских владениях». [1]

В конце 1857 года Горчакову пришлось уже несколько иначе поставить вопрос о продаже русских поселений. Русскому послу было указано, чтобы он, «не компрометируя ни себя, ни императорское правительство, осторожно в н у ш и л вашингтонскому кабинету мысль о возможности склонить Россию к уступке колоний на выгодных условиях». [2]

Беззащитность русских поселений была не только следствием военной слабости России, обнаружившейся во время Крымской войны, но была связана также с тем, что царизм уже не стремился к усилению своей экспансии в этом направлении. Еще раньше мы отмечали, что надежду на дальнейшую активную экспансию на американском материке царизму пришлось оставить еще в середине 20-х годов XIX века. С середины 40-х годов интересы российского царизма на востоке уже полностью сконцентрировались на азиатском материке. Этот момент отмечается в переписке, посвященной продаже колоний, и великим князем Константином и почти всеми министрами. Это обстоятельство учитывает и Стекл, принимавший активное участие в продаже колоний. «Наши интересы — на азиатском побережьи, — пишет он Горчакову в 1859 году, — и сюда мы должны направить нашу энергию. Там мы на нашей собственной территории и имеем для эксплоатации продукцию обширной и богатой области. Мы примем участие в чрезвычайной деятельности, развивающейся на Тихом океане, наши учреждения будут соперничать с таковыми других наций, и при заботливости, которую наш августейший монарх посвящает приморскому краю Амура, мы не должны упустить возможности приобрести в этом обширном океане высокое значение, достойное России». [3]

Между тем, в 50-х годах положение осложнилось новым обстоятельством. На Аляске были открыты несомненные признаки месторождений золота. Российско-американская компания давно уже получала об этом сведения от старателей-одиночек, об этом свидетельствовали и неоднократно находимые слитки золота. Но собирая сведения о наличии золота в различных районах, компания делала это отнюдь не для того,

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, л. 27, письмо от 20 ноября (2 декабря) 1857 г. Перевод с французского.

[2] АНХ, фонд канцелярии министра финансов, лит. Ш., 1857 г., д. № 1, лл. 9—10. Разрядка моя. — *С. О.*

[3] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, письмо от 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), на лл. 16—41. Перевод с французского.

чтобы приступить к изысканиям. Более того, опасаясь, чтобы известие о наличии золота не побудило правительство отнять у компании монополию, компания всячески противилась производству на ее территории каких бы то ни было съемок, исследований и пр. По этой причине оказались необследованными также богатейшие залежи угля и меди. На неоднократные предложения разработки меди на р. Медной компания отвечала, что ею уже самостоятельно начаты там работы, хотя это не соответствовало действительности.

Однако скрывать наличие золота стало невозможно после того, как калифорнийские россыпи привлекли к западной части Северной Америки внимание всего мира и когда обнаружение залежей на границе территории Гудзонбайской и Российско-американской компаний показало, что основные залежи должны находиться на русской территории.

Уже в обзоре русских колоний капитана Головина, посланного в 1860 году вместе с действительным статским советником Костливцовым для ревизии колоний, мы имеем совершенно четкое указание: «По реке Медной находили большие куски самородной меди, а на Кенайском берегу положительно доказано присутствие золота».[1]

Однако известие о наличии золота в колониях заставило правительство не лишить компанию прав на эту территорию в целях разработки драгоценных металлов, как предполагало правление компании, а принять решительные меры к тому, чтобы избавиться от американских владений. Столь парадоксальное на первый взгляд решение имело под собою весьма веские основания.

Пример Калифорнии, которая в течение короткого времени была наводнена стекавшимися со всего света искателями наживы, был перед глазами, и при аналогичном положении на Аляске Россия ни в коем случае не могла рассчитывать на сохранение своей власти над этой территорией.

Возможность подобного исхода стала особенно реальной в 1862 году с обнаружением золота на границе Гудзонбайской и Российско-американской компаний.

Дело в том, что устье р. Стахин, являвшееся наиболее удобным путем сообщения с открытыми на той же реке, в английской ее части, россыпями, лежало на русской территории. Эта территория арендовалась Гудзонбайской компанией, и срок аренды как раз в это время кончался. Таким образом, весь транзит и все золотоискатели проходили по русской территории, которая вследствие этого фактически попадала в руки англичан. Выходившие в порту Виктория на р. Ванкувер английские газеты весьма недвусмысленно намекали на

[1] Приложения к докладу комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 283.

возможность отторжения этой территории от России или в крайнем случае на необходимость продления контракта между Российско-американской и Гудзонбайской компаниями на право беспрепятственного пользования этой территорией. «Допуская даже, что переговоры не успели бы склонить к совершенной уступке его нам, — писали английские газеты, имея в виду устье р. Стахин, — мы должны иметь берег этот в наших руках так или иначе». Газеты откровенно призывали к вооруженному захвату: «Но если бы ситхинское управление возымело покушение на остановку нашего транзита, мы прибегнем к морской силе для ограждения неприкосновенности тракта. Небольшого числа воинских английских сил достаточно, чтобы русский грифон сделался совершенно любезен. Если бы даже предстояло в этом случае какое-либо затруднение, то мы могли бы весьма скоро отодвинуть границу русских владений. Имея в своих руках страну, богатую золотом, мы должны владеть и соседним с ней берегом». [1]

Вопрос обострился еще более в связи с обнаружением золота на русской территории. Когда посланник Соединенных Штатов в России Камерон уведомил русское правительство «о распространении открывшейся золотоносной полосы Орегона и Британской Колумбии до русских владений в Америке», запрошенное по этому поводу правление компании обнаружило свою полную растерянность, сообщая в одном и том же документе совершенно противоречащие друг другу сведения. С одной стороны, компания спешила уверить министерство финансов, что, судя по словам индейцев (другими источниками компания якобы не располагала), «ближайшее место, где найдено золото в большом количестве, находится от устья реки не ближе 200 верст, т. е. приблизительно за 7 дней пути, каковая местность находится уже вне русских владений». [2] С другой стороны, компания сообщала, что ею отдано распоряжение «при невозможности открытого и решительного сопротивления (которого предписано всеми мерами избегать) действиям золотоискателей допустить добывание золота в наших владениях с известною платой в пользу компании». Вместе с тем, препровождая в министерство финансов копии донесений инженера Андреева, посланного для исследования найденных россыпей, компания всячески подчеркивает, что «россыпи довольно бедны и золото мелко, как мука, и что самые богатые участки дают 5 долларов в день». [3]

---

[1] «Британский колонист» от 14 января 1862 г. Цитирую по переводам, хранящимся в архиве Государственного Географического общества в фонде Ф. Веселаго.

[2] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1862 г., д. № 113, л. 11.

[3] Там же, лл. 24—25.

Андреев в своем отчете сообщил, что «золото более крупное находится за вторыми воротами или порогами». Разработка этих россыпей, очевидно, была выгодной, ибо число золотоискателей, по словам Андреева, уже доходило до 400 человек.

Не имея возможности собственными силами противодействовать наплыву золотоискателей, компания спешно ходатайствует о посылке военного крейсера из Тихоокеанской эскадры к р. Стахин для охраны русских владений «от произвольных действий иностранцев». Однако мысль о посылке крейсера на р. Стахин пришлось скоро оставить, ибо события в Китае не позволяли решиться на ослабление Тихоокеанского флота. К тому же выяснилась и малодоступность устья р. Стахин для военных судов. Вопрос об охране колоний требовал срочного урегулирования. По настоянию посла в Лондоне барона Бруннова, арендное соглашение с Гудзонбайской компанией, срок которого истек 1 января 1862 года, было продлено до 1 июня 1863 года, а затем, в виду задержки вопроса о продаже колоний в связи с гражданской войною в Соединенных Штатах, еще на два года, по 1 июня 1865 года.

Это было необходимо, чтобы оградить русские поселения от английских домогательств до того момента, когда эти поселения можно было бы беспрепятственно ликвидировать. Возникшая впоследствии легенда, что царское правительство, продавая свои колонии, не знало, каких богатств оно лишается, не находит подтверждения в документальном материале. Подобная версия тем более наивна, что в 60-х годах о наличии золотых россыпей на Аляске знало не только правительство, но об этом неоднократно писали в периодической печати.

В передовой, посвященной слухам о продаже Соединенным Штатам русских колоний, одна из наиболее авторитетных петербургских газет «Голос» писала, что продажа колоний лишает Россию этих владений именно в то время, «когда на почве их, как писали недавно, открыты весьма много обещающие признаки золота, разработка которого, если известие было справедливо, в два-три года доставит более, чем сколько дают за них Северо-американские Штаты».[1]

«New York Herald» в статье, посвященной покупке Соединенными Штатами русских колоний, также не исключает возможности, что «богатства вдесятеро большие, нежели эта сумма [уплачиваемая России. — *С. О.*], таятся в недрах вечных снегов, покрывающих все 17 тысяч футов, на которые возвышается гора св. Илии? Эта гора есть начало и глава золотоносной цепи, пролегающей по Калифорнии, Неваде,

[1] «Голос», 1867 г., № 84.

Мексике, Средней и Южной Америке: почему же не предположить, что в ней скрываются прииски богаче всех прочих, лишь бы добраться до них». [1]

Правительство не только знало о наличии золотых россыпей на Аляске, но оно именно этого и боялось, ибо вслед за армией вооруженных лопатами золотоискателей могла притти армия вооруженных ружьями солдат.

Царская Россия хорошо знала, что́ она продает, а Соединенные Штаты столь же хорошо знали, что́ они покупают.

Невозможность сохранить свои колонии в случае войны, невозможность оберегать их вследствие широко распространившихся слухов о наличии там золота и в период официального мира, неизбежные в связи с этим конфликты и, наконец, перенесение русских интересов на азиатский материк — таковы были причины, толкавшие царское правительство на продажу Аляски.

Однако эти обстоятельства еще не исчерпывали всего круга вопросов, способствовавших продаже колоний. Были еще и другие причины, форсировавшие эту продажу, и некоторые из них заключались в самой Российско-американской компании.

Так как компания не осваивала полностью всю принадлежавшую ей территорию, то она не могла противиться эксплоатации отдельных участков под видом аренды другими государствами. Началось это с Гудзонбайской компании, которой был передан в аренду участок, чтобы обезопасить колонии от домогательств Англии. Вокруг вопроса об аренде возникала значительная борьба, влиявшая на взаимоотношения России как с Англией, так и с Соединенными Штатами.

С одной стороны, посол в Англии барон Бруннов, из дипломатических соображений и из опасений прямого захвата прежде арендуемой территории, категорически настаивал на продолжении аренды с Гудзонбайской компанией, с другой стороны, посол в Соединенных Штатах Стекл столь же категорически и из тех же соображений настаивал на сдаче в аренду той же территории претендовавшей на нее компании американских граждан. В 1859 году, ввиду окончания контракта с Гудзонбайской компанией, Стекл от имени группы калифорнийцев предложил компании передать им в аренду эту территорию. С главным правлением вел переговоры посланник Соединенных Штатов в России Клей, который «словесно предложил платить ежегодно за материк, арендуемый Гудзонбайской компанией, более ее». [2] В случае отказа Клей изъявил

[1] «New York Herald», 1867 г. Цитирую по «Голосу», 1867 г., № 103.
[2] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25, л. 32.

готовность начать переговоры хотя бы об островах, которые Гудзонбайской компанией не арендовались.

Под угрозою насильственного отторжения части территории компания не могла противиться подобным настояниям и вынуждена была поставить перед правительством вопрос о том, в какой степени согласуется с видами правительства одновременное заключение соглашения с Гудзонбайской компанией о сдаче ей участка на материке и договора с компанией калифорнийских купцов о сдаче ей островов.

Совершенно очевидно, что в этих условиях, когда территория компании служила объектом домогательств соседей, последняя была уже бесполезна для царизма. Политическое значение компании свелось на-нет.

В коммерческом же отношении, как мы уже отмечали, компания к этому времени потеряла какое бы то ни было значение, превратилась в полупаразитическую организацию и могла существовать лишь при поддержке правительства.

В 1866 году общая сумма доходов Российско-американской компании выражалась в 706 188 руб., из которых 200 тысяч руб. были получены в виде дотации от казны. Аппарат главного управления в Петербурге пожирал свыше 10% валовой суммы доходов (71 660 руб.)[1]. На выдачу дивиденда акционерам оставалось всего 10 828 руб., т. е. по 1 руб. 45 коп. на полуторастарублевую акцию.[2] Стопятидесятирублевые акции компании в последние годы ее существования продавались на бирже по 70 руб., и лишь когда слухи о продаже колоний получили широкую огласку, акции резко поднялись.

После самых точных подсчетов оказалось, что Российско-американская компания может продолжать свою деятельность только в случае дальнейшей ежегодной дотации не менее чем в 200 тысяч руб. и при условии аннулирования всего ее долга казне, равного 725 тысячам руб. «В этом случае, — как сообщало правление, — на первое время не представляется возможности рассчитывать на выдачу каких-либо дивидендов акционерам, и только при предполагаемом впоследствии, по окончании контрактных сроков, повышении продажных цен на главный предмет торговли компании — пушные промыслы — надобно будет рассчитывать, что на акцию можно будет выдавать от 4 до 6% прибылей в год».[3]

---

[1] Даже после жесткого сметного сокращения по требованию министерства финансов предполагаемых расходов содержание главного правления выражалось в сумме 51 660 руб.

[2] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. II, секретное соображение о доходах и расходах Российско-американской компании, на лл. 18—28.

[3] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. II, л. 22.

Однако и дотация не могла поднять полностью финансовую мощь компании. Кроме дотации компания нуждалась в единовременном займе, ибо несвоевременная выплата компанией имевшихся у нее как в России, так и за границей долгов грозила банкротством. Несмотря на затруднительное финансовое положение компании, этот заем с величайшей готовностью хотели ей предоставить лондонские банки.

Упадок политического значения американских колоний для Российской империи и все сильнее проявлявшаяся склонность России к продаже их Соединенным Штатам заставили английское правительство всячески стараться поддержать Российско-американскую компанию. Предпочитая соседство с неспособной к широкой колонизационной деятельности Российско-американской компанией соседству с американцами, английское правительство, действуя через финансовые круги, пытается помочь компании путем предоставления столь необходимого ей займа. Подготовлявшаяся продажа колоний держалась в строгом секрете даже от членов правления, которые приписывали задержку новых привилегий чисто финансовым затруднениям правительства, не желавшего давать новые дотации.

И в период 1862—1867 годов, т. е. в тот период, когда срок привилегий компании истек, а вопрос о новых привилегиях не был разрешен, Лондон казался некоторым членам правления единственным якорем спасения. С торговыми кругами Лондона компания была связана издавна, поскольку Лондон являлся центром меховой торговли. В период же задержки разрешения вопроса о привилегиях компания ведет переговоры с рядом влиятельных представителей финансовых кругов, гарантировавших компании размещение на английской бирже займа в размере от 150 тысяч до 200 тысяч фунтов. «Мы имели много свиданий, — сообщал главному правлению в марте 1864 года владелец банкирской конторы Альберт Пелли и К⁰, — с влиятельными здешними лицами, мнения коих были различны, и во многих случаях виды их на собственные выгоды были так велики, что мы не могли ничего с ними решить. Но некоторые друзья согласились предпринять этот заем по 92% и 6% на 12 лет с платежем $^1/_{20}$ части в каждое полугодие по истечении первых двух лет вместе с интересами [т. е. с процентами. — *С. О.*]».[1]

Но устраивая компании заем, в Сити желали иметь гарантию, что привилегии будут предоставлены компании и далее, а, следовательно, русские колонии не будут проданы Соединенным Штатам. Лондонская биржа требовала, чтобы заем этот был гарантирован непосредственно царем и министром

[1] АВПК и Б, фонд Буткова, 1864 г., д. № 15, письмо от 12 марта 1864 г. (Разрядка моя. — *С. О.*)

финансов, что должно было повести к сохранению компании, а следовательно, и американских колоний.

В Лондоне был выработан текст гарантии: «Император или правительство российское, в уважение доверия нашего к обществу, учрежденному в нашей империи, известному под наименованием Российско-американской компании, и желая облегчить операции компании доставлением ей возможности собрать в Соединенном Великобританском королевстве и Ирландии фондов для ведения дел компании, сим изъявляем наше согласие на гарантию в должном выполнении обязательств компании, принимаемых ею на себя».

Далее следовали условия займа. Как писал Пелли в письме от 27 мая 1864 года, «Документ этот должен быть подписан императором и контрассигнирован министром финансов или первым министром». [1]

Лондонские банки широко раскрыли бы свои кладовые для Российско-американской компании, если бы имели малейшую уверенность в том, что этим они продлят ее существование. «Дайте гарантию, и 200 тысяч фунтов будут наличными», [2] — писал Рутковский, служащий компании, посланный в Лондон для выяснения вопроса о займе. Однако, имея намерение ликвидировать свои поселения в Америке, правительство, конечно, не дало требуемой гарантии и ограничилось лишь общим разрешением на выпуск займа.

Столь же неудачно окончилась попытка получить заем на петербургской бирже у страховых и других обществ государственными кредитными билетами. Неудачно окончилось и ходатайство о предоставлении компании займа в 1200 тысяч руб. серебром билетами государственного казначейства из поступающих в платежи подушных и таможенных сборов.

Подводя итог своему финансовому положению, компания вынуждена была заявить «с чистейшей откровенностью, что без денежных средств для уплаты ее долгов никакая мера не может спасти это предприятие от совершенного прекращения его деятельности». [3]

1 января 1862 года оканчивался срок привилегий Российско-американской компании. Ввиду этого компания заблаговременно, еще в 1860 году, представила в министерство финансов проект нового устава. Этот проект не предусматривал никаких изменений по сравнению со старым уставом и лишь закреплял юридически существовавшее фактически положение. Так, пункт 1 устава, гласивший прежде, что компания «учре-

---

[1] АВПК и Б, фонд Буткова, 1864 г., д. № 15.

[2] АВПК и Б, фонд Буткова, 1864 г., д. № 15, письмо от 15 марта 1864 г.

[3] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25, л. 3.

ждается для промыслов на матерой земле С[еверо]-з[ападной] Америки и островов», формулировался здесь значительно откровеннее: «Компания учреждается для управления российскими колониями в Америке». Власть над колониями попрежнему сосредоточивается в руках главного правителя, избираемого правлением компании из числа штаб-офицеров флота.

Чтобы замаскировать затянувшиеся переговоры о продаже колоний, правительство не отказало сразу в утверждении нового устава, но обсуждался он с 1860 года по 1867 год, т. е. до самого момента продажи. В течение этого периода компания существовала на основе высочайшего решения от 29 мая 1861 года, по которому «впредь до рассмотрения и решения вопроса о дальнейшей судьбе Российско-американской компании» ей разрешалось продолжать свою деятельность «на действовавших до сего времени основаниях».

Во всех инстанциях, обсуждавших устав компании, особенные нападки вызывал вопрос о монопольных правах компании, т. е. основное положение, отличавшее компанию от других русских акционерных объединений этого периода и превращавшее ее в замаскированное орудие государственного управления колониями.

В резкой критике этого пункта устава компании в министерстве финансов, Государственном совете и других инстанциях сказалась борьба развивающихся в стране буржуазных элементов с монополиями, характерными для XVII и XVIII веков.

Рупором этих настроений в отношении Российско-американской компании был великий князь Константин, для снискания популярности демагогически бравировавший своим «либерализмом». Начав с заявления, что в русских условиях, «при отсутствии всякой гласности и при невозможности писать против компании, вред [ее] еще ощутительнее»,[1] Константин требовал, вне зависимости от хода переговоров по продаже колоний, чтобы компания была во всем приравнена к прочим акционерным обществам, а управление колониями было подчинено генерал-губернатору Восточной Сибири.

Намереваясь ликвидировать компанию, правительство начинает подготовлять к этому общественное мнение, и борьба с рабством, существовавшим в колониях, призвана была оправдать ликвидацию одного из первых акционерных по форме предприятий в тот именно период, когда акционерные общества в России возникали с невероятной быстротой, в период «грюндерства».

---

[1] АНХ, фонд канцелярии министра финансов, лит. Ш., 1857 г., д. № 1, л. 6.

Директорат компании, у которого помимо государственных соображений были соображения личного порядка, поскольку ликвидация компании лишала директоров больших доходов, всячески пытался спасти компанию. Акционеры и директора компании, столько лет бывшие послушным орудием в руках правительства, в последний момент не поняли, что существование компании потеряло свой смысл, ибо потеряли свое значение американские колонии. Главное правление поднимает мышиную возню, пытаясь оправдаться в взводимых на компанию обвинениях, не учитывая, что суть дела не в том, что компания плоха, а в том, что она уже не нужна.

Контр-адмирал Этолин, член главного правления, в записке, посвященной опровержению взводимых на компанию обвинений об эксплоатации туземцев, пытался оправдаться «человеколюбивыми» деяниями компании.

«Несправедливо... возводимое на компанию нарекание, что алеуты суть ее рабы. Собственности их никто не лишает, и все, что они приобретают себе как в море, так и на суше, принадлежит им, но так как они без содействия компании, которая снабжает их всем, не могли бы производить промыслов, то естественно, что они обязаны передавать свой улов компании, которая удовлетворяет их за то платою по таксе, и даже часто выше оной. Скорее алеут можно назвать членами семейства, в коем Американская компания есть глава. Как глава, или заботливый опекун, компания обязана, и держится постоянно того правила, что на ней лежит попечение о благосостоянии и улучшении быта туземцев, а также о нравственном и умственном их развитии, по мере способов, коими она может располагать». [1]

Наиболее веским обвинением против компании были статистические цифры, говорившие о вымирании алеут под ее «заботливым» попечением. Но против столь веского и, казалось, несокрушимого обвинения, у главного правления имелся сильный довод. Компания не пытается оправдываться или опровергать факт вымирания туземцев. Тут компания прибегает к аналогии. То, что алеут рождается меньше, чем умирает, — это факт, но факт также и то, что на Камчатке, где с первого дня существует коронное управление и где туземцы ни на какие работы не посылаются, вымирание туземцев не меньше, чем в американских колониях. Правление приводило данные о вымирании камчадалов: в 1854 году их родилось 274, а умерло 480 обоего пола.

Но по другим пунктам обвинения против компании главное правление возражать не могло.

---

[1] Доклад комитета об устройстве русских американских колоний, стр. 377—378.

Весьма резким нападкам со стороны управляющего морским министерством Н. Краббе подверглись объяснения компании по поводу отзыва, данного в результате ревизии.

Компания, как доказывало главное правление, не может не заботиться об алеутах, ибо ее благосостояние основывается именно на алеутах.

«Интересы компании тесно связаны с благосостоянием туземцев — алеут, а поэтому она обязана для собственной пользы заботиться о их благоустройстве и довольстве по местному их быту и условиям, а не по европейским обычаям». «Обязана — да, — написал Краббе на полях, — но не исполнялась эта обязанность, а была только забота о набивании кармана монополистов». [1]

Главное правление настаивало на необходимости опеки над алеутами. «Ежели бы он [алеут. — *С. О.*] предоставлен был, — писало правление, — собственному произволу и не состоял под компанейским наблюдением, то не редко при подобной беспечности погибал бы голодной смертью». На полях — помета Краббе: «Из этого вовсе не следует, что ему должно быть рабом, а что он раб — об этом самый отчет свидетельствует». [2]

Когда же в заключение своего объяснения компания, пытаясь оправдать свою политику в отношении алеут, писала, что «приучать туземцев к хлебу было бы важною непредусмотрительностью» и что нынешнее их положение «следует по справедливости назвать возможно благоустроенным и обеспеченным», Краббе с возмущением восклицает: «Это же чорт знает, что такое». Однако еще совсем недавно тот же Краббе считал все это в порядке вещей и вовсе не возмущался. Теперь же в правительственных сферах заявляется во всеуслышание, что отношения между компанией и алеутами основаны на насилии и должны быть изменены.

В записке о Российско-американской компании департамент государственной экономии прямо заявлял, что Российско-американская компания, «руководствуясь, собственно говоря, крепостным правом, считала и считает промыслы пушных зверей своей собственностью и инородцев своими рабами». [3]

Так в момент ликвидации царских колоний в Америке заговорили, наконец, и о ликвидации там рабства, благо теперь уже в нем не было никакой надобности.

Борьба с компанией велась не только в правительственных комиссиях, но и в печати. По инициативе великого князя Константина в виде приложения к «Морскому сборнику»

---

[1] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. II, л. 84.

[2] Там же.

[3] Там же, л. 85.

были изданы «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана»,[1] представлявшие собою выдержки из документов и мемуаров. В материалах этих приводились факты, иллюстрировавшие хищническую политику компании.

Одновременно с этим вышла капитальная работа П. Тихменева,[2] акционера компании, пытавшегося на основе документов показать гуманное отношение компании к туземцам и пользу, получаемую Россией от этой организации. Но участь Российско-американской компании, как и участь американских колоний, была предрешена, ибо ко всем перечисленным выше соображениям, толкавшим Россию к продаже Аляски, прибавилось новое и притом решающее соображение. Это была попытка царизма во второй половине 60-х годов XIX века ориентироваться на Америку как на союзника в борьбе за отмену Парижского мира и за раздел Турции.

Впоследствии в опозиционно настроенной прессе высказывалось удивление, что царизм проявил при продаже своих колоний такое бескорыстие. «Надо вспомнить..., — писал «Голос», — что наши владения в Северной Америке прилежат непосредственно к владениям английской Гудзонбайской компании, для которой переход русских колоний в руки американцов менее всего может быть выгоден и желателен, и только для того, чтоб избавиться от соседства американцов, компания английская, без сомнения, охотно дала бы втрое или вчетверо дороже предлагаемой Соединенными штатами суммы».[3]

Действительно, если бы правительством руководило лишь желание продать колонии подороже, то с Англии можно было бы получить значительно больше, чем с Соединенных Штатов, ибо покупка Америкой русских колоний была для Англии чревата многими осложнениями. Однако для царизма было гораздо важнее заполучить союзника, в особенности союзника, интересы которого были антагонистичны Англии.

Уже с первого момента, как только возник вопрос о продаже колоний Соединенным Штатам, русские дипломаты не сомневались, что это событие явится прямым вызовом Англии. Излагая в депеше от 23 декабря 1859 года ход переговоров о возможности покупки Соединенными Штатами русских колоний, Стекл особенно подчеркивает это обстоятельство: «Прежде чем окончить это сообщение, я нахожу нужным осведомить ваше сиятельство, что проект уступки наших колоний, если он осуществится, обеспокоит в высокой степени

[1] Приложение к «Морскому сборнику», №№ 1—4, 1861 г.
[2] *П. Тихменев,* Историческое обозрение образования Российско-американской компании, СПб., 1861.
[3] «Голос», 1867 г., № 84.

британское правительство».[1] Предпосылки для подобного заключения были весьма основательны. Уже переход Калифорнии к Соединенным Штатам нанес сильный удар английскому господству в Тихом океане. Попытка Англии усилить колонизацию о. Ванкувера и части Орегона встретила, однако, серьезное препятствие в суровости климата. При подобном положении, «если Соединенные Штаты, — писал Стекл, — сделаются хозяином наших владений, британский Орегон будет стиснут американцами с севера и с юга и с трудом избегнет агрессии последних».[2]

Стремясь нанести удар английскому могуществу в Северной Америке и тем самым столкнуть Соединенные Штаты с Британской империей, Россия решила пойти на продажу Аляски, а стремление к господству на американском материке заставило Соединенные Штаты ее приобрести. В разговоре с калифорнийским сенатором Гвином Стекл указал, что сумма в 5 миллионов долларов, предлагаемая Соединенными Штатами за Аляску, вряд ли удовлетворит русское правительство. «Я согласен предложить более крупную сумму, — заявил Гвин, — и в этом я буду поддержан моими коллегами из Калифорнии и Орегона, но я не уверен в согласии других штатов союза, которые в этом прямо не заинтересованы. Единственный мотив, могущий склонить их к приобретению ваших колоний, — это перспектива усилить в просторах Тихого океана могущество и влияние Соединенных Штатов в ущерб Англии. Это политическое соображение, — добавил Гвин, — которым не преминут воспользоваться делегаты Калифорнии и Орегона, окажет вне всякого сомнения благоприятное влияние на конгресс».[3]

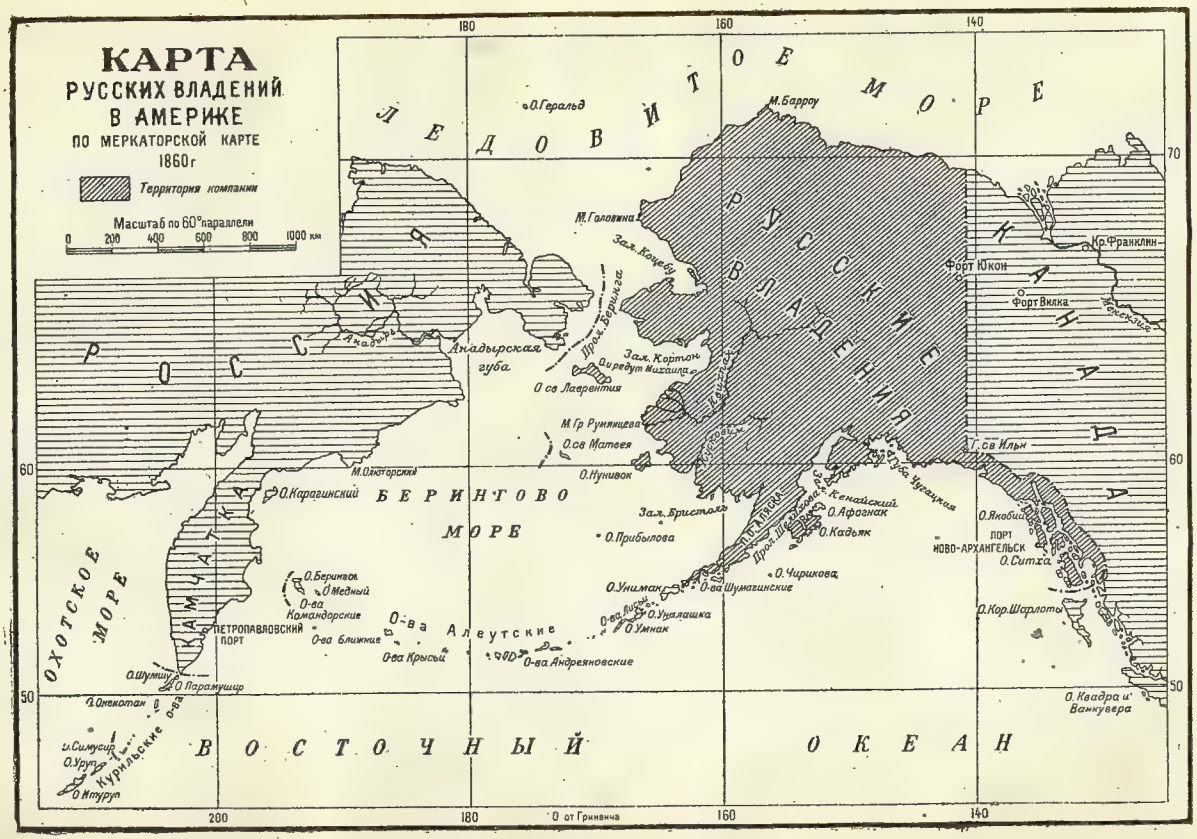
Экономическая взаимосвязанность южных штатов Америки с Англией отнюдь не мешала ставленникам южан в период их пребывания у власти стремиться к ущемлению английской экспансии на американском материке. К тому же как Север, так и Юг, стремясь к приобретению новой территории, которая должна была войти в федерацию как самостоятельный штат, втайне надеялись перетянуть его на свою сторону и тем самым увеличить свои силы в конгрессе. Переговоры о покупке колоний, направленные, как мы видели, в первую очередь против Англии, были начаты в период президентства Франклина Пирса, бывшего на поводу у южан, продолжались

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, письмо от 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), на лл. 36—41. Перевод с французского.

[2] Там же.

[3] Там же, письмо от 4/16 июля 1860 г., на лл. 48—49. Перевод с французского.


КАРТА
РУССКИХ ВЛАДЕНИЙ
В АМЕРИКЕ
ПО МЕРКАТОРСКОЙ КАРТЕ
1860 г
Территория компании
Масштаб по 60° параллели
0 200 400 600 800 1000 км
ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ
РОССИЯ
КАНАДА
РУССКИЕ ВЛАДЕНИЯ
БЕРИНГОВО МОРЕ
ОХОТСКОЕ МОРЕ
КАМЧАТКА
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН
О. Геральд
М. Барроу
М. Головина
Зал. Коцебу
Анадырская губа
Анадырь
Проз. Беринга
Зал. Кортон
О. и редут Михаила
О. св. Лаврентия
М. Гр. Румянцева
О. св. Матвея
О. Нунивок
М. Олюторский
О. Карагинский
Зал. Бристоль
О. Прибылова
О. Беринга
О. Медный
О-ва Командорские
О-ва Ближние
О-ва Крысьи
О-ва Алеутские
О-ва Андреяновские
О. Унимак
О. Унялашка
О. Умнак
О-ва Лисьи
О-ва Шумагинские
О. Чирикова
Проз. Шелихова
Кенайский
О. Афогнак
О. Кадьяк
Губа Чугацкая
Г. св. Ильи
О. Якобий
ПОРТ НОВО-АРХАНГЕЛЬСК
О. Ситха
О. Кор. Шарлоты
О. Квадра и Ванкувера
Форт Юкон
Форт Вилка
Кр. Франклин
Менензия
ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ
О. Шумшу
О. Парамушир
О. Онекотан
Курильские о-ва
О. Симусир
О. Уруп
О. Итуруп
О от Гринвича
180
160
140
70
60
50
200

в период президентства ставленника южан Джемса Бьюканена и, наконец, были оформлены в период президентства Эндрью Джонсона, хотя и боровшегося против отделения южных штатов, но представлявшего интересы последних.

В 1859 году переговоры о продаже колоний вышли из стадии общих фраз и предположений и приобрели весьма четкий характер. В одной из бесед со Стеклом калифорнийский сенатор Гвин вновь поднял вопрос о продаже Россией колоний, подчеркнув при этом, что эту идею всячески поддерживает президент Бьюканен, поручивший ему и помощнику государственного секретаря Аппельтону вести эти переговоры. По поручению Бьюканена, Аппельтон, как сообщал Стекл, передал ему, что президент «верит, что приобретение наших колоний было бы выгодно для государств, расположенных у Тихого океана, что он готов дать ход этому проекту, но прежде чем зайти далеко, следует узнать, расположены ли мы уступить наши владения».[1] В случае благоприятного со стороны России ответа Бьюканен предполагал обсудить этот вопрос с членами кабинета и с некоторыми влиятельными членами конгресса.

Однако все обострявшиеся противоречия между Севером и Югом и приближавшиеся президентские выборы, сулившие ряд изменений во внутренней политике Соединенных Штатов, заставили Россию временно воздержаться от решительного ответа на предложение Бьюканена. «Все зависит от будущих президентских выборов, которые состоятся в ноябре, — писал в начале 1860 года Стекл. — До тех пор мы будем продолжать жить среди беспорядка, царящего теперь повсюду как среди администрации, так и в федеральном законодательном собрании».[2]

В этих условиях продажа колоний Соединенным Штатам, с точки зрения царского правительства, теряла свой смысл. Аппельтону и Гвину было сообщено, что «императорское правительство, не отклоняя окончательно предложения о продаже американских колоний, все же считает необходимым временно отложить это дело до более благоприятного момента».

Официально таким «благоприятным моментом» был объявлен срок окончания привилегий Российско-американской компании, т. е. январь 1862 года. Он удачно совпадал с оконча-

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, письмо от 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), на лл. 36—41. Перевод с французского.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, письмо от 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), на лл. 44—46. Перевод с французского.

нием всей выборной компании, дававшей возможность уяснить дальнейшие перспективы политики Соединенных Штатов.

Итак, продажа была отложена, как казалось вначале, — на полтора года, но, как оказалось впоследствии, на семь лет.

Сочувствуя северянам как антагонистам Англии, Россия все же не могла желать разрыва Севера с Югом, поскольку это ослабляло Соединенные Штаты как военную державу. «Дезорганизация Соединенных Штатов как державы, — писал Стекл Горчакову, — с нашей точки зрения — прискорбное событие. Американская конфедерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование ее являлось элементом мирового равновесия». [1]

Россия была заинтересована в компромиссном решении и в избрании на пост президента представителя южан, поскольку это помешало бы окончательному разрыву Севера с Югом. «Все, кто находится во главе дел, едва выше посредственности, — писал тот же Стекл о внутреннем положении Соединенных Штатов. — Имеется не более двух исключений. Один — сенатор Дуглас от демократической партии; это человек талантливый и энергичный, но он не в ладах с администрацией, которая употребляет все возможное, чтобы устранить его от будущего президентства. Другое исключение — сенатор Сюард, действительно государственный муж, но он один из главнейших противников рабства, и, если сделается президентом, Юг в целом покинет союз». [2]

После избрания Линкольна, оценить которого Стекл явно не сумел, Россия старается принять меры к примирению Севера с Югом и к сохранению федерации. Мы имеем в виду попытку русского посланника принять участие в переговорах, которые вел государственный секретарь Сюард с представителями южан. Отклонив в октябре 1862 года предложение Франции о вмешательстве в борьбу на американском материке, Россия, как и Англия, полностью сохраняет для себя свободу действий, одновременно пытаясь добиться примирения между воюющими сторонами. В беседе с представителем Соединенных Штатов в том же октябре 1862 года Горчаков всячески напирал на то, что Россия более всего желает «сохранения американского союза как неделимой нации». [3]

В 1863 году, под влиянием целого ряда соображений, в Америку посылается эскадра под командою адмирала

---

[1] Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия, «Красный архив», 1930 г., № 1 (38), стр. 154.

[2] АВП, фонд министерства иностранных дел, азиатский департамент, 1857 г., д. № 4, письмо от 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), на лл. 42—43. Перевод с французского.

[3] Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия, «Красный архив», 1930 г., № 1 (38), стр. 155.

Лисовского, которая, как и находившаяся уже в Тихом океане эскадра адмирала Попова, одним фактом своего присутствия должна была противодействовать английской контрабандной торговле с Югом, дававшей ему возможность сопротивляться.

С окончанием войны и победой Севера Россия могла уже рассчитывать использовать союз с Соединенными Штатами в той борьбе за разрешение ближневосточного вопроса вообще и отмену Парижского мира в частности, которую ей предстояло вести с Англией. В этих условиях надобности в дальнейшей отсрочке продажи колоний уже не было.

В июле 1866 года в Россию прибыла американская делегация во главе с товарищем государственного секретаря по морскому министерству Фоксом, которая от имени конгресса поздравила Александра II с «чудесным спасением» от выстрела 4 апреля. Это было открытой демонстрацией Соединенных Штатов в союзе с Россией против Англии.

Обращение конгресса было, с точки зрения дворянских кругов, в значительной степени бестактным. Посылая своего представителя в Петербург, «горящий возмущением» по поводу событий 4 апреля, конгресс, очевидно, не удосужился узнать официальную версию мотивов этого покушения, и Каракозов фигурирует в обращении как представитель дворянства, мстящего царю за освобождение крестьян. Однако необходимость заполучить союзника заставляла делать веселое лицо при неудачной игре. «Нет никакой беды, — кричали «Московские ведомости», — что конгресс заатлантической республики, еще не сообщавшейся тогда с Европой трансатлантическим телеграфным канатом, ошибся в объяснении причины явления, сущность которого не могла для него быть понятна».[1]

«Никакой беды» не было потому, что, как заявляли те же «Московские ведомости», «у обеих наций есть общие враги».

Вся русская пресса была в этот период полна рассуждениями об общности врагов у той и другой державы.

«Голос», а за ним и другие газеты всячески пропагандируют мысль о том, что Америка должна стать «европейской державой». «В Европе является новая великая держава, — пишет «Голос», — которая, не имея ни клочка земли на нашем полушарии, может в союзе с Россией сделаться действительно европейскою страною, имеющею сильное влияние на ход европейских событий».

Однако, как же представляла себе русская пресса «превращение» Америки в европейскую державу?

«Превращение» должно было совершиться при помощи совместного раздела Турции. Именно в этом и заключался для России смысл «европеизации» Америки. «Без сомнения, —

[1] «Московские ведомости», 1866 г., № 171.

писал «Голос», — отныне наши порты всегда будут открыты для военных американских судов; но порт дружественной державы все-таки не то, что свой собственный; поэтому слухи о желании вашингтонского правительства приобресть от блистательной Порты один из островов Архипелага, может быть, и преждевременные, не имеют в себе ничего невероятного, и если действительно приближается раздел наследия Турции, то наши собственные интересы заставляют нас желать, чтоб часть этого наследия досталась Соединенным Штатам. Имея морскую станцию в Средиземном море, американский флаг будет препятствовать вторжению западных флотов в Черное море, а наш балтийский флот всегда будет готов на защиту американских интересов на севере Европы». [1]

Во время приезда Фокса участь русских колоний была решена окончательно. Возвратившись в Петербург сразу после визита Фокса, русский посланник в Соединенных Штатах Стекл занялся официальным оформлением согласия на продажу. «Передача колоний Соединенным Штатам мне кажется особенно желательной в политическом отношении», — писал А. Д. Горчакову в декабре 1856 года, после беседы со Стеклом, министр финансов М. Х. Рейтерн.

Помимо невозможности защищать колонии в случае войны «с одною из морских держав» Рейтерн весьма откровенно указывает как наиболее существенный довод в пользу продажи колоний Соединенным Штатам то обстоятельство, что в этом случае Соединенные Штаты «сделаются соседями английских колоний не только с юга, но и с северо-запада». Это, по его мнению, «не может не иметь последствием упрочение дружелюбных наших отношений с Соединенными Штатами и увеличение возможности несогласия этих Штатов с Англией». [2]

Аналогичная мысль была высказана и великим князем Константином, подчеркивавшим «исключительные выгоды, которые может представить нам тесный союз с Северо-американскими Штатами и необходимость отстранения всего, что могло бы породить несогласия между двумя великими державами». [3]

Этот характер продажи русских колоний, направленной против Англии, отмечает и Маркс в письме к Энгельсу, написанном накануне оформления договора о продаже русских колоний. 27 марта 1867 года Маркс писал Энгельсу: «Русские деятельнее, чем когда-либо раньше. Между Францией и Германией они заварили недурную кашу. Австрия сама по себе доста-

---

[1] «Голос», 1866 г., № 232.
[2] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25, л. 2.
[3] Там же, лл. 1—2.

точно бессильна. А господам англичанам они заварят кашу в United States».[1]

Следует отметить, что возможность обострения англо-американских отношений и закрепление русско-американского союза путем продажи Аляски были прекрасно учтены иностранной прессой. Правда, английская печать замалчивала этот вопрос, однако, французская, которая была заинтересована в том, чтобы привлечь внимание Англии к русским делам и тем самым отвлечь ее от французских мероприятий в Италии и Испании, уделяла ему много внимания: «Уступкою продаваемых Россиею земель, — писало «Temps», — только запечатлевается парадоксальный союз императора Александра с президентом Джонсоном. Что из этого будет? Вопрос этот, — отвечало «Temps», — быть может, когда-нибудь разрешит эскадра, которую Америка содержит уже несколько времени в греческих водах».[2]

Маркс решительно отвергает возможность вмешательства со стороны Соединенных Штатов в турецкие дела и считает все эти слухи «русскими измышлениями». В письме к редактору «Courrier Français» Верморелю Маркс в августе 1867 года писал: «Вы воспроизводите утки (*русского* происхождения) о том, что Северная Америка возьмет на себя будто бы инициативу борьбы с турками. Вам следовало бы знать, что президент Соединенных Штатов не имеет права объявлять войну. Это право принадлежит только Сенату. Если президент Джонсон, — это *грязное орудие рабовладельцев* (хотя Вы настолько наивны, что изображаете его вторым Вашингтоном), — старается снискать себе некоторую популярность, запутывая международные отношения и делая за границей хвастливые заявления, то ведь янки не дети и не французы. Уже одного того, что *инициатива* всех этих попыток исходит от него, достаточно, чтобы лишить их всякого серьезного значения».[3]

Но если, распуская подобные «утки», русское правительство вряд ли особенно верило в возможность непосредственного вмешательства Соединенных Штатов в случае необходимости применения вооруженной силы в борьбе за раздел Турции, то вместе с тем оно прекрасно учитывало, какое огромное значение для понижения активности Англии на Европейском континенте будут иметь те осложнения, которые возникнут для нее на Тихоокеанском побережьи в связи с продажей Соединенным Штатам русских поселений в Америке.

Разбирая памфлет Лилиенфельда, Маркс пишет Кугельману: «Еще пример грубого невежества автора памфлета! В его гла-

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 399.
[2] «Temps», 1867. Цитирую по «Голосу», 1867 г., № 86.
[3] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXV, стр. 494.

зах уступка русской части Северной Америки была не чем иным, как дипломатической хитростью русского правительства, которое, замечу кстати, было в большом денежном затруднении. Но здесь дело не в том: американский конгресс опубликовал недавно документы об этой сделке. Там имеется, между прочим, отчет американского поверенного, в котором он прямо пишет в Вашингтон: *с экономической стороны* приобретение это пока ровно ничего не стоит, но — но Англию благодаря этому янки отрежут с одной стороны от моря и ускорят приобретение всей британской Северной Америки Соединенными Штатами. Вот в чем дело то!» [1]

Еще в начале 1857 года, по возобновлении обсуждения вопроса о продаже колоний, министерство иностранных дел попыталось приблизительно рассчитать, из какой суммы надо исходить при продаже Аляски. Принимая во внимание, что на 7484 акции компания в этот период выдавала 134 712 руб. дивиденда, откладывала в основной капитал 13 471 руб. и 673 руб. отпускала для всевозможных субсидий, министерство исчисляло ежегодную прибыль компаний равной 148 856 руб. Исходя из того, что средний годовой доход в стране составляет 4%, министерство приходит к выводу, что награждение собственно компании должно составить 3 721 400 руб. серебром. Аналогичная сумма назначалась и в пользу правительства. Таким образом, в этом случае полная стоимость колоний исчислялась в 7 442 800 руб. серебром. Это была «программа-минимум». Второй вариант, разработанный одновременно с первым, базировался на других цифрах. В этом случае при расчете исходили не из прибыли, а из общей суммы расхода компании на выплату акционерам, содержание служащим, административный аппарат и пр. Эту сумму, исчисляемую в 800 тысяч руб. серебром, по данным министерства, компания «расходует каждогодно в пользу подданных России». Исходя из того, что эта сумма является 4% доходом капитала, равного всей стоимости колоний, последняя и выводилась равной 20 миллионам руб. серебром.

Однако утопичность последнего варианта была очевидна даже для его авторов, и в течение всего хода переговоров сумма требуемого вознаграждения за колонии колебалась между 5 миллионами долларов, т. е. первым вариантом, приблизительно равным 7500 тысяч руб. серебром, и 7 миллионами долларов, т. е. суммой, которая фигурировала в фиктивном договоре между Российско-американской и Американо-русской компаниями.

По сообщению Стекла, ведший с ним переговоры калифорнийский сенатор Гвин неоднократно отмечал, что при опреде-

[1] *Маркс и Энгельс,* Соч., т. XXVI, стр. 43.

лении стоимости колоний «можно дойти до 5 миллионов долларов». [1] Тем труднее было добиваться надбавки в момент непосредственной продажи, т. е. после гражданской войны, когда государственная казна была действительно пуста.

5 миллионов долларов были той суммой, больше которой Россия не рассчитывала получить. Министр финансов Рейтерн считал, что «денежное вознаграждение должно быть не менее пяти миллионов долларов», [2] т. е. на 2200 тысяч долларов меньше, чем удалось получить по соглашению об уступке колоний. «Я употребил все возможные усилия, чтобы получить 7 миллионов 200 тыс. долларов, — сообщал Стекл министру финансов. — Постепенно я довел г-на Сюарда до 6 миллионов с половиной, но он не желал итти дальше. На время переговоры были прерваны, но я держался стойко, и секретарь уступил». [3]

Последняя прибавка в 200 тысяч была сделана с тем условием, что продаваемая территория должна быть «свободна и очищена от отводов, привилегий, льгот, пожалований или владений соединенных компаний, корпоративных или некорпоративных, русских или других».

7200 тысяч долларов, полученные Россией за колонии, в общем составляли немногим меньше 11 миллионов рублей, ибо курс доллара в 1867 году равнялся в среднем 1 руб. 50 с дробью коп. По соображениям управляющего министерством финансов, представленным 31 августа 1868 года, [4] т. е. уже после ликвидации дел компании, ее следовало компенсировать за водворение в Россию компанейских служащих и за нарушение контракта 728 600 руб., а также за потерю колониального имущества 959 716 руб.

При этом с компании следовало взыскать ее долги казне, что с процентами составляло 677 883 руб. 70 коп. [5] Таким образом, из всей суммы, полученной от Соединенных Штатов, компании, за вычетом всех ее долгов, причиталось получить 1 010 432 руб. 30 коп. Что же касается всех прочих частных долгов, то они опять-таки покрывались компанией из оставшихся у нее сумм.

---

[1] АВП, фонд министерства иностранных дел, 1857 г., д. № 4, письмо от 23 ноября 1859 г. (4 января 1860 г.), на лл. 36—41. Перевод с французского.

[2] МИА, фонд канцелярии морского министерства, 1858 г., д. № 1, л. 19.

[3] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25, л. 61. Перевод с французского.

[4] МИА, фонд канцелярии морского министерства, распорядительная часть, 1860 г., д. № 162, ч. II, л. 178.

[5] АНХ, фонд канцелярии министра финансов, лит. Ш., 1866 г., д. № 3, л. 24.

Казне же осталось чистыми более 9 с половиной миллионов рублей, — сумма, конечно, незначительная, однако, все же равнявшаяся более чем половине годового бюджета такого министерства, как морское, бюджет которого в 1867 году равнялся 16 миллионам рублей.

Говоря о материальной заинтересованности России в продаже колоний, нельзя также обойти молчанием косвенные указания в иностранной печати на переговоры, которые велись между Соединенными Штатами и Россией о предоставлении ей займа. Действительно, царское правительство в этот период единственный выход из создавшегося финансового кризиса видело в иностранном займе. «Дефицит на текущие расходы как сметные, так и сверхсметные, — писал в секретном докладе Александру в 1866 году министр финансов Рейтерн, — в три года [1867—1869. — *С. О.*] составит около 45 000 000 руб., или средним числом по 15 000 000 руб. в год. Сумму эту необходимо стараться приобрести посредством иностранного займа». [1]

Сделанные в течение 1862—1865 годов семипроцентный, так называемый заграничный, и англо-голландский пятипроцентный заем ни в какой мере не разрешали проблемы, и версия о том, что между Россией и Соединенными Штатами в этот период велись какие-то переговоры о займе, могла иметь некоторое основание.

«Русское правительство, — писало «Temps», — не так давно старалось продать петербургско-московскую железную дорогу; — это ему не удалось, но через продажу своих американских владений оно обогатит казну 7 миллионами долларов, и, кроме того, есть слухи, что Россия вступила с Соединенными Штатами в переговоры на счот заключения займа». [2]

Оформление договора по покупке Соединенными Штатами русских колоний в 1867 году велось с величайшей поспешностью. «Обстоятельства, при которых была заключена сделка, как бы указывают на предчувствие будущей важности этой негостеприимной части северо-американского материка», — отмечает А. Бабин. [3]

Сын государственного секретаря Сюарда так описывает в своих воспоминаниях эпизод, присшедший при оформлении договора: «В пятницу вечером 29 марта Сюард играл в вист с некоторыми членами своей семьи в гостиной, когда доложили о приходе русского посла. «У меня каблограмма, мистер Сюард, от правительства, — государь дает свое согласие на

[1] АНХ, фонд канцелярии министра финансов, лит. Ш., 1866 г., д. № 3, л. 24.

[2] «Temps», 1867. Цитирую по «Голосу», 1867 г., № 86.

[3] *А. Бабин,* История С.-А. Соединенных Штатов, СПб., 1912, т. II, стр. 221.

продажу. Завтра, если вы хотите, я приду в департамент, и мы можем договориться». В ответ на это сообщение, по словам сына, Сюард отодвинул стол с картами, говоря: — «Зачем ждать до завтра, мистер Стекл, давайте заключим договор сегодня». [1]

Были созваны секретари, и в присутствии председателя сенатской комиссии по иностранным делам Чарльза Сомнера в 4 часа утра трактат был подписан и послан на утверждение в сенат.

Слухи о продаже колоний Соединенным Штатам проникли в печать еще до опубликования договора, и отдельные русские газеты, в особенности «Голос» Краевского, попытались выступить с резкой критикой этого мероприятия: «Сегодня слухи — продают николаевскую железную дорогу, — писал «Голос» в передовой от 25 марта 1867 г., — завтра русские американские колонии; кто ж поручится, что после завтра не начнут те же самые слухи продавать Крым, Закавказье, Остзейские губернии? За охотниками-де до покупки дело не станет».[2] При этом «Голос» подчеркивал, что продажа является незаслуженным мероприятием по отношению к Российско-американской компании и что та сумма, за которую были уступлены колонии, весьма незначительна по сравнению с их действительной стоимостью.

Эта статья обратила на себя внимание цензуры. Председатель петербургского цензурного комитета в своем отношении в главное управление по делам печати, цитируя ряд отрывков из передовой «Голоса», отмечал, что «хотя цензурными установлениями не возбраняется печати обсуждать правительственные меры, но никак нельзя оправдать оскорбительных для установленных властей отзывов о мерах, хотя еще не состоявшихся, но заведомо имеющихся в виду». [3] В этой статье цензор усмотрел «как бы систематическое стремление редакции журнала к порицанию действий правительства», с чем согласился и председатель цензурного комитета.

На этом «крамольные» выступления русских газет против продажи колоний закончились.

Еще более резко выступила против покупки Соединенными Штатами русских колоний часть американских газет. Лишь отдельные газеты, в частности «New York Herald», более или менее положительно оценили это событие.

«Смотря на предложенную Соединенным Штатам уступку русской Америки с известной точки зрения, — писал «New

---

[1] *F. Seward,* Seward at Washington as Senatory and Secretary of State, N. Y., 1891, p. 348.

[2] «Голос», 1867 г., № 84.

[3] АВП, фонд канцелярии главного управления по делам печати, 1865 г., д. № 15, ч. I, лл. 189—190.

York Herald», — она кажется пустою и неважною; смотря на нее с другой точки, — она, без всякого сомнения, оказывается важнейшею из международных сделок новейшего времени».[1]

В другой статье тот же «New York Herald» вновь подчеркивает всю политическую важность продажи этого края. «Уступка его указывает,— писал «New York Herald»,— на вероятность политического, торгового и военного союза, оборонительного и наступательного, между Россиею и Соединенными Штатами против Англии и Франции, при предстоящем в будущем прилаживании равновесия власти в обоих полушариях».[2]

Но большинство газет заняло принципиально иную позицию. Одна из авторитетнейших американских газет «New York Tribune» резко выступила против покупки русских колоний и с большим сарказмом подвергла критике политику Сюарда в этом вопросе. В статье, озаглавленной «Русское шарлатанство», «Нью-йоркская трибуна» дает едкое описание русских колоний «по представлению Сюарда». По описанию Сюарда, — пишет «Нью-йоркская трибуна», — «нет места в мире, подобного русской Америке. Приятный климат, совершенно теплый зимой, где эскимосы стремятся найти защиту в тени от палящей жары арктического лета. Страна покрыта сосновым лесом, цветущими зелеными садами на побережьи, где имеются также огромные поля пшеницы и ячменя, стада нерпы, белые медведи, айсберги, киты и золотые жилы — все вплоть до 60° северной широты. Все удовольствия и все необходимое для жизни собрано вместе, и, как уверяет г-н Сюард, мы найдем белого медведя возлежащим на розах, ячмень, поспевающий на айсбергах, траву, обильно произрастающую на полях, по которой эскимосы ездят на санях».[3]

В другой статье, посвященной этому же вопросу, «Нью-йоркская трибуна» заявляет, что в истории дипломатии «не было безумной глупости, подобной этому договору, и все же существует опасность, что план пройдет через сенат без огласки и без рассмотрения и немедленно будет признан».[4]

Статьи «Нью-йоркской трибуны», появившиеся накануне обсуждения сенатом договора о покупке русских колоний, резко требовали отклонения заключенного соглашения. «Нью-йоркская трибуна» писала: «Этот договор государственный секретарь стыдливо и боязливо публикует в своем обращении и просит сенат подтвердить, а народ одобрить. Мы уверены,

[1] «New York Herald», 1867. Цитирую по «Голосу», 1867 г., № 104.
[2] «New York Herald», 1867. Цитирую по «Голосу», 1867 г., № 103.
[3] «New York Tribune», 1867. Цитирую по недатированным вырезкам, хранящимся в АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25, ибо в наших книгохранилищах «New York Tribune» за этот год не имеется.
[4] «New York Tribune», 1867.

что сенат скажет — нет, мы знаем, что народ скажет — нет».[1]

Действительно, обсуждение договора в сенате внушало некоторые опасения русскому посланнику в Соединенных Штатах. Посылка официальной телеграммы о согласии правительства на продажу колоний именно в конце марта была вызвана тем, что в это время уже заседал новый конгресс, состав которого сулил благоприятное для России разрешение вопроса.

В письме от 24 февраля (8 марта) 1867 года, т. е. за три недели до составления договора, Стекл писал Рейтерну: «Мне было бы невозможно среди бурных споров последней сессии конгресса начинать переговоры, требующие наибольшей осмотрительности. Новый конгресс, собравшийся 4 дня тому назад, будет более спокойный, и я смогу тогда заняться этим вопросом».[2] Но и при новом составе конгресса оставались еще некоторые сомнения. «Я даже не уверен, — писал Стекл в том же письме, — что наше предложение будет принято, и предупреждаю о больших трудностях».

И в итоге, хотя в отдельные моменты, особенно с началом компании в печати, казалось, что сенат не утвердит договора и дело окончится международным скандалом, ибо «отказ сената от этого акта, — как отмечал Стекл, — должен казаться в глазах света актом мало вежливым по отношению к императорскому правительству»,[3] все дело окончилось вполне благополучно.

18 апреля 1867 года по новому стилю договор большинством 37 против 2 был принят сенатом, несмотря на то, что под ним была подпись Сюарда, «неумолимого врага трех четвертей сенаторов». Произошло это, с одной стороны, как справедливо заметил Стекл, потому, что «оппозиция в сенате была не против договора, но против статс-секретаря», а, с другой стороны, и потому, что, как отмечает американский историк, «вся сделка была пропитана запахом коррупции».[4] Таким образом, несмотря на бешеную кампанию газет, никаких эксцессов не последовало.

В русской литературе, почти не освещавшей вопрос о продаже американских колоний, естественно, обойден и вопрос о подкупе, который имел место при этой сделке. Несмотря на циркулировавшие слухи об этом, и американские исследователи до определенного момента замалчивали это щекотливое обстоятельство.

---

[1] «New York Tribune», 1867. Цитирую по вырезкам, хранящимся в АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25.

[2] АНХ, фонд общей канцелярии министра финансов, 5 делопроизводство, 1866 г., д. № 58/25, лл. 47—48. Перевод с французского.

[3] Там же, л. 66. Перевод с французского.

[4] *F. Dulles,* America in the Pacific, Boston, 1932, p. 92.

«Обстоятельства, которые привели к передаче [русских колоний. — *С. О.*], до сих пор, по мнению многих, покрыты таинственностью, но я могу уверить читателя, — пишет Банкрофт, автор капитальной американской работы по истории Аляски, — что здесь нет никакой тайны. В дипломатических кругах даже такая простая сделка, как покупка куска земли, не совершается без обычных мудрых подмигиваний, шептанья и околичностей». [1]

С появлением работ Golder'a, [2] Dunning'a, [3] Farrar'a [4] и других американских исследователей вопрос действительно стал ясен.

Цитированный выше Dulles, работа которого, вышедшая в 1932 году, суммирует все сведения предшествующих авторов, прямо заявляет, что без подкупа некоторых конгрессменов трактат о покупке Соединенными Штатами Аляски мог встретить в конгрессе нежелательную оппозицию. «Мы не знаем точно, что произошло, — пишет Dulles, — не существует, однако, сомнений, что употреблен был подкуп, чтобы направить решения конгресса. В этом деле ясно чувствуется тот аромат подкупа, который стал так знаком послевоенному Вашингтону». [5]

Возражая против уверток Сюарда, утверждавшего, что никаких соглашений о передаче каких-либо сумм не было, Dulles оперирует теми же изобличающими Сюарда материалами, которые приводятся и у других авторов. Он упоминает о телеграмме Стекла, рапортовавшего правительству об израсходовании большей части отпущенных ему «для секретных расходов сумм», наконец, приводит разоблачающий документ, найденный среди бумаг президента Джонсона. В этом документе президент, ссылаясь на слова Сюарда, рассказывает, что русский посол в связи с договором о продаже Аляски уплатил 30 тысяч долларов Джону В. Форнею (John W. Forney), 20 тысяч долларов Р. Дж. Уокеру (R. J. Walker) и Ф. П. Стэнтону (F. P. Stanton), 10 тысяч долларов Тэдди Стевенсу (Thaddeus Stevens) и 8 тысяч долларов Н. П. Бэнксу (N. P. Banks).

Что же, однако, побудило прессу и, в частности, «Нью-йоркскую трибуну» так активно выступать против утверждения сенатом договора о покупке русских колоний?

---

[1] *H. Bancroft,* The Works, v. XXXIII, History of Alaska, p. 595.
[2] *F. Golder,* The Purchase of Alaska, «American Historical Rewiew,» v. 25, 1920.
[3] *W. Dunning,* Paying for Alaska, «Political Science Quarterly,» v. 27, 1912.
[4] *V. Farrar,* The Background of the Purchase of Alaska, «Washington Historical Quarterly», v. 13, 1922.
[5] *F. Dulles,* America in the Pacific, p. 92.

Это можно объяснить, по всей вероятности, тем, что договор был внесен в сенат накануне выборов в отдельных штатах. Кампания, поднятая рядом газет и, в частности, «Нью-иоркской трибуной», против покупки русских колоний, очевидно, имела целью помочь на выборах тем кандидатам, которые в числе своих лозунгов выставили требование не отпускать ни одной копейки для территориальных приобретений и тем самым якобы гарантировать своих выборщиков от увеличения налогового бремени. Естественно, что в условиях послевоенного кризиса подобный лозунг мог иметь частичный успех.

Что между выборной кампанией и выступлениями печати против покупки Аляски была связь, мы можем предположить на основании одной весьма откровенной заметки, промелькнувшей в этот период в «New York Herald».

«Есть слухи, — пишет «New York Herald», — что трактат не будет утвержден. Мы догадываемся, что слух этот был распущен с целью воздействовать на выборы в Коннектикуте; но так как выборы эти теперь уже кончены, то надеемся, что сенат будет в состоянии тщательнее обсудить вопрос, следует ли великой республике остановиться на своем громадном поприще или итти вперед к самому северному полюсу». [1]

Но вместе с тем приходилось учитывать, что идея увеличения территории Соединенных Штатов за счет Аляски не лишена была для определенных кругов известного обаяния. И «Нью-иоркская трибуна» прибегает к довольно неловкой инсинуации. Она сообщает, что русский царь якобы имел намерение передать Аляску Соединенным Штатам в виде подарка, так как она ему все равно не нужна и кроме хлопот ничего не приносит. «Это очевидно», — уверяет «Нью-иоркская трибуна». «И так же очевидно, — продолжает она, — что государственный секретарь Сюард знал об этом факте. К несчастию для нашего казначейства и наших налогоплательщиков, нельзя приобрести дипломатической славы получением простого подарка. Вместо того чтобы объявить приобретение территории, готовой упасть к нам в руки в виде помощи русского казначейства, г-н Сюард ведет переговоры относительно этого, расточает на это сумму в 10 миллионов долларов, таинственно облекает всю сделку в секретный договор, неожиданно появляется с ним в сенате после окончания очередной сессии конгресса и побуждает к немедленному одобрению договора». [2]

---

[1] «New York Herald», 1867. Цитирую по «Голосу», 1867 г., № 103.
[2] «New York Tribune», 1867.

Не случайной кажется нам в этом абзаце апелляция к «налогоплательщикам». Это были те выборщики, которые опасались, как бы территориальные приобретения не отразились на их кармане.

Дальнейшее оформление договора о продаже пошло без задержек. 3 (15) мая конвенция была ратифицирована царем, 8 (20) июня 1867 года состоялся в Вашингтоне обмен ратификаций, а 7 (19) октября в Ситху прибыли правительственные комиссары. В этот же день состоялся спуск русского флага. Вместе с территорией Соединенные Штаты, согласно статье II договора, получили право на все здания, не составлявшие частной собственности. Но так как казенных зданий в русских колониях не было, то вместо них Соединенным Штатам были переданы все здания Российско-американской компании.

* * *

«И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами». [1]

Захватив плацдарм на западном побережьи Северной Америки, царская Россия стремилась к дальнейшему продвижению в западном полушарии. Встретив, однако, на путях своей экспансии сильного противника в лице Англии, а затем столкнувшись с растущей великой державой — Соединенными Штатами, она отказывается в конце концов от борьбы за закрепление своего влияния на северо-американском материке.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что для защиты и содержания этих отдаленных, далеко выдвинувшихся форпостов нужны были большие силы и средства. Внимание же России, начиная с 40-х годов XIX века, было приковано к тем первоочередным задачам, которые были у нее на европейском и азиатском материках.

Россия должна была отказаться от дальнейшего продвижения в западном полушарии, должна была отказаться и от американских поселений, которые были созданы как опорные пункты для этого продвижения. Экспансия остановилась на западном побережьи Тихого океана. На этой естественной границе, где был выход к открытому морю, Россия защищала свои жизненные интересы.

Российско-американская компания, эта характерная для определенного периода организация, сыграла свою роль в этой экспансии. Царское правительство могло сделать попытку столь далеко идущей экспансии, не вызывая международных

[1] *Ленин,* Соч., т. XIX, стр. 281.

осложнений, только под прикрытием этой частной по форме, но правительственной по существу организации.

Царское правительство действовало осторожно. Когда выяснилось, что дальнейшее продвижение невозможно, ничего не было легче, чем ликвидировать компанию, а продажу колоний удалось обставить, как мы это показали, даже с некоторыми выгодами в смысле международных отношений.

Существование компании было сравнительно кратковременным. Судьба ее была предрешена. Для такой формы правительственных монополий в условиях развивающегося капитализма не было места. Через несколько десятилетий Тихий океан становится ареной борьбы уже империалистических государств. Здесь обозначается новый узел противоречий, и царская Россия занимает свое место в ряду хищников, вступая в новый этап борьбы на своих восточных границах.

Российско-американская компания, однако, сыграла свою роль не только в неудавшейся попытке царской экспансии на американском материке.

Характеризуя деятельность Ост-индской компании, Маркс писал: «Страницы истории господства англичан в Индии вряд ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа вряд ли видна сквозь кучу развалин. Тем не менее эта созидательная работа началась».[1] Элементы такой созидательной работы были и в русских поселениях в Америке.

Расселив алеут по всему побережью и превратив их по существу в своих рабов, Российско-американская компания их все же до известной степени цивилизовала. Под ее надзором некоторая часть туземного населения получала специальные знания. Этот район, благодаря интенсивной торговой деятельности компании, был связан со всеми передовыми странами, со всем промышленным миром.

Анализируя роль царской России на Востоке и сравнивая колонизацию России с польской колонизацией, Энгельс писал Марксу: «... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою мерзость и славянскую грязь, господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар; и Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленности, чем вся, по самой природе своей барски-ленивая, Польша. Преимуществом России является уже одно то, что русское дворянство, начиная с царя и князя Демидова и кончая самым последним боярином четырнадцатого класса, у которого только и есть, что его благородное (blaharodno) происхождение, фабрикует, барышничает, надувает, берет взятки

[1] *Маркс и Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 363.

и совершает все возможные христианские и еврейские гешефты». [1]

Это был шаг вперед, это был прогресс, но это был прогресс, свойственный капиталистическому миру.

Компания была организатором целого ряда кругосветных путешествий. Ею были снаряжены 13 кругосветных путешествий в период с 1804 года (экспедиция Крузенштерна) до 1840 года (экспедиция Заремба). Их значение в истории географических открытий очень велико. Они обогатили картографию, океанографию и прочие смежные области знания. Все эти исследования быстро становились достоянием мировой науки. На основе работ предшествующих экспедиций в 1847 году Кашеваровым были составлены новые карты берегов Тихого океана, в 1852 году Тебеньков издал «Атлас северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых мест Северного Тихого океана» с приложением «Гидрографических замечаний». Как отмечают специалисты-картографы, русские карты и атласы Тихого океана, включая побережье Америки, были выполнены так, что «им могут позавидовать и сейчас многие места земного шара». [2]

Но положительные стороны деятельности компании заключались не только в отмеченной Энгельсом цивилизующей роли, которую играло продвижение России на восток в целом, не только в тех кругосветных путешествиях и экспедициях, которые в прямом смысле этого слова открыли северную часть Тихого океана. Значение деятельности Российско-американской компании больше. Она помогла не только открыть этот обширный район, но и укрепить в нем русское влияние, она помогла освоить и западное побережье Тихого океана, те естественные рубежи, где и сейчас СССР, великая тихоокеанская держава, бдительно охраняет жизненные интересы своих народов.

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXI, стр. 211.

[2] Сб. «Тихий океан», изд. Академии наук СССР, 1926, стр. 35.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие академика Б. Д. Грекова 3
От автора 5
I. Первые русские «промышленники» на северо-американском материке 9
II. Организация Российско-американской компании 22
III. Начало деятельности Российско-американской компании 49
IV. Русские поселения в Северной Америке и конвенции 1824—1825 годов 71
V. От купеческой компании к правительственной организации . . . 90
VI. Поселение «Росс» в Калифорнии 112
VII. Поселения на Гавайских островах и проекты закрепления на о. Гаити 145
VIII. Положение промысловых рабочих в русских поселениях в Америке 162
IX. Туземное население в русских поселениях в Северной Америке 181
X. Последний период деятельности Российско-американской компании 203
XI. Продажа русских владений в Америке 219

Отв. редактор Э. А. Корольчук. Техн. редактор П. С. Смирнов. Корректор Л. Саксаганская. Переплет по рисунку худ. А. А. Ушина.

Сдано в набор 13/V 1939 г. Подписано к печати 14/VII 1939 г. Леноблгорлит № 3644. Соцэкгиз № 1683. Тираж 5000 экз. Объем 16,80 уч.-изд. л., $16^1/_4$ п. л., $8^1/_8$ бум. л. Формат бумаги 60 × $92^1/_{16}$. Тип. зн. в 1 бум. л. 83000. Бумага Красновишерского бумкомбината и Каменской бумфабрики.

Цена книги 4 р. Переплет 2 р.

Отпечатано с матриц в 4-ой тип. ГОНТИ «Красный Печатник» Ленинград Международный пр. 75-а Заказ № 1750

ÚSTŘEDNÍ KNIHOVNA ČSAV PRAHA